ISSN 0131 — 0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

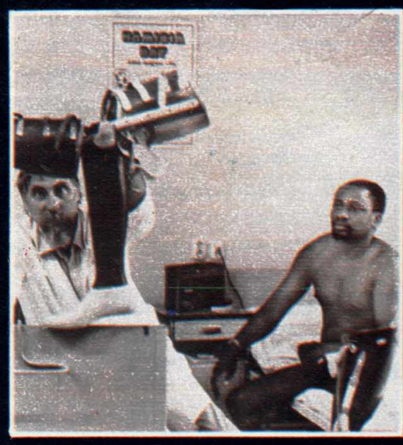
№ 30 ИЮЛЬ 1989

Природа наносит ответный удар

ТВОРЧЕСТВО БЕЗ КОМПРОМИССА

РАССКАЗ АНАТОЛИЯ ГЛАДИЛИНА

СТОП-КАДР

ЦЫГАНСКАЯ ВОЛЬНОСТЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 30 (3235)

22 — 30 ИЮЛЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Что делать с озонной дырой? Ответ на этот вопрос ищут ученые, изучающие антарктический озонный слой. (См. в номере материал «Сигнал из будущего».)
Фото В. ЧИСТЯКОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 03.07.89. Подписано к печати 18.07.89. А 08884. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 816. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Что случилось в Харькове? Еще свежи в памяти полные драматизма перипетии прошедшей избирательной кампании, еще, казалось бы, и воздух не остыл от митингового людского половодья, над которым прокатывались громовые эмоциональные раскаты, но ожидаемого по логике вещей затишья и спокойствия как-то не произошло. Снова бурлит город... У всех на слуху одна фамилия — Гайсинский! Кто он? Почему о нем говорят на заводах и стройках, у вестибюлей станций метро и на

Александр
БОЛОТИН,
специальный
корреспондент
«Огонька»

Фото
Игоря
ГАВРИЛОВА

РЕВАНШ

автобусных остановках? Почему по всему Харькову идет сбор подписей в его защиту и люди снова собираются на митинги, где звучат страстные призывы поддержать этого человека? А беспрецедентность ситуации очевидна — харьковчане дружно протягивают руку помощи представителю, скажем так, не чересчур почитаемых в народе правоохранительных органов, прокурору, с которым, как считают в городе, расправляются местные власти.

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ ИЗ ЖИЗНИ ПРОКУРОРА РАЙОННОГО МАСШТАБА

СЛАДКАЯ ЛОЖЬ ИЛИ ГОРЬКАЯ ПРАВДА?

Весной прошлого года в органах прокуратуры города Харькова произошло ЧП, которое кое-кто и сегодня склонен рассматривать как скандал общесоюзного масштаба. Почти весь коллектив прокуратуры Московского района во главе со своим руководителем — сорокадвухлетним прокурором Юрием Александровичем Гайсинским подписал и направил в Президиум Верховного Совета СССР письмо в поддержку идеи создания памятника жертвам сталинских репрессий, сообщил о решении выделить для этих целей часть своего заработка, а также выразил желание принять активное участие в работе Харьковского отделения Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал». Подобная неформальная акция произвела в определенных кругах эффект разорвавшейся бомбы. Во всяком случае, самолично прибывший в Харьков Прокурор Украины Петр Григорьевич Осипенко первым делом осведомился у своего младшего по званию коллеги: «Все ли у вас в порядке с головой?», после чего направился в районную прокуратуру и учинил тамошним работникам разнос, обвинив их во всех тяжких.

В этом, прямо скажем, необычном случае Юрий Гайсинский проявил завидное хладнокровие — не растерялся, не заюлил перед начальством, а попытался твердо и принципиально обосновать свои позиции. «Убежден,— писал он в рапорте на имя прокурора Харьковской области государственного советника юстиции 3 класса Г. К. Кожевникова,— что создание мемориала, посвященного жертвам беззакония и политического террора сталинского времени, необходимо, так как нельзя предать забвению память о массовом уничтожении лучших людей страны — крестьян, рабочих, представителей интеллигенции, политических и военных деятелей... Полагаю, что работники прокуратуры в числе первых должны требовать увековечения памяти жертв репрессий. Поэтому вызывает недоумение сам факт истребования у меня подобных объяснений».

Не будем гадать, стало ли то незначительное, но, как показывает жизнь, далеко не безобидное происшествие отправной точкой в долгой процедуре превращения инициативного и квалифицированного руководителя в опального и неугодного очернителя и бунта-

ря, но пошли на Гайсинского, как говорится, «косяком» с тех пор проверки и комиссии, а вместе с ними посыпались строгие и менее строгие дисциплинарные взыскания. Но возмутитель спокойствия опять гнет свое. И вот уже с трибуны районной партийной конференции в ноябре прошлого года снова произносит какие-то крамольные, совсем не прокурорские речи. Что стоит хотя бы предложение к конференции обратиться в ЦК КПСС, с тем чтобы в порядке законодательной инициативы войти в Верховный Совет с законопроектом о ликвидации Госагропрома как организации, тормозящей внедрение прогрессивных методов хозяйствования на селе. В то время так решительно вопрос еще никто не ставил.

Очень емким раздражителем для любителей показухи стала непримиримая борьба прокурора с фальсификацией отчетности. На иные улицы города вечером выйти страшно, а по отчетным данным в Харькове все в порядке. Когда все совершаемые преступления стали регистрироваться и картина приобрела действительно объективный характер, многие наверху схватились за голову. Кроме того, Гайсинский неоднократно публично высмеивал некоторые положения существующей системы оценки эффективности работы следственных органов — от них, по его мнению, за версту отдает унылым духом формализма и начетничества. Пресловутый валовой показатель невзначай подобрал ключи и к такой вроде бы неэкономической сфере, как раскрываемость преступности. Если в прошлом году ты завершил 100 дел, а в этом только 90 — значит, производительность твоя резко упала. Социальная опасность такого примитивного расклада не вызывает сомнений. Известно, что можно ждать от следователя-ударника.

Конечно, все это, вместе взятое, теплоты в отношениях с начальством Юрию Гайсинскому не добавило. В самом конце прошлого года аттестационная комиссия областной прокуратуры отметила существенные недостатки в работе прокурора Московского района и коллектива его подразделения. Его обвиняли в том, что он слабо осуществляет надзор за следствием и дознанием в органах внутренних дел, в уголовном и гражданском судопроизводстве, а точнее намекали, чтобы прокурор успокоился и вел себя, как все. При этом многих раздражало, что индекс его общественной значимости непрестанно рос. И вот случилось то, что в определенной степени следовало ожидать. Коллективы производственного объединения метрологии и Харьковского государственного университета, автопредприятия и СПТУ выдвинули Юрия Александровича Гайсинского кандидатом в народные депутаты СССР.

...Надо было видеть, с какой теплотой принимали его аудитории предвыборных собраний. На некоторых я лично присутствовал и слышал, о чем говорил Юрий Гайсинский. Его речи были проникнуты острой болью за нашу великую страну, которую настигли неисчислимые беды. В своей предвыборной программе он предлагал пути преодоления кризиса, подчеркивал, что положение дел может спасти только последовательная и решительная десталинизация общества.

Приведу только несколько положений из его программы:

«Сталинизм сегодня — это формирование руководящих кадров на основе протекции. Протекционизм порождает некомпетентность, а в конечном счете то, что мы имеет сегодня — пустые полки магазинов, превращение страны в главного экспортера нефти, газа и другого сырья, ликвидация крестьянства путем отрыва его от земли, от собственности и, как следствие, импорт зерна из-за рубежа.

Продовольственную проблему можно и нужно решить путем передачи земли и других средств производства крестьянам. На деле реализовать требование передачи земли тем, кто ее обрабатывает, запретить вмешательство бюрократических органов в хозяйственную деятельность, которая должна подчиняться только объективным экономическим законам.

Необходимо обеспечить охрану окружающей среды, прекратить экологически вредные производства, опубликовать все данные об экологической обстановке во всех регионах страны, в том числе Харькове и Харьковской области. Осуществлять независимый контроль за качеством продовольствия. Стимулировать выращивание продуктов без «химии».

Добиваться во что бы то ни стало социальной и национальной справедливости, для чего ликвидировать различные спецпайки, спецбольницы, спецмагазины и другие спецраспределители. Все должны иметь равный доступ и возможности качественного медицинского обслуживания, образования, организации свободного времени.

Труд каждого должен оплачиваться и стимулироваться только рублем без каких-либо ограничений на личные доходы.

Необходим переход на республиканский и региональный хозрасчет.

Долг государства — обеспечить гражданам их личные права и неприкосновенность от посягательств преступников. Всеобщую декларацию прав человека — в советское законодательство».

...На предвыборных собраниях ему бурно аплодировали. Он говорил то, что вынашивал в себе годами, во что свято верил. Он внушил эту веру людям, которые, казалось, безоговорочно за ним пойдут.

ОСМЫСЛЕНИЕ РЕАЛИЙ

Жизнь щедра на сложные сюжеты. Некоторые и предугадать трудно. В ходе предвыборной кампании два кандидата в народные депутаты СССР по Харьковскому национально-территориальному округу прокурор Ю. А. Гайсинский и профессор университета В. А. Щербина сняли свои кандидатуры в пользу одного из своих соперников — главного редактора журнала «Огонек» В. А. Коротича. Очевидно, этим можно объяснить то обстоятельство, что именно в редакцию нашего журнала мощным потоком пошли письма и телеграммы с просьбой и требованием защитить от нападок командно-административной системы попавшего в опалу прокурора. Пишу об этом откровенно, потому что немало поломали мы голову над вопросом, а имеет ли право «Огонек» вмешаться в подобную щекотливую ситуацию, не будет ли это расценивается как использование страниц журнала для выражения личных пристрастий и симпатий, если не сказать более — своеобразной благодарности за в свое время оказанную услугу?

После долгих раздумий решили, что закрывать глаза на конфликт в Харькове было бы тоже неправильно — во-первых, слишком далеко он зашел, во-вторых, люди просят разобраться, высказать свое отношение к происходящему, требуют ответить на просто поставленный вопрос: почему травят честного и порядочного человека? Но договорились перед моим отъездом в командировку в Харьков исследовать суть конфликта предельно объективно, прежде всего выслушать противную сторону, помнить, что ситуация сложна, неоднозначна, и не исключено, что за Гайсинским есть неизвестные нам грехи. Примерно с таким настроением входил я в кабинет харьковского областного прокурора Геннадия Константиновича Кожевникова, который за несколько дней до моего визита поставил вопрос перед прокурором Украинской ССР об освобождении Ю. А. Гайсинского от занимаемой должности.

«Вы действительно считаете, что в силу некомпетентности прокурор Московского района не соответствует должности?» — спросил я в упор своего собеседника и вдруг услышал ответ совершенно для меня неожиданный: «Я так не считаю, более того, я уверен, что Юрий Гайсинский блестящий специалист, талантливый юрист и самый умный в городе районный прокурор».

Очевидно, уловив на моем лице неподдельное изумление, Геннадий Константинович продолжал: «Но прокурором ему не быть — это факт! Он выпал из системы. В полувоенной организации, какой являются органы прокуратуры, не принято обсуждать приказы — их следует выполнять. Я, может быть, тоже не согласен с некоторыми действующими сегодня циркулярами и параграфами, но я бы на его месте, получив приказ, даже с которым не согласен, начал бы его выполнять, а потом уже обжаловать. Иначе у нас не поступают. Сейчас он один против всех в прокуратуре».

...Один против всех! А ведь когда-то они были друзьями, Юрий Гайсинский и Геннадий Кожевников. Да и биографии их схожи — вместе учились в институте, вместе пошли в армию, оба прошли рабочие университеты: Юрий в молодости плотничал, Геннадий слесарил на авиационном заводе. На каком же перекрестке разошлись их пути?

Наверное, природа была исключительно добросовестна, создавая род Гайсинских. Отца, Александра Яковлевича, я не видел, но сын утверждает, что он такой же рослый, крупный в кости, уверенный в себе. С отцом — старым фронтовиком, прошедшим всю войну, вступившим в 1943 году в партию на Ленинградском фронте, у них полное взаимопонимание. Хотя в одном вопросе долго не могли прийти к общему соглашению. «Как же так, Юрочка,— все повторял отец,— мы же с его именем в бой шли — за Родину, за Сталина, а теперь о нем такое пишут?» «А что здесь удивительного? — спокойно отвечал сын.— Все государство по его воле было охвачено социальным психозом, манией всеобщего ликования и поклонения. Вот и расхлебываем до сих пор то, что он так упорно насаждал в народе — лицемерие, трусость, приспособленчество, угодничество, неумение самостоятельно мыслить, но при этом рабски повиноваться».

Детство и юность Юрия прошли в тихой, воспетой Гоголем Полтаве, да и после Харьковского юридического института, который он окончил с отличием, его послали работать в сельский райцентр Красноград. Здесь в 1975 году он был назначен районным прокурором, здесь работал, набирался опыта, получал благодарности и грамоты. Здесь впервые столкнулся и с горькими реалиями нашей жизни.

В так называемый «период интенсивных сельскохозяйственных работ» вдруг неожиданно всплывало далекое, полузабытое и давно, наверное, со времен первых коллективизаций, проклятое в народе слово «уполномоченный». Ими становился весь районный актив — секретари райкома, заместители предрика, начальник милиции, прокурор... Надо было ехать в отдаленный колхоз или на ферму, чтобы руководить, направлять, осуществлять, контролировать... И там, в глубинке, порой открывались жестокие картины, ох как далекие от благолепных цветных слайдов, прославляющих сельскую идиллию.

Довелось здесь молодому прокурору впервые увидеть, как обреченно ревет давно не кормленный скот, как тонут в навозной жиже новорожденные телята, как гниет зерно под дождем, как бредут в пять утра изможденные, со скрюченными от ревматизма пальцами на руках, до поры состарившиеся доярки. И первый урок ему запомнился, когда, улучив момент, его шофер Вася шепнул на ухо: «Ты бы отошел в сторонку, Александрыч, сейчас доярки домой пойдут, пусть хоть по банке молока вынесут, коров-то ни у кого нет, а ведь у каждой семья, дети...»

Сокурсник по институту Геннадий Кожевников работал прокурором в соседнем Валковском районе — дружили семьями, часто встречались, вместе проводили досуг, иногда спорили до хрипоты...

— В чем причина наших неудач, почему живем хуже других, до каких пор будут процветать темнота, невежество, бескультурье?

— Распустился народ, полное отсутствие сознательности и дисциплины, разворовали государство, все тащат, что под руку попадется.

— Да, но к каждому прокурора не приставишь и что это за экономика под прокурорским надзором...

— Надо воспитывать людей, разъяснять, агитировать, а где надо — и власть употребить. Смелее нужно применять административные меры...

— А не слишком ли велик у нас этот административный зуд? Кажется, Бухарин еще в 20-е годы утверждал, что рыночные отношения и при социализме в различных областях экономики более продуктивны, чем вмешательство государства.

— Ну, эти рассуждения уже с позиции правого уклона. Нам необходимы хорошие кадры, нужна твердая политика, в которой партийным органам принадлежит авангардная роль.

— Согласен. Но готов опять процитировать Бухарина, где он предостерегает от опасности бюрократизации партии и отчуждения ее от широких масс. Вот послушай: «Для всей нашей партии и для всей страны одной из главных возможностей действительного перерождения являются остатки произвола для каких-нибудь привилегированных коммунистических групп. Когда для группы коммунистов закон не писан, когда коммунист может свою тещу, бабушку, дядюшку и т. д. тащить и «устраивать», когда никто не может его арестовать, преследовать, если он совершил какие-нибудь преступления, когда он разными каналами может еще уйти от революционной законности, это есть одно из крупнейших оснований для возможности нашего перерождения».

Это были дни их дружбы. Помнится, на ленинской брошюре «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого», подаренной Юрию Гайсинскому, Геннадий Кожевников то ли в шутку, то ли всерьез сделал дарственную надпись: «Стойкому бухаринцу от большевика-ленинца». Ну это так, к слову...

СИНИЙ ТУМАН

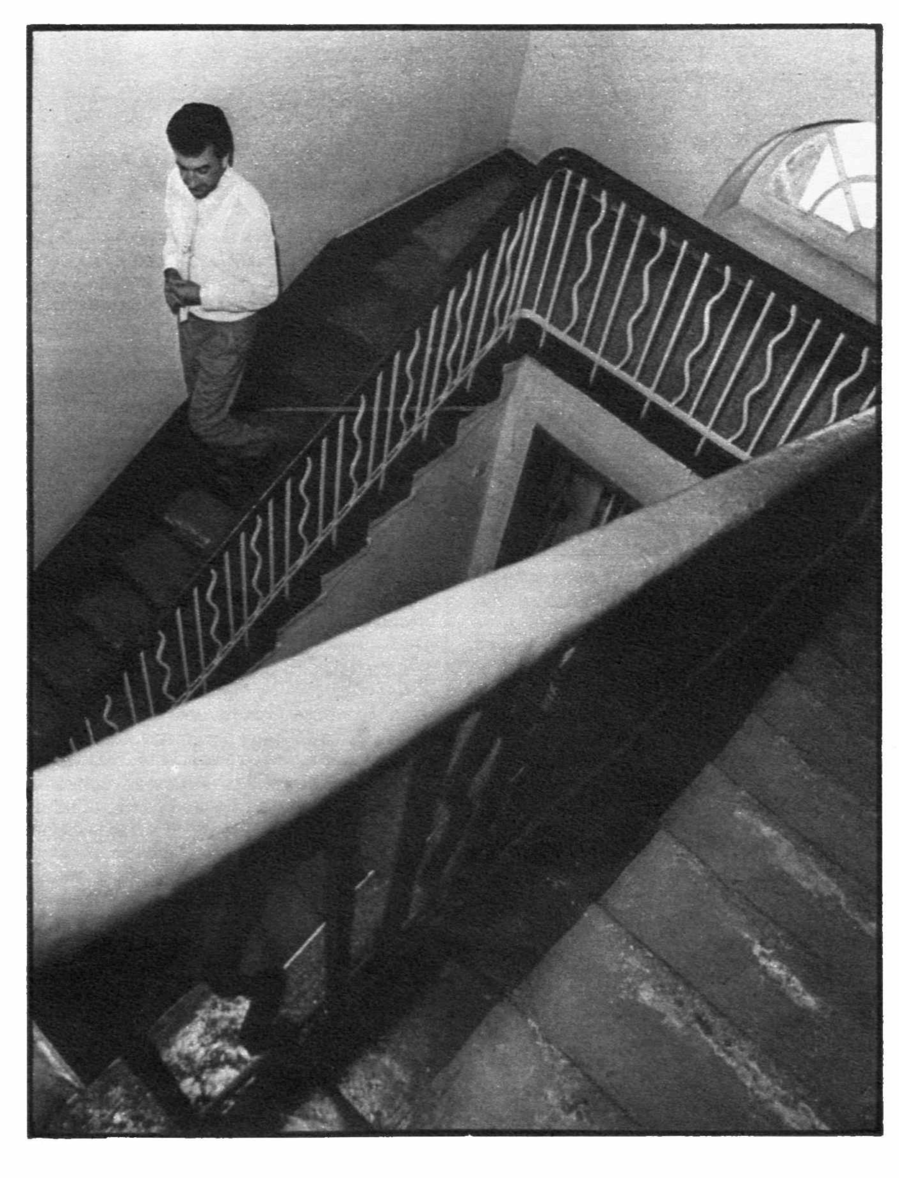
Кто накаляет атмосферу в Харькове? Брожу по городу, беседую с людьми, а ответа на этот вопрос не нахожу. Легче всего все свалить на неформалов — это они мутят воду, собирают подписи, расклеивают листовки, добиваются разрешений на проведение митингов... Но, во-первых, все, что они делают, происходит в рамках закона, а во-вторых, где та сила, что им противостоит? Прошедшие выборы в народные депутаты СССР продемонстрировали поразительное единство харьковского рабочего класса, интеллигенции, всех слоев общества. Народ назвал своих избранников — тех, кого хотел. И в этом анализе, если быть до конца честным, можно ли умолчать о том беспощадном поражении, которое потерпел единственный из десяти кандидатов, представлявший на выборах власть. Речь идет о председателе горисполкома, набравшем полтора процента от общего числа голосов. Политический нонсенс, если называть вещи своими именами! Но задумался ли кто-нибудь в партийном и советском аппарате об этом факте серьезно? Извлечены ли из него уроки? Сделаны ли какие-нибудь, хотя бы предварительные, выводы? А если сделаны, то на правильном ли пути сейчас устремления аппарата?

Московский район, в котором работает Юрий Гайсинский,— громадная городская территория площадью свыше 23 квадратных километров, на которой

проживает 322 тысячи человек. Здесь более 30 крупных промышленных предприятий и строительных организаций, научно-исследовательские институты и конструкторские бюро, несколько десятков школ и СПТУ, густонаселенные жилые массивы. Районный прокурор в течение нескольких лет бьет тревогу, поднимая вопрос перед областным и республиканским руководством, требует увеличения штата работников правоохранительных органов, ибо положение доходит до абсурда, когда в производстве у одного следователя находится от 40 до 100 уголовных дел. При этом он ссылается хотя бы на родную Полтаву, где обеспеченность такой же численности населения работниками органов прокурорского надзора примерно в четыре раза выше, но встречного понимания упорно не находит.

А правомерно ли осуждать Гайсинского, который считает, что ряд инструкций и положений, действующих сегодня, устарел, что необходимо освободить органы прокуратуры от несвойственных им функций? Об этом, кстати, шел разговор на первой сессии Верховного Совета СССР, когда формировалась коллегия Прокуратуры Союза. И если сейчас не говорить о наиболее острых назревших проблемах, то когда?

Но вместо диалога предпринята попытка создать общественное мнение, скомпрометировать Юрия Александровича в глазах харьковчан. Областная газета «Красное знамя» публикует статью под названием «Что произошло с прокурором Гайсинским?». Начальник отдела кадров областной прокуратуры С. Голубицкий перечисляет в ней все упущения и недочеты районного прокурора, якобы послужившие причиной его освобождения от работы. Здесь и обвинение в формализме, и покрывательство торговых работников, припрятывающих дефицитный товар, и нарушение социалистической законности, и равнодушие при ведении следствия, и т. д.

А я дилетант и, не вникая в тонкости особо, беру наугад дело об убийстве гражданки К., о котором в статье дословно говорится, что «Ю. А. Гайсинский лишь после неоднократного напоминания городской прокуратуры выехал для участия в осмотре места происшествия», и по его материалам убеждаюсь, что все было не так. Сообщение об убийстве поступило в 8 часов вечера, когда прокурор находился еще на работе. Он сразу же выехал на место происшествия, что могут подтвердить находившиеся там работники горпрокуратуры и милиции, он первым сообщил мужу о смерти потерпевшей и в последующие дни участвовал во всех следственных действиях. Мелочь? Возможно... Но, оказывается, на мелочах попадаются не только преступники, но и те, кто их ловит.

Сомнительно обвинение прокурора и в прекращении дел о припрятывании товаров — юристам хорошо известно, что не все такие действия можно признать уголовно наказуемыми. Тем более что прокуратуры города и области, неоднократно проверяя эти дела, признали принятые решения обоснованными. Доводы о несоответствии статистических данных отчетности фактическому положению дел практически голословны и сделаны на основе недобросовестно проверенных фактов. Одним словом... Куда ни кинь — везде синий туман, который, если верить известной песне, похож на обман.

Повторяюсь, возможно, проверяющим комиссиям известны какие-то сложные нюансы прегрешений Ю. А. Гайсинского, недоступные нашему дилетантскому пониманию, но то, что опубликовано на страницах областной печати, малоубедительно и доверия к авторам не вызывает.

Получила редакция «Огонька» и письмо, подписанное всеми работниками прокуратуры Московского района, в котором, в частности, говорится следующее: «Желание сгустить краски и во что бы то ни стало очернить прокурора в глазах общественности зашло так далеко, что в ходатайстве облпрокуратуры о даче согласия на освобождение Гайсинского Ю. А. от занимаемой должности, направленном в Московский райисполком, он назван «общественно опасным» и «разлагающе действующим на кадры». Мы, его подчиненные, так называемые «разложившиеся кадры», знающие подоплеку сегодняшнего конфликта изнутри, убеждены, что против Гайсинского Ю. А. ведется злобная клеветническая кампания со стороны тех, кто серьезно обеспокоен грядущими выборами в Верховный Совет УССР и местные органы власти и таким путем пытается устранить его, ибо авторитет прокурора среди населения города Харькова очень высок».

— Очевидно, я плохой политик,— улыбался в разговоре со мной областной прокурор Г. К. Кожевников,— партийные органы оказывают на меня давление, просят не трогать сейчас Ю. А. Гайсинского, а я не поддаюсь...

Лукавил Геннадий Константинович, ох лукавил... Журналисты газеты «Красное знамя» рассказали мне, что статью С. Голубицкого привезли в редакцию из обкома КПСС вечером, накануне публикации, когда рабочий день уже закончился, и дежурный редактор сразу поставил ее в номер.

Так кто же мутит воду в Харькове? Аккумулируются ли в среде партийного и советского аппаратов те настроения, запросы, потребности, которые сегодня волнуют людей, поднявшихся после первого Съезда народных депутатов СССР в понимании своих демократических прав, научившихся открыто говорить и смело думать? Или всемогущий аппарат — по-прежнему система, выведенная из-под власти народа, но повелевающая им?

РЕВОЛЮЦИИ СВОБОДНЫЙ ДУХ!

...Ну зачем надо было загонять, иного слова не нахожу, людей в этот тесный душный зал старенького Дома культуры завода «Серп и молот», построенного в окраинном пролетарском районе Харькова еще до войны? Неужели нельзя было найти другое, более просторное помещение. Более того, санкционированный райисполкомом митинг в поддержку Ю. Гайсинского хотели провести в парке «Победа» на открытой площадке, но в последний момент чья-то рука-владыка распорядилась: нет, только здесь...

Люди стояли в проходах, толпились вдоль стен, яблоку, как говорится, негде было упасть, вокруг здания Дома, куда была выведена радиотрансляция, тоже толпились большие и маленькие группки пришедших на митинг, но не попавших в зал, и я невольно подумал, что в таком накаленном политическом климате, в таком бурном водовороте всколыхнувших наше сознание страстей мы еще никогда не жили.

Аналогии напрашивались сразу, их не надо было вызывать воображением, казалось, стоит только прикрыть глаза — и все происходящее потонет в густых клубах дымящей солдатской махры, в которых неясно колышутся штыки и красноармейские шлемы, шинели, кожанки и лозунговые красные лоскуты... Неужели снова в народе просыпается заснувший на долгие годы революционный дух? Неужели проходит время маленьких серых людей, которых так легко держать в послушании? Неужели созревают силы, способные противостоять самодурству, окрику, идиотскому приказу? Неужели побеждает здравый смысл?

На митинге властвовала стихия. Но эта же стихия без милиции и дружинников поддерживала порядок — следила за регламентом, одергивала крикунов, гасила чересчур распалившиеся эмоции... В большинстве своем собравшиеся отвергали балаган — они не искали пикантное зрелище или скандал, они шли после работы, в свое свободное время в этот накаленный зал с тревогой и чувством гражданской ответственности, чтобы выразить солидарность с человеком, с которым, по их мнению, поступают несправедливо.

О Гайсинском говорили много всякого хорошего, и не резон все это повторять. Но я все ждал, кто будет представлять так называемую официальную, альтернативную точку зрения. Ведь если народ волнуется, протестует, то кто-то же должен объяснить людям, в чем они не правы. За аттестацию, выражающую недоверие Юрию Гайсинскому как прокурору района, голосовали шестнадцать руководителей и работников старшего звена областной прокуратуры. Они что, все в рот воды набрали или не умеют говорить? Правда, публика имела удовольствие послушать городского прокурора В. П. Никонова, но это выступление не в счет. Оратор так беспомощно выражал свои мысли, что был освистан и с трибуны удален. Подумалось даже, уж не сыграл ли кто-то озорную шутку, продемонстрировав этим эпохальным выступлением интеллектуальный уровень прокурорских рядов.

А хотелось открытого партийного спора, живой здоровой дискуссии. Тем более в зале находились партийные работники, секретари некоторых райкомов КПСС. Но никто из них трибуны не захотел. Как это оценить? Молчаливое согласие с теми, кто говорил в пользу Гайсинского? Привычное желание отмолчаться или высокомерное пренебрежение к толпе? Ведь рассказывали мне, что один секретарь райкома здесь на предвыборном собрании заявил: «Все, кто выступает на митингах и чего-то там кричит — Моська, а мы, партия, Слон! Они лают, а мы идем...»

Вот только хочется спросить: куда?

И, конечно, ожидал я увидеть на трибуне самого непримиримого главного оппонента Юрия Гайсинского, областного прокурора Геннадия Кожевникова. Кому, как не ему, внести ясность в вопрос, отстоять свою точку зрения, если надо доказать, что Гайсинский не тот, за кого себя выдает. Но одно — демонстрировать свое красноречие в келейной тишине кабинета среди подчиненных, на закрытых заседаниях коллегий и аттестационных комиссий, другое — умение вести живой диалог, смотреть людям прямо в глаза. Нет, и не подумал приехать на митинг Геннадий Константинович.

...На каком же все-таки витке жизни разошлись их пути-дороги, почему не сумели прошагать по дорогам нога в ногу два способных и полезных человека, почему вдруг оказались на разных полюсах, по обе стороны баррикад? Кто олицетворяет день сегодняшний, кто — день вчерашний? Неужели прокурор Кожевников не понимает, что время против него. Или все сводится к простой формуле: чем человеку больше дано, тем меньше желание что-нибудь менять, чем довольнее он своим положением, тем отдаленнее от него тревога за судьбу дела.

Не могу найти ответы на многие вопросы. Так ли сильны органы прокуратуры, чтобы разбрасываться ценными работниками? Или это форма устрашения других непокорных? Или волевой нажим, который авторитета никому не добавлял. А может быть, плохо скрытое раздражение и растерянность от того, что привычная почва уходит из-под ног.

...Склоним же в почтении голову перед нашим нелегким временем, ибо оно выдвигает на авансцену перестройки настоящих лидеров — людей абсолютно необычной формации, склонных принимать неординарные решения и совершать нетрадиционные поступки. Отдадим дань их смелости и мужеству, не секрет, что тернистый путь, на который они ступили, презрев удобную и наезженную колею, вряд ли обещает им спокойное и благополучное существование. Но адвокат прокурору Юрию Гайсинскому не нужен — он сам себя защитит. Тем более роль судьи взял на себя народ. Только харьковчане вправе решить, за кем они пойдут!

СТРАНА ЖИВЕТ СЪЕЗДОМ ●
ПОЧЕМ НЫНЧЕ ОГУРЦЫ БЕЗ НИТРАТОВ? ●
ПО СЧЕТУ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ●

■

Хочу поделиться своим мнением о социологическом обслуживании Съезда. Впервые у нас опросы проводились и публиковались довольно регулярно, и это добрый признак. Интерес к их результатам столь же велик, как и к стенограммам. Тем обиднее, что ими охвачено ничтожно малое количество населения.

В «Огоньке» № 25 дан экспресс-анализ социологов группы «Съезд». Опросы проводились всего в шести столичных городах. Каждый из них многолюден, но общая сумма населения этих городов около семи процентов от населения страны. И самое главное — в опросах не отражено, например, мнение жителей областных центров и АССР. Совсем иной пласт составят, скажем, города Сибири или Дальнего Востока. Собственные экономические и культурные потребности, представления (а значит, и свои оригинальные мнения) имеют города молодые, родившиеся в последние десятилетия.

Знаю нашу беду: многие и многие края, области, республики (кстати, даже из союзных опросы охватили лишь 4, да и то их столицы) не имеют еще социологической службы. Таким образом, наша демократия подошла к своему дню рождения не только без пеленок — системы электронного обеспечения зала, но и без соски — без социологической службы. И если такой службы не будет, любая демократия окажется половинчатой, лишенной обратной связи с избирателями. Вот почему было бы, на мой взгляд, разумно Верховному Совету приложить старания для развития этой службы, проникновения ее во все уголки страны.

Считаю, что к осенней сессии Съезда надо не только оргтехнику установить, но и усовершенствовать социологическое обеспечение. Это сделать возможно, если опереться на местные вузы. Конечно, увы, нужны для этого приказы или хотя бы рекомендации сверху. А то многие бюрократы заболели социологобоязнью, и даже слово «социология» вызывает у них аллергию.

И еще об одном верном методе обратной связи депутатов с избирателями, контроле последних за своими депутатами: о поименном голосовании. В царских думах — «урезанных», «забитых», «недемократических» и т. д. такой метод применялся (во всяком случае, газеты писали, кто как голосовал). Агрессивно-послушное большинство нашего Съезда боится огласки.

А. АБРУКОВСКИЙ
Тамбов

■

Совхоз-комбинат «Пуща-Водица» поставляет в некоторые районы Киева ранние овощи. Но покупатели видят на прилавках только лук, свежие огурцы, помидоры, да и то изредка. Оказывается, выращивает совхоз в теплицах цветную капусту, баклажаны, кабачки, молодой картофель, то есть овощи, которые сейчас, в разгар лета, мы не видим в достатке. Есть в совхозе такой закрытый спеццех в отделении под номером пять. Выращивают там овощи без химических удобрений, в почве самой настоящей, а не гидропонным способом. Овощи эти выращиваются для стола спецзаказов. Какова же себестоимость одного килограмма огурчиков, выращенных спецспособом для спецстола? Представьте себе, всего лишь 14 рублей 12 копеек. Себестоимость же огурцов для нас, простых смертных, 53 копейки. Что-то мне не верится, чтобы платили почти по 15 рублей за кило люди, пользующиеся спецстолом. Да и кто же они? Инвалиды? Участники войны? Может быть, ясельные дети? Сомневаюсь.

Есть в нашей газете «Вечерний Киев» рубрика «Посторонним вход воспрещен», и обо всех этих спецбаклажанах и спецогурчиках и еще 15 спецовощах поведала газета в заметке «Золотые овощи». Из заметки же следует, что овощи в обычную продажу идут с завышенным содержанием нитратов, а «золотые» — экологически чистые, за качеством установлен контроль в течение длительного времени: чтобы вырастить морковь к первому марта, ее надо высадить в грунт еще в августе. И никаких сверхубытков, все покрывается сверхприбылями от широкой реализации огурцов по три рубля за кило, неважно, какова себестоимость: 53 копейки или 14 рублей.

М. ПЕТРОВА
Киев

■

Одно из неординарных событий Съезда народных депутатов — голосование за отмену депутатских залов в аэропортах и на вокзалах, которое внезапно предложил Съезду Е. Евтушенко. Так внезапно, что ни самые «послушные» депутаты, ни противники перестройки не успели и сообразить, как уже проголосовали за эту отмену. Я подчеркиваю — проголосовали! Значит, отменили эти самые залы и зальцы по всему СССР самой высшей властью страны.

Но... Залы и зальцы продолжают как ни в чем не бывало существовать! Как это понимать?! Как то, что голосование всем Съездом не более чем веселая шуточка и ее всерьез брать не следует?! Или как то, что ведомства (или аппаратчики, готовившие решения Съезда) плевать с высокой горы хотели на то, что говорили на Съезде, как то, что кто-то невидимый позволяет себе корректировать решения высшего форума страны?

И еще... Не могу понять психологии депутатов, которые сначала проголосовали за отмену этого неравенства, а потом как ни в чем не бывало, разъезжаясь из Москвы, сидели в этих позорных «сталинско-брежневских» залах, и их не мучили ни недоуменные вопросы, ни совесть! И это через месяц после разговоров на выборах о своей приверженности к социальной справедливости!

Отчего бы это?

М. ТУКАЛЕВСКИЙ,
ветеран труда, коммунист
Вуктыл Коми АССР

■

Есть у нас кинотеатр «Родина» с замечательным женским коллективом. В этом кинотеатре действует постоянная выставка работ одесских художников. С их согласия по инициативе директора А. С. Максимовой было решено с каждой выставки оставлять одну-две картины. В день рождения пионерии эти картины, а их накопилось 15, собранная коллективом библиотека и небольшая сумма денег плюс деньги из директорского фонда (всего 450 рублей), подарки, сласти переданы дому-интернату для сирот в г. Балте Одесской области.

Дайте эту информацию в журнале, не все у нас так плохо, не у всех злые сердца. А может быть, этот случай послужит примером для других.

Г. АЛЕКСЕЕВА
Одесса

■

На Съезде народных депутатов СССР нередко можно было услышать негодование по поводу нападок на партию, при этом, как правило, вспоминалось все то положительное, что партия сделала для счастья народного, в частности, ей ставилась в заслугу инициатива перестройки.

Возможно, не все упреки, звучащие в адрес партии, справедливы, однако, во-первых, инициатива перестройки принадлежит далеко не всей партии сразу, иначе получается, что до перестройки страной правила нечистая сила. Во-вторых, действительность такова, что всякая буффонада по поводу перестройки напоминает пир во время чумы, поэтому с аплодисментами в свой адрес следует, видимо, повременить.

Сегодня никто не желает объявлять себя противником перестройки. Тем не менее существует обширная категория лиц, для которых ведущая роль партии в перестройке гораздо важнее самой перестройки. Я, конечно, не против активного участия партии в деле революционного обновления страны, но я не могу согласиться и с позицией противопоставления партии всем остальным политическим и неприсоединившимся (беспартийным) силам. Подобная позиция приводит к формированию образа врага в отношениях сторон, к открытым конфликтам, является катализатором напряженности в обществе.

Партию в отличие от Советов мы не выбираем. Хорошо это или не очень? Сторонники однопартийной системы рассматривают возможность отказа от монополии как нападки на КПСС, как вызов социализму. В действительности отсутствие альтернативных программ лишает нас права выбора, что никак не вписывается в рамки правового государства, а партию — ответственности за проводимую ею политику, самокритика не в счет. По всей видимости, именно это больше всего и привлекает сторонников однопартийной системы.

Многие заблуждаются, воспринимая природу нашей однопартийности естественной. Прямого запрета нет, однако любая политическая сила, будь то партия или движение, согласно Конституции (ст. 6) должна быть руководима и направляема КПСС. Если это требование не выполняется, то рассчитывать на официальное признание с получением соответствующих конституционных прав такая общественная организация фактически не может.

Хочется верить, что вновь избранный Верховный Совет внесет соответствующие поправки в Конституцию СССР.

В. ВОЛГУНОВ,
токарь-расточник
Горьковского опытного
металлургического завода

■

Наш горисполком решил дать землю горожанам. Замечательное решение, не так ли? Чтобы удовлетворить всех, потребовалось около двух тысяч гектаров земли. От совхоза «Красный Октябрь» исполком рассчитывал получить сначала 500 гектаров, потом совхоз снизил эту цифру до 211. В итоге же на состоявшемся сельском сходе было принято решение не давать севастопольцам землю вообще.

Что же, у совхоза есть на то свои серьезные причины: земли, запланированные под дачи, являются лесными насаждениями, а если их уничтожить, то явно не хватит воды, пастбища тоже нужны совхозу, в котором 2000 голов крупного рогатого скота, да из-за дачников население Байдарской долины возрастет вдвое, значит, нужно решать и социальные вопросы, и экологические, и т. д.

Однако, как пишет наша газета «Слава Севастополя», горисполкому стало известно, что «Красный Октябрь» все-таки выделил землю работникам Четвертого главного управления Минздрава СССР. Вот что говорит директор совхоза по этому поводу: «Два с половиной года назад обратились руководители Четвертого управления Минздрава СССР, расположенного в Ялте, и попросили участок под дачи для работников санатория «Форос». Мы заключили взаимовыгодный договор. В результате получили автотранспорт, нам построят десять жилых домиков, на очереди сенохранилище, мы имеем путевки в санатории и пионерский лагерь и т. д. Естественно, что 20 гектаров земли мы «Форосу» выделили».

Что же делать предприятиям, которые не столь богаты, как известное на всю страну управление? И еще вопрос: откуда у этого управления деньги на все блага, которыми оно одарило «Красный Октябрь»? Неужели наши аппаратчики наличными расплачиваются за свое лечение? И не происходит ли обмен не принадлежащим ни совхозу, ни Минздраву народным добром? Правильно критиковали на Съезде Е. Чазова: нет шприцев одноразовых, нет лекарств, нет специалистов, в поликлинику не пробиться, консультацию не получить. Но это для нас, а для них... Кстати, в выборных программах многих депутатов говорилось о Четвертом управлении. Разве не прав был хирург Н. Амосов, когда сказал при утверждении Е. Чазова на пост министра, что наличие Четвертого управления — вопрос не только социальный, но и политический?

С. СЛУЦКАЯ,
инженер, 38 лет
Севастополь

■

18 июня в Винновской роще состоялся праздник, посвященный дню рождения нашего земляка, русского писателя И. Гончарова. Именно в этой роще разворачивается много эпизодов романа «Обрыв». Как всегда, собралась писательская молодежь, артисты, почитатели таланта Гончарова. Приехали гости из Москвы, от правления Союза писателей РСФСР — поэтесса Екатери-

на Маркова и критик А. Байгушев. Гостям были рады, сами понимаете, праздник с их приездом должен стать весомее, значительнее. Но не тут-то было.

Мы увидели любимого писателя с новой стороны. Оказывается, он, по словам А. Байгушева, боролся с масонской мафией, представителем которой был Штольц. Эти штольцы погубили милую сердцу Обломовку, весь русский народ. Вся его речь свелась к известной концепции национальных отношений, которую провозглашает общество «Память». Странно было слышать на юбилейной встрече злопыхания в адрес вашего журнала, который, как сказал московский гость, возглавляет поход против русского народа. Много говорил Байгушев о несчастьях русского народа, о масонах, захвативших власть. Договорился до того, что нас ждет новый Карабах, т. к. в Нечерноземье насильно переселяют турок-месхетинцев.

Конечно же, речи эти прозвучали неожиданно для всех. И надо отдать должное преподавателям пединститута имени И. Н. Ульянова, которые не позволили увести московским гастролерам праздник в сторону. Они дали им тут же, на встрече в Винновской роще, достойный ответ, а через несколько дней напечатали об этом «празднике» заметку в «Ульяновской правде». Авторы статьи «Зачем вы посетили нас?..» Э. Денисова, Д. Куделина, Л. Шахова напомнили представителям Российской писательской организации, что «творчество Гончарова ничего общего с пропагандой национального превосходства не имеет». И мне вместе с ними хотелось задать вопрос правлению СП РСФСР: какими мотивами оно руководствовалось, посылая к нам, на родину великого интернационалиста В. И. Ленина, людей, сеющих национальную рознь?

О. ЛОСКУТОВА
Ульяновск

■

Ион Друцэ на Съезде народных депутатов говорил о духовной деградации общества, о деградации, в частности, русского языка. Его правоту подтвердили речи многих депутатов, выступавших на Съезде. Резали слух неправильные ударения в словах. Будто в русском языке не существует никаких норм и каждый человек волен ставить ударение в словах такое, как ему заблагорассудится. Дело доходит до того, что неправильное произношение уже берется за образец.

Это не мелочи, не пустяки. Искаженную речь мы слышим постоянно. Она звучит на телеэкранах, в радиопередачах, на театральных подмостках, в кинофильмах. Изо дня в день, постепенно, методично уродуется русский язык. Его в таком виде «успешно» усваивают наши дети. Все это называется безответственностью в сфере культуры. Она не менее опасна, чем безответственность во всех других сферах нашей жизни.

Г. БУШМАНОВА
Ярославль

■

В январе этого года главврач поликлиники № 21 Т. Рузанкина и врач Р. Бабочкина, которая к тому же является председателем профкома, объявили голодовку. Что же заставило их пойти на крайний шаг? Дело в том, что эта поликлиника ютится в ужасном старом здании, в то время как для нее было построено новое, занятое конторой ПСО «Новосибирскстрой». В сентябре 1988 года было решение горисполкома о передаче этого здания здравоохранению. Так вот, за это здание развернулась самая настоящая война. Две женщины победили в ней, но, как вы понимаете, им это многого стоило, думаю, изрядно они намыкались, пока приняли это решение. И вот газета «Вечерний Новосибирск» в статье «Поле боя на улице Мира» рассказала об этой победе.

Долго не сдавалось ПСО «Новосибирскстрой», расставалось оно со зданием медленно, отдавая сначала один этаж, потом второй. Да, они передали все-таки здание, но что оставили после себя? Взломан пол — какую же работу надо проделать, чтобы выломать новенький паркет, сколько же заплатили строителям за это! Выдраны даже подвесные панели с потолка, висит вся арматура. Стены из голого кирпича...

Трудно поверить, что это варварство не санкционировано. И трудно поверить, что такое может быть в нашем обществе: даже переезжая на новую квартиру, мы ремонтируем старую. Сами же строители из «Новосибирскстроя» придут в эту поликлинику. Как в глаза смотреть будут, не стыдно ли? А что же главврач? Опять бежит к тому же начальнику ПСО Г. Пугачеву. Ремонт надо делать, а кроме того, отключили теплосеть, хоть закрывай зимой те кабинеты, которые начали работать. Увы, помощи никакой.

Еще раз голодовку объявлять? Или наконец наши ответственные органы примут меры? И еще вопрос: неужели руководители «Новосибирскстроя» за свое варварство не понесут наказания? Что-то «Вечерний Новосибирск» об этом не пишет.

И. ПОЛЯРУШ
Новосибирск

■

25 апреля в кинотеатре «Маяк» планировалась встреча с режиссером В. Трегубовичем, который представлял фильм С. Снежкина по сценарию Ю. Полякова «ЧП районного масштаба». Накануне стали раздаваться из горкома партии звонки: фильм показывать нельзя. К этому времени значительная часть билетов была продана. В горкоме партии дирекции киносети ничего определенного о причинах запрета не ответили. В полдень 25 апреля (режиссер уже прибыл в Минеральные Воды) дан был окончательный приказ: не показывать. Дать письменное указание на запрет горком отказался.

Встреча с режиссером все-таки состоялась, и фильм был показан. Наказание последовало на следующий же день, когда на бюро горкома подвергли уничтожающей критике директора киносети В. Кармазина и директора кинотеатра «Маяк» Р. Шищенко. Ничто не могло поколебать уверенности бюро в том, что фильм подозрительный: ни то, что фильм имеет регистрационное разрешительное удостоверение, ни статья в «Советской культуре» в его защиту. Газета, кстати, писала, что фильм — «жестко реалистичное, сатирически меткое кинопроизведение о комсомольских и партийных чиновниках времен застоя. О лжи, карьеризме, цинизме и мертвящей власти циркуляра». Бюро единогласно (!), хотя никто из его членов фильма не видел, постановило уволить В. Кармазина с работы с занесением выговора в учетную карточку, а Р. Шищенко объявить строгий выговор. Причем подчеркивалось, что наказание дано за неподчинение горкому.

После обращения в Комитет партконтроля и на Съезд народных депутатов, под нажимом обкома партии Кармазина восстановили на работе, ограничившись выговором. И опять же вопрос этот рассматривал горком, который, на наш взгляд, пристрастно выискивает слабые места в работе киносети и теперь уже не ставит в вину показ фильма. В вину стали ставиться недостатки в работе и даже то, что Кармазин был какое-то время председателем кооператива «Дизайн», хотя его утверждение шло в горисполкоме и горкому партии об этом было известно.

Человека наказали, но мы знаем Кармазина как толкового руководителя, много сделавшего для сельского и городского населения. Не будем все перечислять, скажем только, что по итогам IV квартала прошлого года Прохладненская киносеть заняла первое место и получила переходящее Красное знамя Совмина и облсовпрофа Кабардино-Балкарии. В первом квартале этого года она заняла тоже первое место в республике, получив еще раз переходящее знамя.

Резко выступила «Кинопанорама» против запрета, «Взгляд» охарактеризовал действия горкома как неправомерные. «Кабардино-Балкарская правда» 17 июня опубликовала статью «Мнения» с подзаголовком «Как развеять недоумения по поводу решения бюро горкома партии». Но люди-то наказаны. Когда же восторжествует справедливость?

С. АН, Т. ЛОСЕВА, А. БАТЮК, А. ПАРХОМЕНКО, Т. НОВИКОВА, работники Прохладненской киносети (всего 28 подписей)
Прохладный КБАССР

■

9 мая, в День Победы, посчастливилось мне в составе группы ветеранов войны побывать на восстановленном из небытия хуторе «Загорье». Мы осмотрели это «кулацкое» подворье с братом А. Твардовского Иваном Трифоновичем. Приняли в свои сердца боль и возмущение надругательством над трудовой многодетной семьей сельского кузнеца, еще глубже осознали трагедию раскрестьянствования русской деревни, бесчеловечную машину насилия сталинщины. Как же было не проникнуться уважением и признательностью ко всем организациям Смоленской области и отдельным лицам, кто под руководством Ивана Трифоновича возрождал в своей первозданности хутор Твардовских!

Имя знатного земляка, великого поэта современности, опального в годы застоя, не забыто. Это поучительно и отрадно. Однако и здесь без несуразности не обошлось.

Своеобразный символический памятник поэту — огромный дикий камень-валун венчает мемориальная доска с таким текстом:

«Здесь, на хуторе «Загорье», 21 июня 1910 года родился выдающийся советский поэт Александр Трифонович Твардовский. Хутор восстановлен и музеефицирован в 1987 году».

Казалось бы, каждое слово мемориальной надписи должно быть взвешенным, доходчивым и монументальным, выражать уважение к Мастеру русского литературного языка. Словечко «музеефицирован» чуждо, бюрократично, от него за версту несет канцелярским косноязычием.

Неужто, чтобы увековечить память поэта, необходимо одновременно увековечить и «перл» безвкусицы и воинствующего канцеляризма?

А. САКЕЛЛАРИ,
член Союза журналистов СССР
Елец Липецкой области

■

Недавно состоялся очередной выпуск на педагогическом факультете Военно-политической академии имени В. И. Ленина. В этом радостном для многих выпускников, членов их семей, преподавателей событии не обошлось, к сожалению, без ложки дегтя. Шесть выпускников педагогической специальности — майоры А. Авдеев, Е. Злобин, А. Мельников, В. Озеров, И. Скопылатов, А. Фоминченко выполнили в течение всех шести семестров и в ходе государственных экзаменов те требования, которые необходимы для их награждения золотыми медалями. Получили же золотые медали лишь трое из них. Если бы меня, проработавшего с этими офицерами в течение двух лет в качестве начальника курса, спросили, кому отдать предпочтение, то я не смог бы этого сделать, так как эти выпускники не только радовали всех своей отличной учебой в течение трех лет, но и вели большую, интересную и разнообразную общественно-политическую и научную работу.

Говорят, что на золотые медали существует лимит. Это положение с большими натяжками можно допустить: отлили меньшее их количество, металла не хватило, или еще что-нибудь в подобном несуразном роде. Но, скажите, а может ли быть лимит на знания, на отношение к учебе, наконец? Этот риторический вопрос не удосужились себе задать военные чиновники, от которых зависит награждение золотыми медалями выпускников академии, заслуживших своим трудом это право. Командование академии должно более настойчиво ставить вопрос перед Министерством обороны, тем более что эти факты повторяются из года в год. Исправить ошибку никогда не поздно. Во имя справедливости, порядочности, честности. Во имя будущих выпускников.

В. КОРМИЛИЦИН,
полковник запаса
Москва

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Дорогие друзья! Вы уже знаете, что на этот раз подписка проводится в течение всего года. Однако напоминаем: если вы хотите получать «Огонек» с 1 января будущего года, то поторопитесь оформить подписку до 1 октября. Не откладывайте ее на последние дни: уже сейчас мы получаем жалобы о нарушениях правил подписки. Только подписавшись сейчас, вы будете иметь полную гарантию, что ваша семья непременно получит журнал. Вас ждут во всех отделениях связи, которые пока принимают подписку без ограничений. По опыту прошлых лет знаем, что в розничной торговле купить журнал трудно.

А пока на «Огонек»-90 уже подписалось более 600 тысяч человек. И мы от всей души приветствуем наших многолетних друзей и особенно тех, кто получит журнал впервые. Нам предстоит работать вместе, сообща, дорогие читатели. Ждем писем и пожеланий!

«Обмен новостями». Перед выходом на трибуну Мавзолея.

Н. М. Шверник вручает награды А. А. Громыко и Т. Д. Лысенко

Последнее награждение Л. И. Брежнева.

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

Сегодня мы публикуем последнее интервью Андрея Андреевича Громыко, которое он дал главному редактору журнала «Огонек» Виталию Коротичу. Одновременно интервью снималось Гостелерадио СССР и английской телевизионной компанией «Сентрал ТВ» для использования в создании многосерийного англо-американо-японского фильма «Ядерный век».

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

— Андрей Андреевич, вы были не только свидетелем, но и непосредственным участником многих исторических событий. Так, например, вы принимали участие в Потсдамской конференции, во время которой произошел эпизод, не дающий покоя как драматургам, так и историкам. Как вы думаете, понял ли Сталин, что имел в виду Трумэн, сообщая об оружии огромной разрушительной силы?

— Я очень хорошо помню этот момент. Случилось это на восьмой день Потсдамской конференции. Сразу же после окончания пленарного заседания Трумэн встал со своего места и подошел к Сталину. Тот тоже встал со своего места, собираясь выходить из зала. Рядом с ним был переводчик нашей делегации Павлов. Вблизи стоял и я с некоторыми другими участниками заседания.

Трумэн обратился к Павлову:

— Переведите, пожалуйста.

Сталин остановился и повернулся к Трумэну. Я заметил, что в нескольких шагах от Трумэна приостановился и Черчилль.

— Я хотел бы сделать конфиденциальное сообщение,— сказал Трумэн.— Соединенные Штаты создали новое оружие большой разрушительной силы.

Сталин выслушал перевод, понял, о каком оружии идет речь, и сказал:

— Благодарю за информацию.

Трумэн постоял, вероятно, ожидая еще какой-нибудь ответной реакции, но ее не последовало. Сталин спокойно вышел из зала. А на лице Трумэна было написано как бы недоумение. Он повернулся и тоже пошел, но в другую от Сталина сторону, в те двери, за которыми находились рабочие помещения американской делегации.

Таким запомнилось это событие чисто визуально.

Но, как выяснилось впоследствии, и до него и после него происходило немало такого, что с ним связано непосредственно.

Доказано, что Трумэн специально просил перенести встречу в Потсдаме на более поздние сроки для того, чтобы испытание ядерного оружия уже прошло и чтобы Соединенные Штаты на совещании «большой тройки» имели возможность говорить с позиции силы.

Трумэн отплыл из Америки в Европу на борту крейсера «Аугуста», и, пока корабль шел через Атлантику, президент регулярно получал шифровки из штата Нью-Мексико. Именно там, в этом штате, в обстановке глубочайшей секретности готовились испытания ядерной бомбы.

Телеграмма, которую он ждал больше всего, пришла 18 июля, на следующий день после открытия Потсдамской конференции. В депеше сообщалось о результатах испытаний новой бомбы. Трумэн получил сообщение утром, а днем уже советовался с Черчиллем, как лучше всего поставить об этом в известность Сталина. Как видите, действовали оперативно.

У Трумэна созревали планы оказать давление с помощью новой бомбы на советского партнера по антигитлеровской коалиции. Его взгляды разделял Черчилль. Потому и размышляли они, быстро найдя общий язык, как лучше воздействовать на Сталина, сообщив о новом оружии, в тот момент.

Обстановка в те дни была непростой. Продолжалась война с Японией. Советский Союз еще на конференции в Ялте взял на себя обязательство вступить в войну с Японией не позднее чем через три месяца после окончания войны с Германией, тем самым выполнить свой союзнический долг и ускорить окончание второй мировой войны. Тут я должен сказать, что ранее на Тегеранской конференции союзники всячески подталкивали Советский Союз поскорее начать войну против Японии. Сталин отвечал: «Да, Советский Союз вступит в войну с Японией. Но прежде надо завершить разгром гитлеровской Германии».

Обсуждались разные варианты, как передать информацию об испытаниях советской стороне.

Было решено сказать об этом оружии Сталину как бы между прочим, невзначай. Причем в разговоре со Сталиным не вдаваться ни в какие детали. Но сделать это следует после того, когда придет подробный отчет об испытаниях.

На этом и договорились Трумэн с Черчиллем.

Подробный отчет об испытаниях ядерного оружия пришел 21 июля, но президент США терпеливо выждал еще три дня. У него были свои расчеты.

Однако с 21 июля он стал более активно вступать в споры со Сталиным, чаще возражать ему по тем вопросам, которые до этого не вызывали особых сомнений, что бросалось в глаза.

Не зная в действительности, что произошло, что придало его заявлениям такой характер, некоторые из наших товарищей полушутя высказывались так (я к ним принадлежал тоже):

— Он впервые встречается со Сталиным, сначала был более осторожен, а теперь «показывает характер».

Но правда выплыла наружу 24 июля в разговоре Трумэна со Сталиным, с которого я начал рассказ.

Впоследствии, когда Трумэн и Черчилль обсуждали этот эпизод, они пришли к выводу, что Сталин скорее всего не придал значения сообщению об испытаниях. Так они решили.

На самом деле все получилось как раз наоборот. Сталин решил переговорить с Курчатовым, это был всемирно известный ученый большого авторитета, об ускорении соответствующей нашей работы. Курчатов это указание воспринял как руководство к действию. Вскоре после этого было испытано и первое советское ядерное оружие, которое никогда не применялось против людей. Это хорошо известно. История это записала в своих мемуарах.

Таким образом, Сталин прекрасно понял намек Трумэна в Потсдаме.

— Скажите, как советские руководители отреагировали на ядерную бомбардировку Хиросимы, приветствовали ее или видели в новом оружии угрозу и для СССР?

— Факт ядерных бомбардировок Японии вызвал осуждение и в советском руководстве и в целом у советского народа. После окончания Потсдамской конференции я вместе с советской делегацией возвратился в Москву. Это было в начале августа 1945 года. Вот тогда-то и пришли сообщения о ядерных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки.

Если кто-то в настоящее время оценивает события тех дней иначе, то это искажение фактов.

Советский Союз не только не приветствовал ядерных бомбардировок японских городов, но он расценивал эти акты как преступление.

Так что и в то время у Советского Союза по отношению к ядерному оружию совесть была чиста. Еще не обладая этим оружием, он понимал, что это оружие не должно применяться в войне. Всем известно, что Советский Союз руководствуется этим принципом и сегодня.

А закончить ответ на этот вопрос я хотел бы ссылкой на слова Михаила Сергеевича Горбачева, который в своем выступлении в ООН 7 декабря 1988 года точно охарактеризовал появление ядерного оружия, которое лишь трагическим образом подчеркнуло фундаментальный характер изменений, которые происходят в мире. Мне очень нравятся эти сильные слова:

«Как материальный символ и носитель абсолютной военной силы оно одновременно обнажило и абсолютные пределы этой силы».

Сказано точно и сильно. Об этом никогда не надо забывать.

— Не кажется ли вам, что тогда была упущена возможность остановить гонку вооружений до ее начала?

— Да, я думаю, что именно тогда была упущена возможность остановить гонку ядерных вооружений — была упущена еще до того, как она развернулась. Наверно, и не только ядерных, но и обычных. Из сказанного мной ясно, кто повинен в том, что такая возможность была упущена.

Хотел бы обратить внимание на то, что Потсдамская конференция закончилась речью ее председателя в тот день — президента Трумэна, в которой он выразил надежду, что все ее участники вновь встретятся на предстоящей мирной конференции.

Но это были только слова. К сожалению, Трумэн больше никогда не встречался со Сталиным. Не собирался президент США участвовать и в мирной конференции. Курс Соединенных Штатов изменился — ядерное оружие создавало иллюзию силы в расчете на то, что Советский Союз далеко отстал.

В сентябре 1945 года в соответствии с решением Потсдамской конференции в Лондоне состоялась первая сессия Совета министров иностранных дел. На ней появился в качестве советника госсекретаря США Джон Фостер Даллес. Фамилия хорошо известная.

Уже тогда намечалось ужесточение, притом крутое, внешней политики администрации Трумэна. Заметьте, что эти действия относятся к сентябрю 1945 года.

А 5 марта 1946 года в Фултоне Черчилль произнес речь, в которой призвал создать англо-американский военный союз для борьбы с «восточным коммунизмом». Эта речь явилась открытым провозглашением «холодной войны», которая, как видите, вызревала и до этого.

— На Западе считают, что Хрущев иногда явно преувеличивал нашу военную мощь? Как вы думаете, с какой целью он это делал?

— Не очень понятно, о чем идет речь, какие имеются в виду слова Хрущева. Я присутствовал на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, когда Хрущев говорил, что сейчас ракетно-ядерное оружие уже достигло такого уровня по своей поражающей точности, что мы могли бы расстреливать с его помощью мух высоко над землей. Ясно, что это всего-навсего художественный образ выражения мысли. Возможно, употребление такого сравнения показалось кое-кому фривольным. Я даже думаю, что так оно и было. Не будем спорить. Но смысл его тогда ясен был для всех. Ясен он и сейчас.

Мне неизвестны какие-либо высказывания или заявления Хрущева, в которых бы преувеличивалась советская ядерная мощь. А если он и допускал какие-то выражения, которые могли быть расценены в этом свете, то сказаны они были только в пылу полемики, в ответ на то, чтобы парировать аргументы некоторых политиков Запада.

Разговорная речь иногда отличается

от строгого опубликованного текста. Впрочем, это хорошо известно.

Хрущев, человек эмоциональный, хорошо понимал, что в запале даже политический лидер иногда может сказать лишнее. Поэтому и призывал к объективным и трезвым оценкам, особенно в тех случаях, когда речь шла о ядерном оружии.

— Не могли бы вы объяснить, почему все же Советский Союз решил разместить свои ракеты на Кубе?

— Разъяснения Советским Союзом своей позиции давались неоднократно. Могу их только повторить.

Шел 1962 год. За год до этого кубинцы разгромили отряды американских наемников, высадившихся на Плая-Хирон. США стремились помешать становлению социалистического строя на Кубе и подорвать советско-кубинское сотрудничество. То, что они к этому стремились,— открытая книга истории. Но разгром интервентов не остановил определенные круги в США, и угроза Кубе нарастала. В этих условиях, ощущая опасность нападения на остров Свободы, кубинское правительство летом 1962 года обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать Кубе помощь.

Вот тогда-то между двумя странами и была достигнута договоренность о ряде мероприятий по укреплению обороноспособности Кубы, в том числе и о доставке на Кубу в сугубо оборонительных целях ракетного оружия.

Какова была реакция США на это? Она хорошо известна и сопровождалась угрозами начать вторжение на Кубу американской армии.

В начале сентября 1962 года Советский Союз призвал правительство США проявить благоразумие, не терять самообладания и трезво оценить, к чему могут привести его действия, если оно прибегнет к силе. Наша страна предостерегала США от того или иного необдуманного шага.

Однако американское руководство не прислушалось к этому призыву и продолжало нагнетать обстановку. Надо сказать, что такая реакция США для Советского Союза не являлась неожиданной. Основные факты, относящиеся к этой теме, хорошо известны, и едва ли сегодня есть необходимость их перечислять.

— 18 октября 1962 года вы встретились с президентом Кеннеди. Не могли бы вы немного рассказать об этой встрече?

— Я не удивляюсь, что такой вопрос передо мной поставлен.

Да, в тот день октября по поручению советского руководства я беседовал в Белом доме с президентом Кеннеди. Речь о Кубе, конечно, зашла. Кубинский вопрос в беседе я поднял по своей инициативе и изложил президенту позицию СССР.

— Хочу привлечь ваше внимание,— говорил я,— к опасному развитию событий в связи с политикой правительства США в отношении Кубы.

Президент внимательно слушал.

— В течение длительного периода времени,— продолжал я,— американская сторона ведет безудержную антикубинскую кампанию, предпринимает попытки блокировать торговлю Кубы с другими государствами, угрожает агрессией. Такой путь может привести к тяжелым последствиям, чего, как мы уверены, не желает ни один народ, в том числе и американский.

Кеннеди в ответ сказал:

— Нынешний режим на Кубе не подходит США, и было бы лучше, если бы там существовало другое правительство.

Заявление было острым. Я сразу же обратил на это внимание.

Тогда я задал вопрос:

— А, собственно говоря, на каком основании американское руководство считает, что кубинцы должны решать свои внутренние дела не по собственному усмотрению, а по усмотрению Вашингтона? Куба принадлежит кубинскому народу. Ни США, ни какая-либо другая держава не имеют права вмешиваться в ее внутренние дела. Всякие заявления, которые мы слышим от президента и других официальных лиц в том смысле, что Куба будто бы представляет угрозу для безопасности США, необоснованны. Достаточно лишь сравнить размеры и ресурсы этих двух стран — гиганта и малютки, как станет очевидной вся беспочвенность обвинений по адресу Кубы.

Затем мною было подчеркнуто:

— Кубинское руководство и лично Фидель Кастро перед всем миром не раз заявляли, что Куба никому не намерена навязывать свои порядки, что она твердо стоит за невмешательство государств во внутренние дела друг друга, стремится путем переговоров урегулировать с правительством США все спорные вопросы. Эти заявления, как известно, подкрепляются делами. Те, кто выступает с призывом к агрессии против Кубы, ссылаются на то, что им заявлений кубинского правительства недостаточно. Но ведь так можно оправдывать любую агрессивную акцию против любой страны. Достаточно сказать только — мы с этим не согласны.

В условиях, когда США предпринимают враждебные действия против Кубы, а заодно и против государств, которые поддерживают с ней добрые отношения, уважают ее независимость и оказывают ей в трудный для нее час помощь, Советский Союз не будет играть роль стороннего наблюдателя.

Кеннеди утверждал:

— У администрации США нет планов нападения на Кубу, и Советский Союз может исходить из того, что никакой угрозы Кубе со стороны США не существует.

Он при этом сделал важное признание:

— Действия в районе Плая-Хирон были ошибкой.

Он как президент заявлял, что сдерживает те круги, которые являются сторонниками вторжения, и он стремится не допустить действий, которые привели бы к войне. Кубинский вопрос стал действительно серьезным.

Вместе с тем Кеннеди интерпретировал далее дела так, будто обострение обстановки произошло из-за действий Советского Союза, осуществляющего поставки наступательного оружия Кубе. Затем президент зачитал официальное заявление по кубинскому вопросу, оправдывающее решение США об установлении блокады вокруг Кубы.

Мне пришлось вновь от имени советского руководства сказать:

— Советский Союз призывает правительство США и лично президента не допускать каких-либо шагов, несовместимых с интересами мира, с принципами Устава ООН.

На всем протяжении беседы Кеннеди, вопреки некоторым имеющим хождение на Западе утверждениям, ни разу не поднял вопрос о наличии на Кубе советского ракетного оружия. Следовательно, мне и не надо было давать прямой ответ, есть ли такое оружие на Кубе или нет.

Вместе с тем я разъяснил президенту:

— Советская помощь Кубе направлена исключительно на укрепление ее обороноспособности и развитие мирной экономики этой страны. Обучение советскими специалистами кубинцев обращению с оружием, предназначенным для обороны, никак не может расцениваться в качестве угрозы для кого бы то ни было. СССР откликнулся на призыв Кубы о помощи потому, что этот призыв преследует цель устранить нависшую над ней опасность.

В заключение беседы мною было сказано:

— Господин президент, разрешите выразить надежду, что США имеют теперь ясное представление о советской позиции по вопросу о Кубе и о нашей оценке действий США в отношении этой страны.

Беседа с Кеннеди по вопросу о Кубе изобиловала, как бы сказать поточнее, резкими поворотами, изломами, если можно так выразиться. Президент временами явно нервничал, хотя внешне старался этого не показывать. Он делал противоречивые высказывания. За угрозами по адресу Кубы тут же следовали заверения, что никаких замыслов вторжения на Кубу Вашингтон не имеет. Это последнее заявление имело, конечно, принципиальный характер. То, что у главы Белого дома взял верх здравый смысл, показывает, что за внешностью несколько вышедшего из равновесия человека стоял все же деятель незаурядного ума, это я хочу подчеркнуть, и характера.

Беседа была продолжительной, и я передаю только основной смысл сказанного с обеих сторон по наиболее острому вопросу — о Кубе. Иначе было бы очень длинно.

Она была, пожалуй, самой сложной из тех бесед, которые мне приходилось при разных обстоятельствах вести за 48 лет с президентами США.

— Советский Союз продолжал создавать огромные стратегические ракеты и после того, когда был достигнут военно-стратегический паритет с Соединенными Штатами. Почему?

— Строго говоря, военно-стратегического паритета не было. Говоря о нем, мы всегда добавляли выражение «по существу». Получалось: «по существу достигнут». Это добавление не лексического свойства. Политики это хорошо знают. В нем был заложен смысл.

А что же, скажите пожалуйста, оставалось делать Советскому Союзу, когда США на всех парах вооружались? Сложить оружие?

Обстановка была такой, что интересы нашего государства этого не позволяли. Мы добивались разоружения с обеих сторон, но к нам не прислушивались.

Но и тогда, когда создавались ракеты, мы настаивали на сокращении ядерных вооружений всех видов, имея в виду, что конкретные параметры и виды ядерного оружия будут в конце концов согласованы.

Советский Союз не желал быть позади в вопросах ядерных вооружений. Это диктовалось вопросами его безопасности, интересами этой безопасности.

Конечно, в настоящее время мы находимся на большей высоте, чтобы увидеть все то, что прошли, и дать более объективную оценку того положения, в котором были тогда. Примерно в конце пребывания во главе руководства Хрущева и в начальный период после прихода Брежнева к руководству ядерные вооружения достигли такого уровня — вот все это очень важно,— что страна, у которой их меньше, тоже смогла бы нанести сокрушительный удар. Если говорить другими словами, которые затем стали употребляться и политиками, и военными, можно было бы нанести неприемлемый ущерб противнику.

Спрашивается, зачем же тогда страна, у которой даже меньше ядерного оружия, накапливает его еще больше? Ведь человек не может умереть два раза. Отсюда напрашивался вывод: да, можно было бы остановиться. Остановиться даже той стране, которая отстала в накоплении ядерных арсеналов. Иными словами, уменьшить свои расходы на создание ядерного оружия.

Так рассуждаю не только я. И такой вывод для политиков тех дней был бы обоснованным.

Но этого не было сделано. Я бы добавил, что в той обстановке никто не мог даже заикнуться о необходимости сократить расходы на ядерное вооружение. Обстановка, которая сложилась в советско-американских отношениях, не способствовала тому, чтобы дать более трезвую оценку положения.

Никто из деятелей — ни политических, ни военных,— никто из ученых, из людей, занятых разработкой ядерного оружия, не смел выступить за то, чтобы сократить свое производство ядерного оружия.

Если бы тогда был сделан такой вывод, то можно было бы по крайней мере несколько миллиардов рублей направить на удовлетворение мирных потребностей страны.

Сегодня мы имеем право быть умнее и смелее. Вот мы — Советский Союз — и подаем сейчас пример в области разоружения. Любой наш односторонний акт в этом направлении оказывает влияние на общественное мнение, на народы. Если одна страна прибегает к этому, то это должно быть принято во внимание и другими, если эти другие проводят серьезную и ответственную политику.

Мы исходим при этом из принципа разумной достаточности.

Во время выступления на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 7 декабря 1988 года Михаил Сергеевич Горбачев объявил, что в Советском Союзе принято решение существенно сократить объем наших обычных вооружений. Это важное, я бы сказал, этапное решение.

Это сокращение означает прежде всего то, что Советский Союз не только постоянно предлагает разоружаться, не только говорит о разоружении, но и на деле проводит в жизнь политику разоружения. При всем этом безопасность страны обеспечивается.

Наша страна ставит целью эффективно способствовать тому, чтобы ядерное оружие было устранено с облика планеты, а ядерная энергия должна использоваться только в мирных целях.

— Приход к разрядке международной напряженности был большим достижением, тем не менее к концу деятельности администрации Картера разрядка оказалась мертва. Не думаете ли вы, что советская сторона способствовала ее крушению?

— Нет, все же я так не думаю. Не мог Советский Союз способствовать крушению, как говорится, в вопросе политики разрядки просто потому, что он все время требовал сокращения и ликвидации ядерного оружия, сокращения обычных вооружений, добивался всеобщего и полного разоружения. Мы всегда исходили при этом из известной формулы: разоружение — идеал социализма.

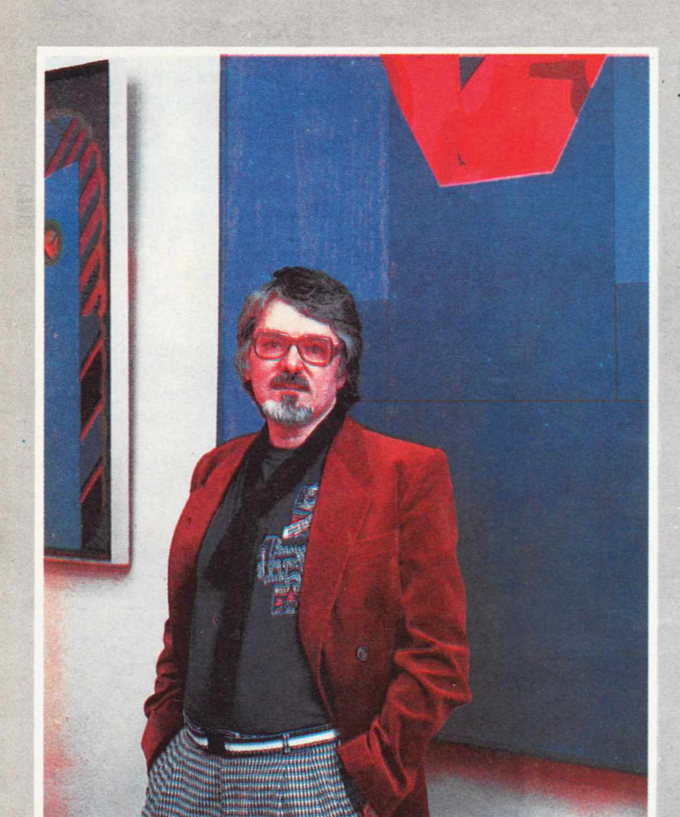
Нет, повторяю, не Советский Союз, не его политика были причиной крушения разрядки в начале восьмидесятых годов. За время разрядки было сделано немало положительного. То доброе, что было сделано, оно свой след оставило. Никто не может стереть этого следа.

Собственно говоря, понятие «разрядка» нельзя рассматривать вне времени и пространства как некую абстракцию. А сейчас разве мы не являемся свидетелями начавшейся разрядки? Разве она не имеет место?

Согласитесь, что нет такого точного инструмента со шкалой и цифрами, которым можно было бы измерить степень разрядки. И в то же время, особенно после вступления в силу советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, можно смело сказать, что разрядка международной напряженности является фактом и роль советской внешней политики, проводимой в настоящее время, в этом хорошо известна.

Весь процесс, происходящий в нынешних международных отношениях, редко кто называет разрядкой. Чаще всего его именуют процессом углубления взаимопонимания и доверия, основанным на современной философии мира, которая во главу угла ставит общечеловеческие ценности, отдавая им приоритет. Это — глубокая мысль. Это — как бы эталон для оценки политики во внешних делах любого государства.

Задача каждого правительства, каждого руководителя состоит в том, чтобы способствовать углублению этого процесса, как бы он ни назывался — разрядкой или иначе. Смысл его должен быть один — движение к стабильному миру на нашей Земле.

А. М. ДУБОВИК. Род. 1931. ПРОИСШЕСТВИЕ.

С верою в избранный путь

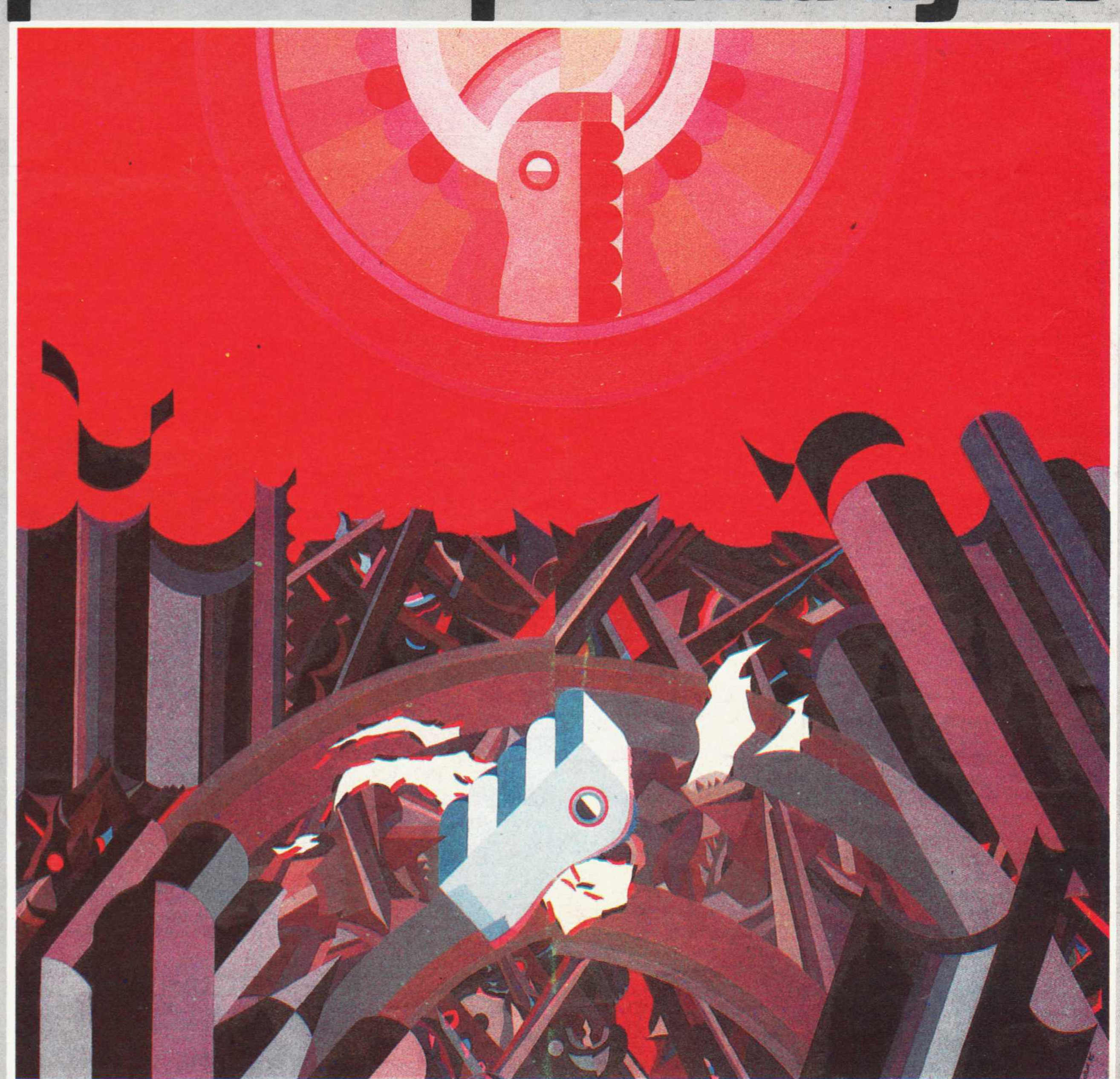
Пожалуй, самым загадочным в нашем изобразительном искусстве стал период 1960—1980-х годов. Именно в это время возникла своеобразная двухслойность художественной жизни, при которой многочисленные выставки отражали лишь один, «верхний», официально поощряемый путь развития искусства, второй же, глубинный, не вмещающийся в общепринятые рамки, оставался вне внимания зрителя и критика.

К этому «второму» слою принадлежит и творчество художника Александра Дубовика, чьи персональные выставки прошли в Киеве и Москве.

Творчество Дубовика развивает ту традицию искусства XX века, которая связана с именами Малевича, Кандинского, Леже, с творческими поисками конструктивистов 20-х годов, произведениями Мондриана, эстетикой позднего кубизма. Отказываясь от обычного изображения реального мира, искусство этого направления как бы расчленяет мир на его первоэлементы и создает свою новую реальность.

Мир Дубовика ярко декоративен и в то же время драматичен, конструктивно строен, логичен и бесконечно многообразен в своих смысловых интерпретациях. Чаще всего художник работает сериями (каждая включает от 5 до 20 произведений): «Букеты», «Праздники», «Знаки», «Ники», «Диалоги», «Палимпсесты», «Карнавалы», «Печальные и радостные». Названия в данном случае довольно условны, они лишь намечают ход авторской мысли.

Его произведения трудно назвать чисто абстрактными: они конкретны по переживанию, сквозь геометрические структуры довольно ясно «прорастают» человеческие мысли, сом-

БИТВА.

НИКА.

И наверное, именно поэтому он много работает и как художник-монументалист. Поначалу работа в архитектуре являлась для художника счастливой возможностью донести до зрителя свои художественные идеи. Но постепенно монументально-декоративные произведения стали занимать все более значительное место в его творчестве.

Конечно, специфика монументально-декоративной живописи всегда учитывается автором. Но как в мозаиках, витражах, гобеленах, так и в живописных полотнах он развивает один художественный язык, строит свои произведения прежде всего аналитически-декоративно, где цветовые структуры, соотношения геометрических форм несут еще и большую интеллектуальную энергию.

К сожалению, судьба монументалиста в чем-то сходна с актерской — можно всю жизнь ждать своей «роли», которая бы дала возможность высказаться до конца. Пока же на его пути встречались небольшие типовые здания, камерные по назначению интерьеры. Но в каждом из них он находит точный и верный образный ход, эмоциональный настрой, созвучный архитектурной среде.

...На одной из встреч зрителей с художником многие выступающие говорили о творческом мужестве Дубовика, о его бескомпромиссности, верности избранному пути (почти двадцать лет не выставлялся, ни одного упоминания в печати). На все это Александр Михайлович ответил: «Я — счастливый человек, всю жизнь я занимался тем, во что верю и что люблю».

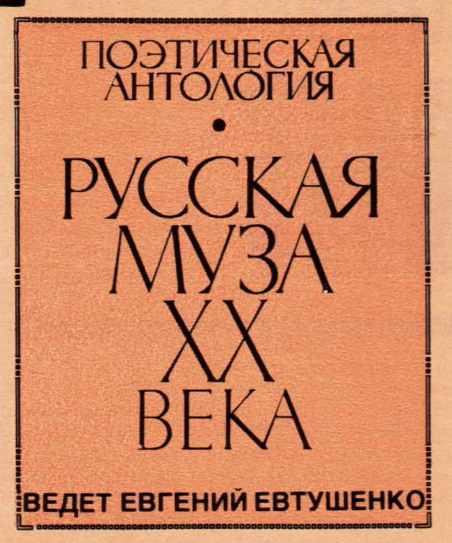
Галина **СКЛЯРЕНКО**

нения, размышления... Серия «Карнавалы»: в каждой из работ этого цикла художник изменяет лишь цвет, оставляя композицию почти неизменной, но под воздействием цвета они полностью преображаются, становясь то печальными, то радостными, то эксцентричными, то ликующе-праздничными, то полными драматизма. Художник размышляет о суетности жизни и неизменности законов бытия, о главном и второстепенном, о явном и скрытом... «Битва» — сочетание черного и красного, искореженный металл, покрывающий землю, и алое небо над ним. Раздумье о цене побед и поражений, о тех страшных последствиях, которые может принести новая война, в которой не будет уже ни победителей, ни побежденных, картина-предчувствие, предостережение. В других работах — «Катастрофа», «Праздник», «Торжество», «Тишина» — художник создает своеобразные цветопластические эквиваленты определенному эмоциональному состоянию, переживанию, настроению. Сквозь строгую логику геометрических форм, гладких цветовых поверхностей ясно проступает мироощущение современного человека с его стремлением понять мир и себя в этом мире.

Работам А. М. Дубовика свойственна одна из характерных тенденций современного искусства — стирание границ между его видами. Его произведения существуют на грани станковой живописи и декоративного панно. Их легко представить на стене, в конкретном интерьере. При этом даже самая небольшая по размерам акварель способна создавать вокруг себя живое и притягательное «поле воздействия».

ДИАЛОГ.

Юрий ВИЗБОР

(1934—1984)

В конце пятидесятых годов радиожурналист Юрий Визбор пригласил меня в свою комнатушку на Неглинной, и они с Адой Якушевой долго пели мне под гитару свои песни, разлетевшиеся потом по всей стране. Это был еще доокуджавский период нашего менестрельства. Негромкий задушевный голос, искренние человеческие слова песен — это было то, в чем нуждались люди, уставшие от бесконечных маршей и ура-патриотических песнопений. Московский педагогический, где учился Визбор, стал колыбелью многих наших бардов — Кима, Егорова, Вахнюка. Талантливый актер Визбор снялся в фильмах «Июльский дождь», «Ты и я», «Красная палатка», «Семнадцать мгновений весны». Но прежде всего он был поэтом. «Волейбол на Сретенке» — антология той исчезнувшей Атлантиды, которой была Москва переулков нашего детства, с зелеными садиками, с дровяными сараями и голубятнями во дворах. Пронзительная эта песня — прощание с детством, обернувшееся для Визбора просто прощанием.

ВОЛЕЙБОЛ НА СРЕТЕНКЕ

А помнишь, друг, команду с нашего двора,
Послевоенный над веревкой волейбол,
Пока для секции нам сетку не украл
Четвертый номер — Коля Зять, известный вор.
А первый номер на подаче — Владик Коп,
Владелец страшного кирзового мяча,
Который если попадал кому-то в лоб,
То можно смерть установить и без врача.

А наш защитник, пятый номер — Макс Шароль,
Который дикими прыжками знаменит,
А также тем, что он по алгебре король,
Но в этом двор его нисколько не винит.

Саид Гиреев, нашей дворничихи сын,
Торговец краденым и пламенный игрок.
Серега Мухин, отпускающий усы,
И на распасе скромный автор этих строк.

Да, такое наше поколение —
Рудиментом в нынешних мирах,
Словно полужесткие крепления
Или радиолы во дворах.

А вот противник — он нахал и скандалист,
На игры носит он то бритву, то наган:
Здесь капитанствует известный террорист,
Сын ассирийца, ассириец Лев Уран,

Известный тем, что перед властью не дрожа,
Зверю-директору он партой угрожал
И парту бросил он с шестого этажа,
Но, к сожалению для школы, не попал.

А вот и сходятся два танка, два ферзя —
Вот наша Эльба, встреча войск далеких стран:
Идет походкой воровскою Коля Зять,
Навстречу — руки в брюки — Левочка Уран.

Вот тут как раз и начинается кино,
И подливает в это блюдо остроты
Белова Танечка, глядящая в окно,
Внутрирайонный гений чистой красоты.

Ну что, без драки? Волейбол так волейбол!
Ножи отставлены до встречи роковой,
И Коля Зять уже ужасный ставит кол,
Взлетев, как Щагин, над веревкой бельевой.

Да, и это наше поколение —
Рудиментом в нынешних мирах,
Словно полужесткие крепления
Или радиолы во дворах.

...Мясной отдел,
Центральный рынок, дня конец.
И тридцать лет прошло — о боже, тридцать лет! —
И говорит мне ассириец-продавец:
«Канэшно, помню волейбол! Но мяса нет».

Саид Гиреев — вот сюрприз! — подсел слегка,
Потом опять, потом отбился от ребят,
А Коля Зять пошел в десантные войска
И там, по слухам, он вполне нашел себя.

А Макс Шароль теперь защитник и герой,
Имеет личность он секретную и кров.
Он так усердствовал над бомбой гробовой,
Что стал член-корром по фамилии Петров.

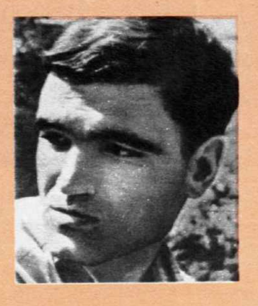
А Владик Коп подался в городок Сидней,
Где океан, балет и выпивка с утра,
Где нет, конечно, ни саней, ни трудодней,
Но также нету ни кола и ни двора.

Ну, кол-то ладно, не об этом разговор.
Дай бог, чтоб Владик там поднакопил деньжат.
Но где возьмет он старый Сретенский наш двор? —
Вот это жаль, вот это, правда, очень жаль.

Ну что же, каждый выбрал веру и житье,
Полсотни игр у смерти выиграв подряд,
И лишь майор десантных войск Н. Н. Зятьев
Лежит простреленный под городом Герат.

Отставить крики, тихо, Сретенка, не плачь!
Мы стали все твоею общею судьбой:
Те, кто был втянут в этот несерьезный матч
И кто повязан стал веревкой бельевой.

Да, уходит наше поколение —
Рудиментом в нынешних мирах,
Словно полужесткие крепления
Или радиолы во дворах.

Геннадий ШПАЛИКОВ

(1937—1974)

Незадолго до смерти он зашел ко мне, остался допоздна. Хотя об этом не было сказано ни слова, я почувствовал, что идти ему некуда, и предложил переночевать. Он спал сном одинокого обиженного ребенка, а утром радостно играл с моим сыном, но потом вдруг заторопился, словно стесняясь, что его неприкаянность может помешать чужому уюту. Его обожгло, и даже сожгло морозом, оледенившим наши души после многообещающей «оттепели». «Безвременье вливало водку в нас»,— написал о людях, не выдержавших такого жестокого похолодания, Высоцкий. Бывший суворовец, Шпаликов был романтиком «оттепели». Оскорбленный и оскопленный фильм по сценарию Шпаликова «Застава Ильича» сейчас кажется возвышенно-сентиментальным, а его обвиняли в «очернительстве». Шпаликов не выдержал обмана «оттепелью», не выдержал отъездов многих друзей туда, куда не зайдешь переночевать, если некуда идти.

* * *

Ах, утону я в Западной Двине
Или погибну как-нибудь иначе,
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

Они меня на кладбище снесут,
Простят долги и старые обиды,
Я отменяю воинский салют,
Не надо мне гражданской панихиды.

Не будет утром траурных газет,
Подписчик обо мне не зарыдает.
Прости-прощай, Центральный Комитет...
И гимна надо мною не сыграют.

Я никогда не плавал на слоне,
Имел в любви большие неудачи,
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

ПЕСНЯ ИЗ ФИЛЬМА «КОЛЛЕГИ»

На меня надвигается
По реке битый лед.
На реке навигация,
На реке пароход.

Пароход белый-беленький,
Дым над красной трубой.
Мы по палубе бегали —
Целовались с тобой.

Пахнет палуба клевером,
Хорошо, как в лесу,
И бумажка наклеена
У тебя на носу.

* * *

То ли страсти поутихли,
То ли не было страстей,
Потерялись в этом вихре
И пропали без вестей
Люди первых повестей.

На Песчаной — все песчано,
Лето, рвы, газопровод,
Белла с белыми плечами,
Пятьдесят девятый год,
Белле челочка идет.

Вижу четко и нечетко,—
Дотянись — рукой подать,
Лето, рвы и этой челки
Красно-рыжей благодать.

Над Москвой-рекой ходили,
Вечер ясно догорал,
Продавали холодильник,
Улетали за Урал.

* * *

Я к вам травою прорасту,
Попробую к вам дотянуться,
Как почка тянется к листу
Вся в ожидании проснуться,

Однажды утром зацвести,
Пока ее никто не видит...
А уж на ней роса блестит
И сохнет, если солнце выйдет.

Оно восходит каждый раз
И согревает нашу землю,
И достигает ваших глаз,
А я ему уже не внемлю.

Не приоткроет мне оно
Опущенные тяжко веки,
И обо мне грустить смешно
Как о реальном человеке.

А я — осенняя трава,
Летящие по ветру листья,
Но мысль об этом не нова,
Принадлежит к разряду истин.

Желанье вечное гнетет —
Травой хотя бы сохраниться.
Она весною прорастет
И к жизни присоединится.

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Посредник (рейхсминистр Риббентроп на аэродроме в Москве. 30 марта 1939 г.)

Фотодокументы из фондов ЦГАКФД СССР

МОЛОТОВ — РИББЕНТРОП

Как-то в августе, в субботу, я приехал из Киева и поехал к Сталину на дачу. Он мне сказал, что сейчас приедут члены Политбюро и завтра прилетит к нам Риббентроп. Смотрит на меня и улыбается, ждет, какое это произведет на меня впечатление. Я на него смотрю, считая, что он шутит: чтобы к нам Риббентроп прилетел?! Что он, бежать собирается, что ли? «Нет,— говорит,— Гитлер прислал телеграмму, передал через Шуленбурга». Тогда посол Германии был Шуленбург. Он в этой телеграмме пишет: «Прошу вас, господин Сталин, принять моего министра Риббентропа, который везет конкретные предложения». Сталин говорит: «Вот завтра мы его встретим».

Завтра было 23 августа — это число я безошибочно запомнил. Я собирался поехать на охоту в Завидовское охотничье хозяйство, созданное тогда Ворошиловым. Ворошилов шефствовал над этим хозяйством, и в этом хозяйстве охотились военные. Я никогда там не бывал и впервые собрался поехать. Мы сговорились с Булганиным и Маленковым, что втроем поедем туда. Я Сталину сказал, что собираюсь завтра на охоту.

Он говорит: «Хорошо, поезжайте. Я его приму с Молотовым и послушаю, а потом вы с охоты приезжайте, я расскажу, какие цели Гитлера и какой результат разговора». Так мы и сделали. Втроем на ночь выехали на охоту. Когда мы приехали, то в Завидове уже был Ворошилов. Следовательно, Ворошилов при встрече с Риббентропом не был у Сталина. С ним были и другие военные: маршалы, генералы, было много людей. Мы поохотились. Погода была чудесная, тепло, и охота была очень удачная. Я прошу не понять меня, как охотника-хвастуна, но мне тогда удалось на одну утку больше убить, чем Ворошилову. Почему я это говорю? Потому что везде гремело «Ворошилов, ворошиловские стрелки». «Ворошилов стреляет из винтовки, Ворошилов стреляет из охотничьего ружья лучше всех». На самом деле стрелок он был хороший, но кампания эта в печати носила уж очень подхалимский характер.

Приехал с охоты и сейчас же направился к Сталину. Повез уток, как говорится, для общего котла. У Сталина должны были собраться все члены Политбюро, которые были в Москве. Я Сталину похвалился охотничьими успехами. Был он в очень хорошем настроении, шутил.

Пока готовили к столу наши охотничьи трофеи, Сталин рассказал, что был Риббентроп. Он уже улетел в Берлин. Приехал он с проектом договора о дружбе и ненападении, и мы этот договор подписали. Сталин был в очень хорошем настроении: вот, мол, завтра эти англичане и французы узнают об этом и уедут. Они в это время были еще в Москве. Сталин в тот день правильно оценивал значение этого договора и понимал, что Гитлер хочет нас обмануть, перехитрить. Он считал, что мы его перехитрили, подписав договор... По вопросу о Польше Сталин сказал, что Гитлер нападет на Польшу, захватит ее и сделает своим протекторатом. Восточная территория Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу. Естественно, что мы были за это, хотя чувство было смешанное. Я чувствовал, что и Сталин это понимал. Он говорил: «Тут знаете, идет игра, кто кого перехитрит, кто кого обманет».

Эти события рассматривались нами так: начнется война, на которую Запад направляет против нас Гитлера один на один. В связи с этим договором получалось, что войну начинает Гитлер. Это нам было выгодно с точки зрения и военной, и моральной. Такими действиями он вызовет на войну против себя Францию и Англию, выступив непосредственно против Польши. Мы же остаемся нейтральными. Я считаю, что это положение было лучшим для нас.

Если рассматривать войну как игру и если есть возможность не подставлять в этой игре нашего лба под вражеские пули, к чему все время стремились западные державы, то этот договор имел оправдания. Я и сейчас так считаю. И все-таки было на душе тяжело. Нам, коммунистам, антифашистам, людям, стоящим совершенно на противоположных философских и политических позициях, вдруг объединить свои усилия в этой войне с Германией. Это так казалось обывателю. Да и самим нам было очень трудно понять и переварить это, найти основания для того, чтобы, опираясь на них, разъяснять другим. Очень трудно было, даже при всем понимании ситуации, доказывать людям, что это выгодно для нас, что мы вынуждены так сделать и делаем с пользой для себя.

Риббентроп сказал, что Гитлер выступит 1 сентября. Мы, кажется, выступали 17 сентября.

Когда 1 сентября немцы выступили против Польши, наши войска были сосредоточены на границе. Я тогда тоже был с войсками. Все мы были членами Военного совета. Я как раз был с войсками, которые должны были действовать в направлении на Тернополь. Там же был Тимошенко. Тогда Тимошенко командовал Киевским военным округом. Когда наши войска были выдвинуты на польскую территорию, Польша к тому времени почти прекратила сопротивление. Только какое-то изолированное оказывали поляки в Варшаве, но организованное сопротивление польской армии было сломлено. Польша оказалась совершенно не подготовленной к этой войне. Сколько форса, сколько гордости, пренебрежения к нашему предложению об объединении наших усилий — и какой позорный провал польской военной машины и польского государства!..

Мы перешли границу, и фактически сопротивления нам почти не было. Мы двинули войска, дошли до Тернополя. С командующим Тимошенко мы проехали по Тернополю, а потом из Тернополя поехали другой дорогой. Это было довольно неразумно, потому что оставались еще польские отряды, которые оказывали сопротивление. Мы проехали через некоторые польские местечки, населенные украинцами. Это в городах была довольно большая польская прослойка. Мы проезжали там, где еще не было советских войск, и всякое могло случиться. Вернулись. Нам сказали, что Сталин требует к телефону. Доложили, как протекает операция.

Я не помню, сколько дней потребовалось для окончания кампании, наверное, два или три. В первый день мы подошли к Тернополю, а к Львову, кажется, на второй день или третий. Когда наши войска подошли к Львову, то немцы тоже подошли к нему, но мы их опередили. Ни мы, ни немцы во Львов еще не вступили.

Возник вопрос, как не столкнуться нашим войскам с немецкими. Мы решили войти в контакт с немцами. Для этого был послан от советских войск нынешний маршал артиллерии Яковлев. Он тогда командовал артиллерией Киевского военного округа. Он знал немножко немецкий язык и вступил в переговоры с немцами; войсками, подошедшими ко Львову, командовал Голиков, теперь маршал. Я тогда поехал к нему. Его штаб стоял недалеко от Львова под скирдами. Переговоры с немцами кончились довольно быстро. Немцы хотели первыми ворваться во Львов, чтобы пограбить его. Но так как наши войска уже подошли, то немцы не хотели демонстрировать враждебность. Они показали, что придерживаются договора, и заявили: «Пожалуйста, можете идти». Наши войска вступили во Львов, потом в Дрогобыч, Борислав и вышли на границу... Некоторые территории уже были заняты немцами. Возник вопрос: отойдут ли немцы на границы... или будут настаивать сохранить территории, которые они фактически уже занимают? Гитлер играл с большим размахом и по мелочам не хотел создавать с нами конфликты. Он хотел расположить нас, показать, что он человек слова. Немецкие войска были отведены, и наши войска вышли на границу... Так закончился первый этап. Был большой подъем и в наших войсках, и в народе в связи с присоединением западных земель. Украина давно стремилась воссоединить в едином государстве весь украинский народ.

Продолжение. Начало см. в №№ 27, 28.

Если рассматривать с позиции территориальных приобретений в результате подписания этого договора, то Советский Союз здесь почти ничего не приобрел к тому, что по закону ему полагалось. Эти белорусские и украинские земли были захвачены в 1920 г. Пилсудским, за исключением небольших территорий в Белоруссии, кажется, где-то у Белостока. Исторически там уже сложилось польское население.

После разгрома гитлеровской Германии во второй мировой войне эта граница была исправлена и этот район был передан Польше, хотя украинцы были в обиде. Видимо, Сталин, для того чтобы несколько задобрить польское самолюбие, уступил эти территории за счет Украины. К Польше тогда отошли районы с чисто украинским населением. Это, я бы сказал, был акт большой игры на новой основе, чтобы как-то ослабить осадок, который сложился у польского народа в результате договора, подписанного нами с Риббентропом. Ведь вроде бы мы отдали Польшу на растерзание гитлеровской Германии и сами приняли в этом участие. Может быть, Сталин рассматривал возвращение этих земель как какую-то компенсацию, чтобы задобрить поляков.

Мы были уверены, что польский народ, рабочие, крестьяне, интеллигенция правильно поймут необходимость этого договора. Вина была не наша, что мы подписали договор. Это вина неразумного польского правительства, пилсудчиков, ослепленных антисоветской ненавистью и враждебностью к рабочим и крестьянам своего государства. Они боялись войти в контакт с Советским Союзом, чтобы не поощрить свободолюбивые идеи, не укрепить Коммунистическую партию Польши, которую они больше всего боялись. Если бы мы объединили усилия с Польшей и столкнулись с войной, то судьба пилсудчиков уже зависела бы от польского народа.

Я считаю, что договор 1939 года, подписанный Молотовым и Риббентропом, был исторически неизбежен в сложившейся ситуации. Он был выгоден для Советского Союза. Это был шахматный ход. Его так надо рассматривать, потому что если бы мы этого не сделали, то все равно началась бы война против нас. Но она, может быть, сложилась бы в этой ситуации менее выгодно для нас. А здесь война начиналась, а мы стояли еще в стороне. Нам была предоставлена передышка. Я считаю, что это было правильно, хотя и очень больно. Больно было и то, что совершенно невозможно вразумительно разъяснить выгоду этого договора.

Что это ход, нельзя было сказать открыто в печати, потому что надо было играть. Игра требовала не раскрывать своих карт перед Гитлером; но разъяснять, как тогда разъясняли газетным языком, противно — ему никто не верил. Некоторые проявляли непонимание: они действительно верили, что Гитлер искренне пошел на этот договор. А нам нельзя было открыто сказать, что мы не верим ему. Одним словом, сложилась очень тяжелая обстановка для пропаганды, для разъяснения, но акт был исторически неизбежен в условиях, в которых мы очутились...

Мы начали переговоры с Эстонией, Латвией и Литвой и выдвинули свои условия... В сложившейся ситуации эти страны заключили с нами договоры о дружбе. Произошла смена правительства. Это само собой разумеется. Некоторые руководители, например, Сметона, президент Литвы, сразу же, как начались переговоры, бежали в Германию, главы правительств Эстонии и Латвии тоже бежали на Запад. Это не столь важно. Одним словом, были созданы правительства, дружески настроенные к Советскому Союзу. Коммунистические партии получили возможность работать легально. Прогрессивные силы развернули работу внутри масс, как среди рабочих, так и среди крестьянства и интеллигенции, за твердую дружбу с Советским Союзом. Кончилось это тем, что через какое-то время в этих странах была установлена Советская власть.

В Белоруссии и на Украине приступили к организации советских органов в районах, которые вошли в состав Советского Союза. Тогда власть была еще юридически не оформлена, потому что только пришли наши войска, и поэтому мы создавали временные революционные местные органы. Народ западных областей Украины, занятых нашими войсками, встретил их очень хорошо. Польское население чувствовало себя угнетенным, а украинское население этих областей чувствовало себя освобожденным.

Во Львове и других городах западных областей была большая еврейская прослойка и рабочих, и еврейской интеллигенции. Я не помню сейчас, чтобы что-либо отрицательное, антисоветское исходило от этой части населения. Среди еврейских рабочих и интеллигенции много было коммунистов западных областей Украины. Эта организация называлась КПЗУ (Коммунистическая партия Западной Украины). Туда входили и украинцы, и евреи.

Когда мы собрались на митинг во Львовском оперном театре, пригласили туда и украинцев, и евреев, и поляков, в основном рабочих. Была и интеллигенция. Выступали там и евреи. Странно нам было слушать, когда евреи, выступая, говорили: «Мы жиды... Мы от жидов заявляем...» и прочее. Мы воспринимали это как оскорбление еврейской нации.

Потом в кулуарах я спрашивал: «Почему вы так говорите о евреях? Вы говорите «жиды», это же оскорбительно».

«А у нас на Западе считается оскорбительным, когда нас евреями называют. Жиды, мы и есть жиды, и поэтому называем себя жидами».

Это для всех нас было очень странным, мы не привыкли к этому, но, видимо, они были правы. Если вернуться к украинской литературе, взять Гоголя, то у него слово жид звучит не ругательным, не оскорбительным, а это вроде определения национальности. Украинская песенка: «Продам тебя жидови рудому» — звучит не оскорбительно, просто говорит: «Продам тебя еврею рыжему». Этот эпизод запечатлелся в моей памяти, потому что противоречил нашим привычкам...

Из местных поляков в основном с нами работали хорошие люди. Это были проверенные коммунисты, проверены они были жизнью. Но Коммунистическая партия была распущена — и Польская коммунистическая партия, и КПЗУ. Эти люди, в нашем понимании, требовали проверки, хотя они были коммунистами и завоевали это звание в классовой борьбе. Многие из них имели за плечами польские тюрьмы. Какая еще может быть проверка? Но тогда у нас было другое понятие. Мы смотрели на этих людей, как на неразоблаченных агентов. Их не только надо проверять, но проверять особой лупой. Очень многие из них, получив освобождение от нашей Советской Армии, попали в наши советские тюрьмы. К сожалению, это так.

Безусловно, были там провокаторы, наверное, были шпионы. Но нельзя же рассматривать каждого человека, который с открытой душой приходит к нам, как подосланного агента, который приспосабливается, втирается в доверие. Это порочный круг. Если все основывается на этом круге, то к чему это приведет? Об этом уже была речь. Как же реагировало польское население? Польское население реагировало очень болезненно, и это мне понятно. Во-первых, поляки считали, а это факт, что они лишились государственной самостоятельности. Они говорили: «Какой это по счету раздел Польши? И опять же, кто делит? Раньше делили Германия, Австрия и Россия, а теперь? Опять Россия разделила Польшу, раздавила ее независимость и самостоятельность, разделила между собой и Германией».

Я тогда переселился во Львов и организовывал всю работу...

...Война неумолимо надвигалась. Хотя при встречах Сталин беседовал по этому вопросу очень редко, даже избегал этой темы, замыкался, но было заметно, что он очень волнуется и беспокоится. Это было заметно и по тому, что он к этому времени стал пить и довольно много пить, причем не только сам, но стал спаивать других. Обязательно, если он вызывает, то у него собиралось очень много народа. Я думал, он так волнуется, что начинает один плохо себя чувствовать, и поэтому ему нужна большая компания, с тем чтобы в этой компании как-то отвлечься от мыслей. А мысли эти были — неизбежность войны и, главное, то, что он, видимо, думал, что в этой войне мы потерпим поражение. Войны-то в былые времена он не боялся, наоборот, считал, что война принесет нам победу и, следовательно, расширение территории, где будут установлены новые, социалистические порядки, где будет развеваться победоносное революционное марксистско-ленинское знамя. Но в этот период он уже так не думал, а, наоборот, видимо, беспокоился, что, если начнется война, мы можем потерять и то, что завоевали под руководством Ленина.

После капитуляции французов немцы обнаглели. Наглость эта проявлялась в бесцеремонности перелетов разведчиками воздушных сил границы Советского Союза. Они углублялись до Чернигова, а однажды мы засекли, что они летали над Шосткой. Они, видимо, разведывали пути бомбежки Шосткинского порохового завода.

Бывали случаи, когда немцы совершали вынужденную посадку. Я помню, в районе Тернополя сел самолет, и крестьяне буквально захватили в плен немецких летчиков. Кончилось это тем, что отпустили этих летчиков, исправили самолет, и все это тихо, даже, по-моему, протеста не было. Это еще больше вызывало уверенность в безнаказанности у этих немецких фашистов.

На границе мы видели, что немцами уже стягиваются войска, что немцы готовятся и что война неизбежна. Естественно, мы беспокоились не меньше Сталина.

Я помню, мы с командующим Киевским военным округом обратились с письмом к Сталину с просьбой разрешить нам временно мобилизовать сто пятьдесят тысяч или больше колхозников, вывести их на границу и сделать там противотанковые рвы и другие земляные работы по укреплению границы.

Мы считали, что это нужно произвести. Мы понимали, что немцы будут видеть все, да и немецкая агентура в западных областях была довольно широкой. Поэтому секретно ничего сделать было нельзя, но и немцы же делали несекретно работу по укреплению своей границы, поэтому нам нужно было чем-то ответить. Сталин запретил, сказав, что это может послужить причиной провокаций и прочее. Очень нервно он нам ответил.

Немцы продолжали свою работу, а мы ничего не делали. Следовательно, наша граница осталась совершенно открытой для противника, чем он потом и воспользовался.

Как я объясняю такое поведение Сталина? Я думаю, что он тоже все видел и понимал. Когда был подписан договор с Риббентропом, Сталин сказал:

— Ну, кто кого обманет? Мы обманем Гитлера.

Он все на себя брал. Это его инициатива, он решил, что обманет Гитлера.

А уже когда мы получили урок в войне с финнами не в нашу пользу, когда немцы легко разгромили войска французов и довольно успешно вели воздушные операции против англичан, бомбили города и промышленность Англии, тут он уже по-другому рассматривал возможный исход войны, и он этой войны боялся. В результате этой боязни он и не хотел ничего делать, что могло бы побеспокоить Гитлера. Поэтому он нажимал, чтобы аккуратно вывозили в Германию все, что по договору было положено: нефть, хлеб и, я не знаю, какие еще товары.

Возможно, он думал, что Гитлер может оценить, как аккуратно мы выполняем свои обязательства, вытекающие из этого договора. Может быть, он думал, что Гитлер откажется от войны против нас. Но это нелепость, она продиктована неуверенностью, а то и трусостью. Трусость вытекала, как я уже говорил, из того, что мы показали свою слабость в войне с финнами, а немцы показали свою силу в войне с англичанами и французами. Эти события и породили вот такое состояние Сталина, когда он как-то потерял уверенность, потерял оперативность в руководстве.

Однажды, когда я приехал в Москву — это, по-моему, уже была поздняя осень 1939 года, Сталин меня пригласил к себе на квартиру: «Приезжайте ко мне, покушаем. Будут Молотов и Куусинен».

Куусинен тогда работал в Коминтерне.

Я приехал в Кремль, на квартиру к Сталину. Начался разговор, и по ходу его я почувствовал, что это продолжение предыдущего разговора. Собственно, уже реализация принятого решения о том, чтобы предъявить ультиматум Финляндии. Уже договорились с Куусиненом, что он возглавит правительство создающейся Карело-Финской ССР.

Было такое мнение, что Финляндии будут предъявлены ультимативные требования территориального характера, которые она уже отвергла на переговорах, и если она не согласится, то начать военные действия. Такое мнение было у Сталина. Я, конечно, тогда не возражал Сталину. Я тоже считал, что это правильно. Достаточно громко сказать, а если не услышат, то выстрелить из пушки, и финны поднимут руки, согласятся с нашими требованиями.

Я опять повторяю, какие конкретно территориальные претензии были выдвинуты, какие политические требования, какие взаимоотношения должны были сложиться, я сейчас не помню, но, видимо, какие-то условия были выдвинуты, с тем чтобы Финляндия стала дружеской страной. Эта цель преследовалась, но в чем это выражалось, как формулировалось, я не знаю. Я эти документы не читал и не видел.

Тогда Сталин говорил: «Ну вот, сегодня будет начато дело».

Мы сидели довольно долго, потому что был уже назначен час. Ожидали. Сталин был уверен, и мы тоже верили, что не будет войны, что финны примут наши предложения и тем самым мы достигнем своей цели без войны. Цель — это обезопасить нас с севера.

Вдруг позвонили, что мы произвели выстрел. Финны ответили артиллерийским огнем. Фактически началась война. Я говорю это потому, что существует другая трактовка: финны первыми выстрелили, и поэтому мы вынуждены были ответить.

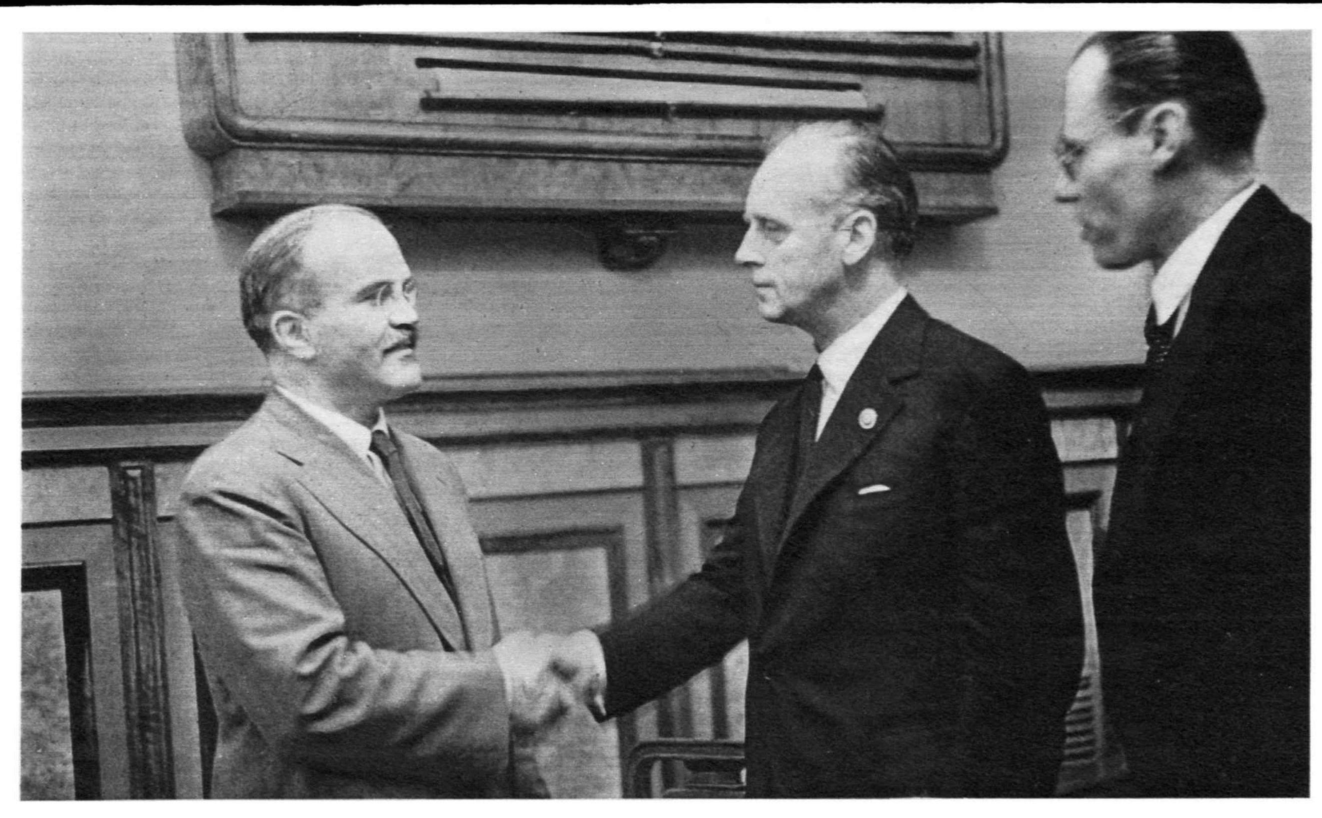
Имели ли мы юридическое и моральное право на такие действия? Юридического права, конечно, мы не имели. С моральной точки зрения желание обезопасить себя, договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах.

Война началась. Я уехал через несколько дней на Украину. Мы были уверены, что если финны приняли наш вызов и развязалась война, то, так как величины несоизмеримы, этот вопрос будет решен быстро, с небольшими потерями для нас. Так хотели думать, но история этой войны показала совсем другое.

Я не знаю, сколько, но, видимо, войск наших там легло значительно больше, чем это было предвидено планом.

Сталин очень негодовал. Военные объясняли, что они не знали о создании финских укреплений на Карельском перешейке. Они назывались линией Маннергейма. Стали обвинять разведку.

Все это объединилось в главное обвинение Ворошилову — он нарком обороны. За военное поражение обвинять,

«Сделка века» (Молотов и Риббентроп после подписания советско-германского договора о дружбе и границах между СССР и Германией. Москва, 28 сентября 1939 г.)

собственно, больше и некого было. Ворошилов виновен, он не предусмотрел.

Наш морской флот действовал против финского. Казалось бы, соотношение должно быть не в пользу финнов, но наш флот плохо работал. Я помню такой доклад у Сталина. Наши не опознали шведский корабль и приняли за финский. Наша подводная лодка попыталась потопить его, но не смогла этого сделать. Немцы это наблюдали и потом, чтобы уколоть, предложили оказать помощь: «Что же у вас так плохо? Даже не смогли потопить корабль? Может быть, вам требуется помощь?»

Можете себе представить, будущий враг № 1 и так нас он оценивает?! Предлагает: «Давайте просто отбросим всякое право, и юридическое, и моральное. Если началась война, то используется все, с тем, чтобы в кратчайший срок решить задачу, поставленную перед военными силами».

Мы не можем ее решить, и Гитлер нам предлагает кое в чем помочь. Он показывал нам, что понимает наше бессилие. Хотел, чтобы мы сами признали это и приняли его помощь.

Одним словом, нарастала тревога. Померк ореол непобедимости нашей армии — «если завтра война, мы сегодня к походу готовы»... Если с финнами не можем справиться, а вероятный противник у нас посильнее, то как же с ним мы будем справляться?

Таким образом, финская война показала очень большие наши слабости, неумение организовать ведение войны. Мы имели возможность выбрать время, место, а следовательно, и сконцентрировать необходимое количество соответствующего вооружения, войск. Словом, все продумать и тщательно подготовиться к проведению военной операции. При этих самых благоприятных условиях мы в этой войне добились победы, добились решения тех задач, которые ставили перед собой. Но эти победы показали нашу слабость, и, следовательно, мы понесли моральное поражение. Страна не знала этого, она была не информирована. Наоборот — «Гром победы раздавайся...».

Сталин в беседах критиковал военные ведомства, наркомат обороны и особенно Ворошилова. Он все сосредоточивал на персоне Ворошилова. Я был согласен со Сталиным, как и другие, потому что действительно в первую голову отвечал Ворошилов. Он много лет занимал пост наркома обороны. Но не только он, конечно, виноват.

Я помню, когда Сталин в пылу гнева в острой полемике на ближней даче очень критиковал Ворошилова. Он очень разнервничался, встал, «набросился» на Ворошилова. Ворошилов тоже вскипел, покраснел, поднялся и в ответ на критику Сталина, бросил обвинение: «Ты виноват в этом! Ты истребил военные кадры!» Сталин, естественно, ему ответил. Ворошилов схватил тарелку, на которой лежал отварной поросенок, и ударил об стол. В моей жизни это был единственный такой случай.

Кончилась критика тем, что, как известно, Ворошилов был освобожден от обязанностей наркома обороны. Вместо него был назначен Тимошенко. К этому времени он имел уже звание Маршала Советского Союза. Он приступил к исполнению обязанностей. Я не помню, какой пост был дан Ворошилову, но долгое время он находился на положении мальчика для битья.

К 1940 году у нас накопилось много спорных вопросов с Гитлером. После длительных переговоров договорились о том, что Молотов должен съездить в Берлин. Он выехал туда поездом.

Я приехал в Москву уже после его поездки. Это было, кажется, в октябре или ноябре 1940 года. Я слышал тогда разговор, который мне не понравился. Видимо, у Сталина возникали мысли и потребности спросить что-то.

Из вопросов Сталина и ответов Молотова можно было сделать вывод, что поездка Молотова еще больше укрепила понимание неизбежности войны. Видимо, война должна разразиться в ближайшем будущем. На лице Сталина и в его поведении чувствовалось волнение и, я бы сказал, даже страх.

Молотов, сам по характеру человек молчаливый, характеризовал Гитлера как человека несловоохотливого и абсолютно непьющего. Во время официального обеда в узком кругу подавали вино, но Гитлер даже не брал в руки бокала. Ему ставили чай. Он чаем поддерживал компанию пьющих. Я не знаю конкретно тем деловых разговоров, которые велись в Берлине, по каким вопросам и какие у нас были расхождения. Это было очень трудно понять.

У нас сложилась такая практика: если тебе не говорят, то не спрашивай. Считалось, что тебе эти вопросы знать необязательно. Это, конечно, неправильный подход. Это уже результат сложившегося произвола, который приобрел законность при Сталине.

Молотов говорил, что во время поездки были приняты очень строгие меры по безопасности продвижения поезда от границы до Берлина буквально. В зоне видимости стояли солдаты. Он рассказывал, что во время деловых разговоров вдруг пришли и сказали, что англичане делают налет и сейчас самолеты появятся над Берлином. Тогда ему предложили пойти в убежище. Пошли в убежище, и Молотов понял, что уже сложилась довольно частая практика пользоваться убежищем. Это говорило о том, что англичане довольно основательно беспокоили Берлин и Гитлеру со своей компанией приходилось прибегать к использованию убежища.

После поездки Молотова в Берлин никакого сомнения не было в том, что будет война, но эта война может быть по времени оттянута. Гитлер готовится, и война будет развязана в ближайшее время, а в какое ближайшее время, мы, конечно, не знали. Сталин очень сильно переживал начало войны. В первые дни войны, как известно, был совершенно парализован в своих действиях и мыслях и даже заявил об отказе от руководства страной и партией.

Сталин ничего живого в жизни не видел. Он никуда из Москвы не выезжал. Из Кремля выезжал только на дачу и в Сочи. Больше никуда. Информацию он получал соответствующую только через Ворошилова. Ворошилов, конечно, докладывал, как он сам понимал, а он тоже переоценивал армию. Считал, что она находится на высоком уровне и сможет легко отразить гитлеровское нашествие. Поэтому перед войной многое так и не было сделано.

Разве можно было так думать? Вот я беру себя. Я был членом Политбюро, вращался в кругу Сталина, правительства. Разве мог я думать, что у нас буквально в первые дни войны не будет даже достаточного количества винтовок, пулеметов? Это же элементарно. Даже у царя, который готовился к войне с Германией, оказались бо́льшие запасы винтовок. У него только в 1915-м или 1916 году не хватало винтовок, а у нас винтовок и пулеметов не хватило на второй день войны! А ведь наши возможности в смысле экономики были несоизмеримо выше, чем у царского правительства.

Я был поражен. Как же так, никто не знал?

Ворошилов не мог не знать. Что же тогда еще наркому знать, как не состояние вооруженности и накопление на случай войны боеприпасов, артиллерийского и пехотного вооружения?..

Когда началась война, было страшное возбуждение, народ проявлял свой патриотизм. Рабочие приходили группами в Центральный Комитет в Киеве и требовали оружия, чтобы пойти против гитлеровских войск, разгромить их и не допустить вторжения.

Я позвонил в Москву Маленкову, больше тогда не с кем было связаться, и спросил его:

— Нам нужно оружие, а у нас его нет. Нужны винтовки. Рабочие требуют винтовки. Надо им выдать. Где мы можем их получить?

Он говорит:

— Ты перестань и думать, что можешь получить винтовки. Винтовок нет. Те винтовки, которые были в Осоавиахиме с просверленными дырочками в стволах, чтобы нельзя было их использовать, мы собрали, эти дырочки заклепали и отдали все Ленинграду. Больше у нас ничего нет.

— А как же нам быть? Чем мы будем вооружаться?

— Делайте,— говорит,— штыки, копья, самодельные сабли. Одним словом, делайте, что сможете сделать на своих заводах.

Вы можете себе представить, какое возмущение и негодование у меня вызвал такой ответ! В какое положение мы поставили свою страну, если у нас не было средств для вооружения народа, когда уже началась война!

Я объясняю это провалом воли Сталина, деморализацией его. Он был деморализован победами, которые Гитлер одержал на Западе, и нашим поражением в войне с финнами. Он уже перед Гитлером стоял, как кролик перед удавом, он был парализован в своих действиях. Это сказалось в том, что мы не подготовили границу к обороне. Мы боялись, что наши работы будут замечены со стороны немцев и это может вызвать войну. Так же нельзя мыслить! Война-то уже была неизбежна.

Хочу сказать несколько слов о своей беседе со Сталиным о танковых войсках. Это, по-моему, было в 1940 году, когда я приехал в Харьков посмотреть на испытания танка Т-34.

Этот танк испытывал сам командующий бронетанковыми войсками Красной Армии Павлов. Это человек прославленный, герой испанской войны. Там он выделился как боевой танкист, бесстрашный человек, умеющий владеть танком. В результате этого Сталин назначил его командующим бронетанковыми войсками.

Я любовался, как он на этом танке буквально летал по болотам и пескам в районе Северного Донца, восточнее Харькова. Затем он вышел из танка, подошел к нам — мы стояли на горочке, наблюдали — я с ним беседовал, и он беседовал с конструкторами, хвалил этот танк. В этом разговоре он на меня произвел удручающее впечатление, он мне показался малоразвитым человеком.

Я просто боялся, как человек с таким кругозором и с такой слабой подготовкой может отвечать за состояние бронетанковых войск Советского Союза, сумеет ли он охватить, охватывает ли он все, может ли он поставить все задачи, которые необходимы, чтобы сделать этот вид вооружения действительно основой мощи Красной Армии.

Меня все это очень беспокоило. Вскорости после испытаний я приехал в Москву и, естественно, рассказывал Сталину, как испытывался танк, о его достоинствах, как мне конструкторы докладывали, о его ходовых качествах. Как он ходил по пескам и болотам, я сам видел, но стойкость брони — это уже вопрос испытаний. Танк был замечательный. Это был лучший танк. Действительно, в войне он себя показал и вынудил наших врагов признать, что это был лучший в мире танк.

Я все-таки решил высказать Сталину свои сомнения относительно способности командующего бронетанковыми войсками Красной Армии Павлова. Я должен был их высказать с большой осторожностью, потому что мои встречи с ним были кратковременны и не

давали мне права настойчиво доказывать Сталину, что он не годится для своей должности. Я только хотел высказать свои сомнения, я хотел этими высказываниями насторожить Сталина, чтобы Сталин лучше к нему присмотрелся и принял бы соответствующие меры.

Поэтому я сказал:

— Товарищ Сталин, знаете ли вы хорошо Павлова?

— Да, хорошо знаю.

— На меня он произвел отрицательное впечатление,— и я рассказал, что мне он кажется довольно ограниченным, что это человек, который хорошо владеет танком, но хватит ли у него ума, чтобы создать бронетанковые войска, правильно их вооружить и использовать.

Сталин очень нервно реагировал на мое замечание:

— Вы его не знаете.

— Я и раньше вам сказал, что я его мало знаю.

— А я его знаю. Знаете, как он себя показал в Испании, как он воевал там? Это человек знающий. Он знает, что такое танк, он сам воевал на танке.

Я говорю:

— Я просто хотел вам сказать, что у меня сложилось впечатление не в его пользу. И еще. За все артиллерийское вооружение отвечает маршал Кулик (маршала Кулика я больше наблюдал и видел, что он очень неорганизованный человек, но очень самоуверенный и с большой волей). Я не знаю, справляется ли он со своими задачами. Война надвигается, а он отвечает и за артиллерию, и за стрелковое вооружение. Очень большая ответственность лежит на нем, и, зная характер, я сомневаюсь, что он может все обеспечить.

Сталин тут реагировал еще более бурно:

— Вот вы говорите о Кулике, а вы Кулика не знаете. Я его знаю по Царицыну, по гражданской войне. Он там командовал артиллерией. Он человек, знающий артиллерию.

Я говорю:

— Товарищ Сталин, я не сомневаюсь, что он знает артиллерию как артиллерист, что он там хорошо командовал. Но сколько у него там было пушек? Две-три? А тут вся страна. В новых условиях другие качества требуются человеку, который должен обеспечить вооружением нашу Красную Армию.

Он тут махнул на меня рукой, он был раздражен, что я, мол, сую нос не в свои дела. Я это предвидел, когда ставил этот вопрос, потому что знал, что Сталин очень нетерпимо относится, если кто-то делает замечание по каким-нибудь вопросам вооружения и по вопросам строительства Красной Армии: он считал, что это его детище, он один компетентен принимать решения, и он принимал эти решения.

К сожалению, мои сомнения были подтверждены жизнью. Этот Павлов, командующий бронетанковыми войсками Советского Союза, был освобожден от своей должности, но не потому, что непригоден, а ему дали более ответственный военный пост. Его назначили командующим войсками Белорусского военного округа, то есть главного, центрального направления на Москву со стороны запада.

Когда командующим в Белоруссию был назначен Павлов, я даже не знал о таких перестановках. Это тоже характерно. Ведь я был членом Политбюро. Ни у кого Сталин не спрашивал совета, ни перед кем не отчитывался. Он отчитывался перед своей совестью, а чем это кончилось, всем известно.

Павлов, командующий Белорусским округом, в первые дни войны потерял управление войсками. Он совершенно не подготовил свои войска к вторжению Гитлера, потерял сразу технические средства: авиация была уничтожена на аэродромах — это мы знали.

Сталин судил Павлова, его начальника штаба и члена Военного совета. Эти люди расстреляны в первые дни войны. Но фронт развалился, и немцы двинулись без всякого сопротивления в глубь нашей страны, пока мы не подтянули войска, которые находились в тылу.

Такие люди появились у руля, потому что были уничтожены кадры, кадры, которые были отобраны, закалены и воспитаны в гражданской войне, а потом получили образование и накопили опыт. Они были уничтожены от Тухачевского сверху до командира роты снизу, а может быть, даже несколько составов было уничтожено.

А Кулик? Кулик тоже, правда, уже после войны был арестован и расстрелян. Во время войны он себя показал совершенно никчемным военным деятелем, и Сталин его разжаловал из маршалов в генерал-майоры.

Помню, раз мы с Ватутиным приехали и слушали доклад Кулика. Это просто не передать словами, это для фельетонистов материал, как он докладывал, как он командовал. Совершенно непригодный командир, и мы вынуждены были перед Сталиным ставить вопрос, чтобы его освободить и назначить нового командующего. Иначе он загубит армию. Сталин сопротивлялся, и он действительно растрепал эту армию, понес большие потери и не решил задач, которые стояли перед ним. Тогда Сталин вынужден был согласиться с нами, освободил Кулика, отозвал и прислал вместо Кулика нового командующего.

В конце 1940 и в начале 1941 года мы чувствовали, что движемся к войне. Сталин в моем присутствии ни разу не поднимал вопроса о том, что война неизбежна, но видно было по его настроению, по его поведению, что он это чувствует и очень встревожен. Какие были внешние признаки? В чем они выражались?

В былые времена, когда я приезжал в Москву из Киева, он сейчас же меня вызывал или на квартиру, или на дачу. Чаще всего на дачу, он там больше жил. В те времена с ним всегда приятно было встречаться, послушать, что нового он расскажет, ему доложить. Он всегда рассказывал что-то подбадривающее или разъяснял то или другое положение. Одним словом, он выполнял свои функции руководителя и вождя, беседовать с которым каждому из нас (я, во всяком случае, о себе говорю) было приятно. Я всегда стремился к этому.

Когда стала надвигаться война, Сталин стал совершенно другим.

Я настойчиво добивался разрешения выехать в Киев и в конце концов прямо сказал Сталину: «Чего я сижу, товарищ Сталин? Ведь война может разразиться в любой час, и будет очень плохо, если я буду в Москве или даже в дороге. Надо мне ехать, надо быть в Киеве».

Он согласился: «Да, да, верно. Езжайте».

Такой ответ тоже говорил о том, что он сам не знал, зачем меня задерживал. Он понимал, что мне тут делать нечего и мое место в Киеве, что я там нужнее, чем здесь. Он вроде охотно согласился, но, спрашивается, кто же меня задерживал? Это говорит о том, что он нуждался в большом количестве людей для своего окружения, с тем чтобы не быть одному — один на один с самим собой. Такая у него человеческая потребность была.

Я сейчас же воспользовался согласием Сталина и выехал в Киев. Обстановка была очень нервная. Предвоенная. Было жаркое лето, парило, как парит перед грозой. Я приехал в Киев утром. Это была суббота.

Я подошел в Центральный Комитет, узнал о положении дел и вечером ушел домой. Вдруг мне в десять или в одиннадцать часов вечера позвонили из штаба, чтобы я приехал в ЦК: есть документ, полученный из Москвы. В сопроводительной сказано, чтобы с этим документом был ознакомлен Хрущев, секретарь ЦК. Я приехал в ЦК.

Пуркаев или его заместитель прочитал документ. Там говорилось о том, что надо ожидать начала войны буквально днями, а может быть, часами. Я сейчас точно не помню содержания этого документа. Я помню только одно — тревожность его и предупреждение.

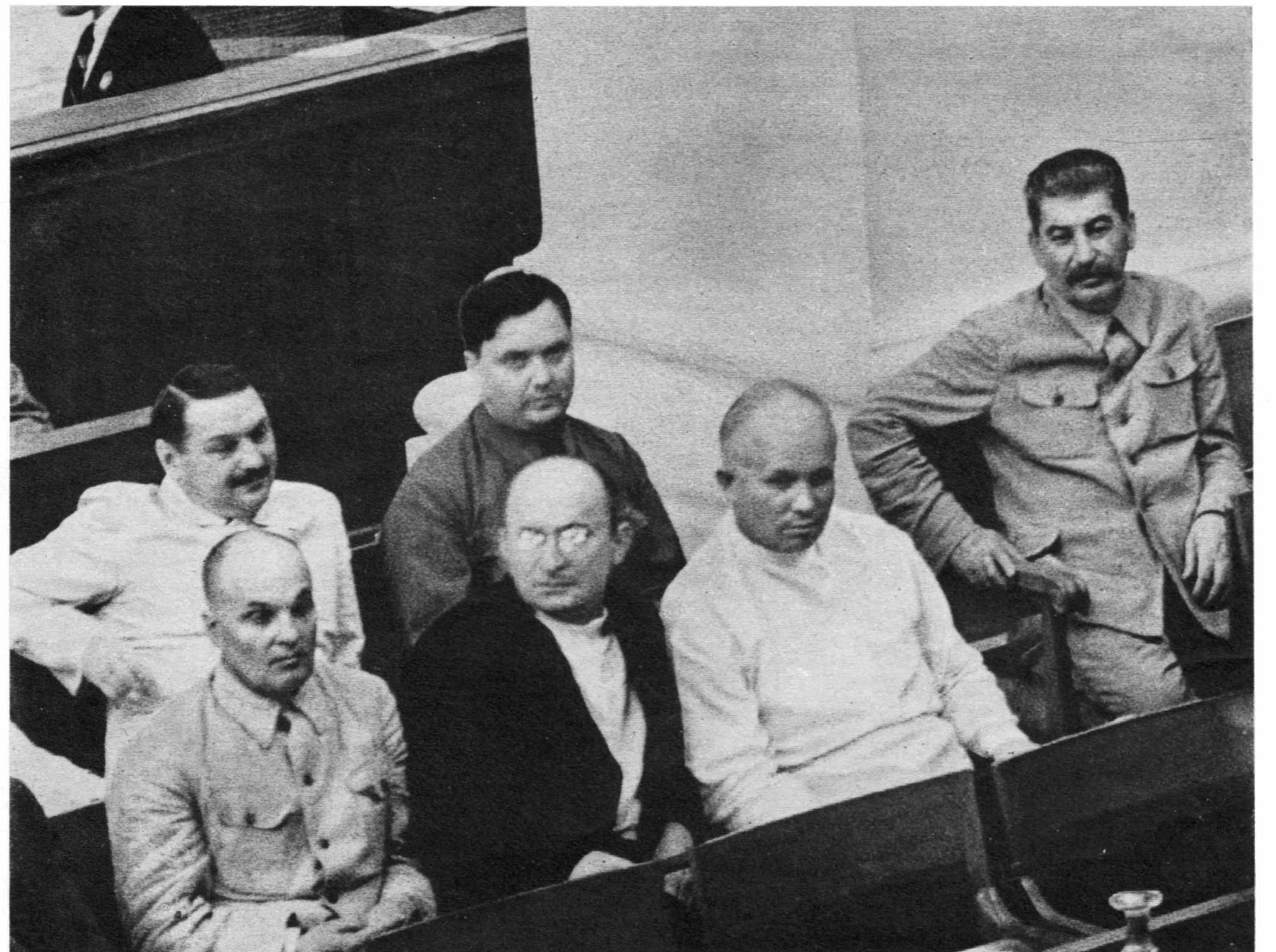
Тогда считалось: все, что нужно было сделать, чтобы подготовить войска, сделано, вплоть до того, что командующий уже выехал с оперативным отделом на командный пункт. Следовательно, считалось, что к войне мы готовы.

Потом позвонили с командного пункта из Тернополя и сообщили, что на нашем направлении перебежал немецкий солдат. Он заявил, что он был коммунистом и сейчас считает себя коммунистом, что он антифашист и что он против военной авантюры, которая затевается Гитлером. Он предупредил, что завтра в три часа утра будет начато наступление немецких войск против Советского Союза. Это совпадало со сведениями, которые были только что сообщены нам из Москвы этим документом. Я не помню только, назывался ли в нем день и час; видимо, назывался. Одним словом, это была уже не новость, а подтверждение уже более реальное, конкретное.

Солдат прибежал с переднего края. Его допрашивали, и все признаки, на которых он основывался, когда говорил, что завтра в три часа будет наступление, были логичны и заслуживали доверия. Почему завтра? Он сказал, что они получили трехдневный сухой паек. А почему в три часа? Потому что всегда немцы избирали ранний час в таких случаях. Не помню, говорил ли он, что было объявлено солдатам о трех часах или солдаты узнали это из солдатского вестника, который всегда очень точно определяет начало наступления.

Что нам оставалось делать? Командующий был в Тернополе, штаб был там. Войска на месте и подготовлены встретить врага. Из этого мы исходили. Я не вернулся домой вечером и остался в Центральном Комитете ожидать этого часа...

Единомышленники?.. (Сталин, Хрущев, Берия, Шкирятов, Маленков, Жданов на заседании I сессии Верховного Совета 1-го Созыва. Москва, 1938 г.)

НИЧЕГО ПОДОБНОГО СО ВРЕМЕНИ ВУДСТОКА...

СОБЫТИЕ БЕСПРЕЦЕДЕНТНОЕ ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ. ВСПОМНИМ, ЧТО НЕДАВНИЕ ПОПЫТКИ ОРГАНИЗОВАТЬ ПОДОБНОЕ И ДАЖЕ БОЛЕЕ СКРОМНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ В СССР ТЕРПЕЛИ КРАХ. ТО ЛИ ДЛЯ ЗАПАДНЫХ ЗВЕЗД И ПРОДЮСЕРОВ БЫЛИ НЕПРИЕМЛЕМЫ НАШИ УСЛОВИЯ, ТО ЛИ МЫ ОТКАЗЫВАЛИСЬ СДЕЛАТЬ ИХ ХОТЬ МАЛО-МАЛЬСКИ ПРИЕМЛЕМЫМИ...

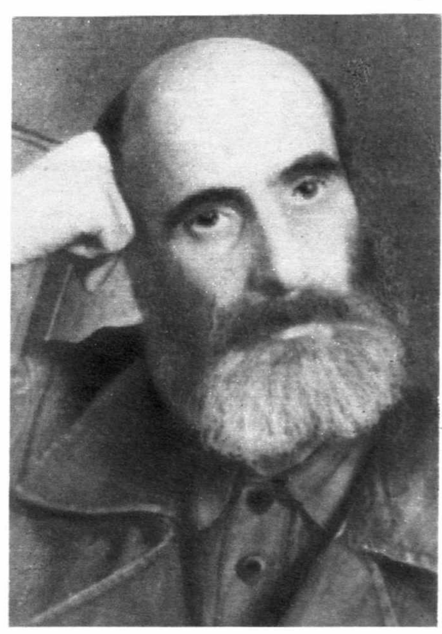
12—13 августа на Большой спортивной арене Лужников предполагается проведение Московского международного музыкального фестиваля мира. Это совместный проект, создателями которого с нашей стороны являются Советский комитет защиты мира и Московский музыкальный центр Стаса Намина, а с американской — «Мейк а Дифференс Фаундейшн» (фонд «Изменить мир к лучшему») и знаменитая международная фирма «Крамер мьюзик».

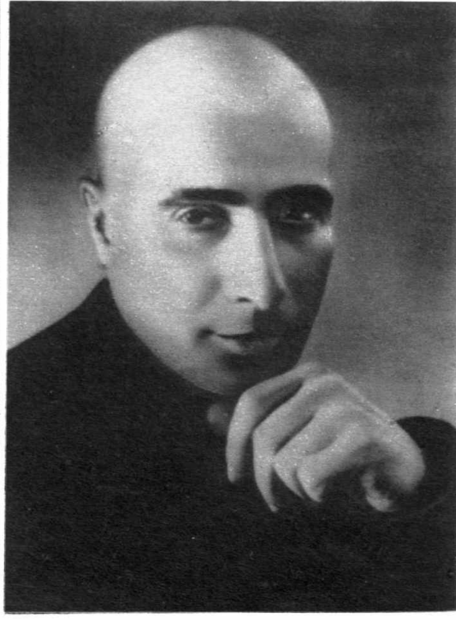
Впервые в Лужниках будет установлена уникальная — даже по западным меркам — свето- звукоаппаратура. Гигантские экраны фирмы «Даймонд Вижен», смонтированные на стадионе, позволят зрителям даже самых «невыгодных» мест увидеть крупным планом все, что происходит на сцене. Это особенно важно потому, что на сцену Лужников выйдут звезды поп- и рок-музыки мировой величины: группы «Бон Жови», «Скорпионс», «Мотли кру», «Синдерелла», «Аэросмит», «Оззи Осборн» и другие. Крупнейшие телекомпании будут транслировать концерты во все страны мира.

— На этот раз есть все основания для оптимизма,— говорит Стас Намин, инициатор проекта.— Министерство культуры СССР и Советский комитет защиты мира отнеслись к идее такого фестиваля с полным пониманием и поддержкой. А о западных партнерах и говорить не приходится. Недавно на двух крупных пресс-конференциях в Европе и Америке музыканты заявили, что считают своим долгом участвовать в фестивале, причем бесплатно. Как видите, Западу выгодно делать не только деньги, но и историю. Это не громкие слова — уже 20 лет, со времен Вудстока, в мире не было рок-фестивалей такого масштаба. Это во-первых. Во-вторых, девиз фестиваля: «Мое поколение» и его главная идея — борьба за здоровый, созидательный образ жизни, осознание ответственности каждого молодого человека за судьбу всего поколения. Это не только грандиозный концерт, это социальная акция. В ходе ее, например, еще до начала фестиваля фирмы грамзаписи в разных странах мира выпустят пластинку, где современные суперзвезды исполнят песни своих легендарных предшественников: Элвиса Пресли, Джими Хендрикса, Дженнис Джоплин, членов групп «Роллинг Стоунз», «Ху», «Лед Зеппелин» и других музыкантов, трагически погибших от наркотиков или алкоголя. Выпуск такой пластинки планирует и фирма «Мелодия». Все средства от ее продажи, так же как и весь доход от Московского международного музыкального фестиваля мира, пойдут на борьбу с наркоманией и алкоголизмом.

А. ШКОДИНА

Cinderella
GP
MOSCOW MUSIC
PEACE FESTIVAL
peter max
MAX

Предлагаем вниманию читателя фельетон, впервые напечатанный 62 года назад в художественно-политическом журнале «30 дней», время жизни которого совпало, можно сказать, с временем жизни гласности. Написал его молодой в ту пору, но уже достаточно известный журналист-известинец Абрам Давидович Аграновский. После «Известий» с 1930 года до рокового 1937-го он работал в «Правде». Потом были далекие северные лагеря, но через пять лет неожиданное везение: полная реабилитация с восстановлением в партии, в которой А. Аграновский состоял с 1918 года, возвращение в Москву и отпущенные судьбой несколько лет плодотворной журналистской работы. Смерть настигла А. Д. Аграновского в июне 1951 года в маленьком селе Большое Баландино Челябинской области: при нем была командировка специального корреспондента «Огонька», подписанная тогдашним главным редактором А. Сурковым. К этой короткой справке остается добавить, что дело отца продолжили его дети — братья Анатолий и Валерий Аграновские, имена которых, вероятно, хорошо знакомы читателю по публикациям в центральной печати.

Фельетон «Философия Шаи Дынькина» написан в мягкой, колоритной манере, что отнюдь не снимает остроты поставленных в нем проблем; он созвучен, как нам кажется, нынешним временам и достаточно красноречив...

На снимках: А. Д. Аграновский — слева — в день реабилитации 4 июня 1942 года, перед которой ему пришлось восемь месяцев просидеть в одиночной камере Красноярской тюрьмы НКВД; А. Аграновскому на этом снимке 45 лет; справа — он же, но восемь лет спустя, когда работал специальным корреспондентом нашего журнала.

ФИЛОСОФИЯ ШАИ ДЫНЬКИНА

Абрам АГРАНОВСКИЙ

Шая Дынькин признал меня искренним другом. Шая Дынькин занимается рыбой, я — литературой. Он уже совсем старый еврей, я еще молодой человек. Вся его жизнь в прошлом, моя — в будущем. Он — философ, я — реалист. Он «внепартийный аполитик», я — коммунист. Он грамоту едва знает и имеет «швистящее произношение», а я воспитался на классиках. Одним словом, сплошные контрасты. Но если бы вы знали, какие мы с ним друзья!

— Искренний друг познавается в беде,— говорит Дынькин,— и я вижу, что вы мне друг.

— Хотя убеждения наши расходятся,— отвечаю я,— тем не менее...

— Что вы говорите, убеждения? Убеждения — ветер. Сегодня дует в лицо, завтра в макушку. Я тоже имел убеждение: хотел в Палестину. Сорок лет хотел только в Палестину, но пришла революция, по всей стране подул ветер, и я не попал в Палестину. Вот вам ваши убеждения. Вы еще совсем молодой человек, чтобы так говорить...

Пять часов вечера. Дынькин свободен. Мне тоже спешить некуда. Сидим и беседуем. Как хорошо с другом, даже в Бобровицах!

Дынькин излагает свой взгляд на нэп. Он давно уже обещал поговорить со мной на эту тему.

— Царь Давид сказал,— начинает Дынькин,— «я от всех учусь и от дурака тоже, ибо и дурак может высказать разумное слово». Так слушайте с головой и, выбравши интересующих слов моеей мысли, передайте гласности.

Раньше чем приступить к передаче «интересующих слов дынькинских мыслей», считаю нелишним объяснить историю нашего знакомства. Шая Дынькин попал как-то на собрание торговцев при товарной бирже уездного городка. По простоте душевной он смешал собрание с синагогой и выступил с чересчур резкой по тому времени и по обычаям того города критикой налогового аппарата. Дынькин сказал:

— Граждане и товарищи! В данное время повторяется как бы прежняя история. Наблюдается упадок в торговле. Я над этим раздумываюсь и думаю, что следует над этим подзадуматься всем, не засорен ли в этом аппарате какой-либо гвинт, что ввиду того торгово-промышленный аппарат начал плохо работать. И я говорю: этот гвинт надо прочистить, поправить, а потом помазать, и будет все хорошо. Какой же этот гвинт? Наверное налоговый, на котором упирается увесь упомянутый аппарат, если я не ошибаюсь, а если ошибаюсь, то извиняюсь.

Извинение не помогло, ибо на собрании сидел фининспектор Еремин, и Дынькин попал под суд. Тут-то я и познакомился с Шаей Дынькиным. Он обратился ко мне с письмом, я еще коекуда,— и Дынькина оставили в покое. С тех пор я стал искренним другом Дынькина.

«Есть легенда,— писал мне Дынькин в благодарственном письме: — Ехал Билан на своем осле и выехал на пустопорожнее место. Стоит осел и не знает, куда завернуть. А Билан взял палку и бьет осла.— «За что ты меня бьешь? — заплакал осел.— Я тебе верно служил». «Если бы у меня була сашка,— ответил Билан,— я б тебе зарубал». Фининспектор Еремин — что тот Билан, а я — что тот осел. Я хотел помочь хозяину и найти верную дорогу, а Еремин, если бы у него была сашка, он бы мине зарубал.

Но вас я понял искренним человеком и вы поняли меня, мою мысль. Я верю, что скоро все поймут, и тогда некультурный народ Советской Рассеи выпередит и протерет дорогу всему надземному миру, и мы достигнем задуманную цель дальновидного нашего великого вождя покойного Владимира Ильича. С совершенным почтением уважающий вас Шая Дынькин. Бобровицы. Рыбный базар».

А в следующем письме Дынькин ставил вопрос еще яснее, он вызывал меня в гости, чтобы совместно обсудить «интересующих слов его мысли».

«Приглядаясь и соображаясь с политикой внутренней и внешней,— писал Дынькин,— и будучи совсем не враг нашей стране и руководящим... ибо что можно ожидать лучшего в смысле... я был бы очень признателен вам, если бы вы разрешили мне отнести расходы по вашей поездке в Бобровицы за мой счет.

Как старый общественник и торговопромышленник, я не сожалею средств для выяснения истины.

А пока желаю всего хорошего всем руководящим, и вам в том числе, проводить работу плодотворно в пользу нашей страны и всего мира, и в том числе и нам, частным и честным гражданам. Ваш Дынькин».

Вскоре по получении этого письма я попал в Бобровицы.

— Вы холостой будете? — И не ожидая ответа:

— Так вам-таки хорошо. А мне что делать? Полна хата дочек. Сколько надо сидеть на папашиной шее? — Вздохнул, задумался. По лицу пробежала тень.

— Старшую видели? Красавица. Интеллигентная нежная дитё. Тоже ученая.

Быстро встал, приоткрыл двери.

— Двосечка, дочка мая! Поставь самовар. И что ты там все пораешься? Заходи, посидим, может, и тебе будет польза.

За дверью смятенье и шум.

— З варением?

— А почему бы нет? Всем можно, а нам нельзя?

И, обернувшись ко мне,— лукаво:

— Сейчас увидите. Полная красавица!

Пауза. Дынькин несколько раз встает, садится, пройдет по комнате, остановится. Речь будет, видно, ответственная.

— В гимназии я не учился,— продолжает он,— поэтому выбросите грубые, глупые слова и грамматические ошибки. Выговор мой тоже не литературный, но я думаю, что продать полтора фунта леща или щуки на субботу можно без литературы, лишь бы она свежая була. Главное то, что слова мои жизненные, и если вы, как поэт и спец, их оформите, то будет большой ефект. И так, слушайте мой взгляд на нэп и только не перебивайте, потому что я не люблю, когда меня перебивают.

Дынькин становится в середине комнаты и приступает к изложению своей точки зрения на нэп.

— Частные торговопромышленники знают себе цену, и их ценит весь надземный мир, и советское государство тоже ценит и не называет уже «ньепами» или «спекулянт», а «частные хозяйственники». Частные — это те пчелы, которые летают по полям, лугам и лесам, собирают мэд, несут в свое уля для себя и своих детей. Пчеловод, зная натуру пчел, забирает излишек, оставляя для питания и дальнейшего существования сколько надо. Если же пчеловод не знает натуры пчел и забирает весь мэд, пчелы разлетаются, и нет ни пчел и нет ни мэду.

Вот самое важное, и это я прошу записать.

Теперь нам говорят, даем второй нэп. Частные знают это слово. В 1922 году было тоже сказано: даем нэп всурьез и надолго. И я помню слова Наркомторга, что отбирать частный капитал нельзя и не будем. Ничего себе слова! Дай вам бог здоровья... А наконец что было? Отобрали! Не метем, то качаньем. Не военно-коммунизем, то налогами разными. Но ведь это одной и то же: капитал забрали... Вы, может, слыхали или учились, моя Двосечка учила: есть зверек маленький, но кошка не ём хорошая, блюстящая. Хитрий, неуловим. Поймать его трудно, и название ему: бобер. Вот узнали его натуру; он идет постоянно по одному следу, то ись по тому же самому следу, который он пройшел раз. Вот ему ставят клетку на его стежке, и он, придя до клетки, не обойдет кругом: боится извернуть с этой своей стежки. Останавливается коло этой клетки, зная, что это для него поставлена, начинает плакать и идет в клетку с такой думкой: если его задушат, то все равно пропадет, ибо он извернуть боится, но если ему удастся пробить эту клетку... Вы понимаете, что я говорю? Вы только меня не перебивайте, потому что я не люблю, когда меня перебивают. Частные знают, что второй нэп — это ставят клетку. Кошка хорошая, блюстящая. Вам нужен частный капитал и не так капитал, как частную гибкость, и вы

ставите клетку. Вы думаете, что научитесь, а потом нас задушите в этой клетке!

Глубокий вздох, пауза.

— И вот, мы, частные, заплачем и пойдем в эту клетку. Обойти кругом нам нельзя и некуда. Хотя нам дают землю, но мы привыкли итти по нашей стежке. Мы пойдем в эту клетку с такой думкой: если нас задушат, тогда — черти бери! — все равно пропадать. Но если нам удастся пробить эту клетку и мы попадем на свою стежку, тогда мы, частные и честные граждане Советской Рассеи, поднимем страну и будем работать, как одна семья. Не будет дети и пасенки!

Запишите, пожалуйства. Это самая главная мысль.

И вообще я скажу: наша страна, я нахожу, новорожденный ребенок. Иль, сказать, долгожданная дите, которая нуждается в воспитании и развитии. Дайте нам иенецеятиву, дайте нам заинтересоваться...

— А вот и я!

На пороге Двося с самоваром. За ней в дверях не менее дюжины курчавых головок. Все расплываются от улыбки, а какой-то экземпляр даже пищит от радости.

— Чай кипит,— докладывает Двося.

Мы движемся целой процессией.

Впереди — Шая Дынькин. Он расправил широко руки, как бы очищая дорогу. За ним я с Двосей. Как это произошло, не знаю, но мы с ней — парой. За нами вереница дочерей, мал мала меньше. А сзади, пыхтя и отдуваясь, подпрыгивая и пошатываясь, движется с помощью хозяйки Соры сам виновник торжества — «кипящий чай».

— Вот и моя семья,— знакомит Дынькин,— чем богат, тем и рад. Двосечка, птичка моя, сыграй что-либо на гитаре.

— Вы уважаете веселое или заунывное? — это Двося спрашивает.

— Как сказать...

— Когда я одна, я играю заунывное, а так я всегда веселая.

— Это прямо замечательно...

Мы в центре внимания. Две дюжины глаз пронизывают нас насквозь.

— Ой, боже мой! Ой, горе мне,— восклицает вдруг Сора,— я не выдержу от них!

Оказывается, открутился кран, и весь стол облило кипятком.

Минута смятения, мокрая скатерть закрывается полотенцем, и как будто ничего не было. Пьем чай, «з вареньем».

Двося достала гитару. Инцидент с краном испортил настроение, и она забыла, что должна быть «всегда» веселой. Несколько предварительных аккордов:...

— Оставь его, его дхугая любит —
У ней пхава пхед богом и людьми...
Тебе себя отдать, ее он счастье сгубит,
Ты ж не найдешь забвения — пойми!

— Когда она играет, я люблю мечтать,— шепчет на ухо Дынькин.— Я ей не перебиваю, и она мне не перебивает. Она свое дело знает, я свое. А ну-ка, Двося, что-либо веселое!

Две гитхи за стеной
Жалобно заныли...
Этот памятный мотив...
Милый, это ты ли?
Эх хаз! Еще хаз!
Еще много, много хаз!

— Эх, лаз, есцо лаз,— не вытерпел какой-то карапуз.

— Если бы моя Сора знала музыку, то я заставил бы ее даже в лавке играть,— шепчет Дынькин.— Я вам тоже советую взять жену с гитарой. Сожалеть не будете...

Беседа продолжается.

— Итак, мы кончили на интересе. Какой нам может быть интерес и какая енецеятива? Возьму пример. Если играют в карты в безденежные игры, то нет заинтересованности, бросают играть своевременно и легают спать. Если же играют в денежные игры, то ись заинтересованность как одной стороне, так и другой. Одному выиграть, а другому отыграться, и играют до утра, то ись если будем работать без интереса для себя, то какая может быть работа? Заработать кусок хлеба на день — и конечно? Хлеб и у старца есть! Мы хотим булку с маслом и сало со шкварками... При царизме наша страна тоже не развивалась. Но тогда это была политика германского Вилегелема. А теперь, когда нет царя и нет Вилегелема, а руководящая партия, то какая должна быть, по-вашему, программа политики?.. Сора, ты же видишь, что человек хочет чай. Налей еще!.. И я говорю, что только так, а не иначе. Дайте нам, частным и честным гражданам, все гражданские права, заинтересовайте нас, и я вас уверяю, что заплутанный клубок расплутается. Дальновидный покойный Владимир Ильич сказал: всерьез и надолго. Успомните слова великого вождя!

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Прощались мы очень горячо!

— До свиданья! Прощайте!

— Будьте мне здоровеньки...

— Адье! — замахала ручками Двося.

Шая Дынькин пророчил верно: он попал в клетку. Слева от его лавки выросла кооперация с «рукопожатием», справа — госторговля со звездой. И Дынькину стало не по себе.

Но «друзья познаваются в беде», и, выбравши «интересующих слов» из его последнего письма, я лечу в Бобровицы.

Приехал.

— Здравствуйте, з д р а в с т в у й т е! Очень рады!

— А Двося где?

— О-о-о... Она уже мама Двося.

— Замужем?

— Еще как!

— А вы боялись, гражданин Дынькин?

— Конечно, боялись,— оправдывается он.— У меня целый зверинец. Хая, ставь самовар!

— З варьем?

— А как же без?

— Она тоже играет на гитаре,— шепчет Шая Дынькин на ухо.— Вы видели, какая красавица?

— Итак, я должен вам сказать, что мне стало очень плохо. Но не перебивайте меня и слушайте с головой. Частные торговопромышленники, как овцы, полезны в хорошем хозяйстве. Овцы удобная, выгодная и полезная скотина, которым корму мало требовается, уход коло их незатруднительный, а польза от их хорошая: шерсть и овчина, мясо и жир. Овец следует пускать вольно пастись по полю. Не швистать длинными цугами, не пугать собаками, не скупти из их шерсти и не стригти часто. Если же пастухи швистят около овец своими длинными цугами, пугают собаками и забивают в одну кучу, они всегда пугаются, волнуются и не могут пастись. К чему это я веду? Вы можете это понять. Частные — те же овцы, удобная и полезная скотина. Но когда? Когда бы пастухи не пугали и не стригли каждого попавшего. А что мы видим сейчас? Еще пример скажу. Призывает до себя генерал Вандерфлит Ивана и говорит: «На тебе, Иван, овечку. У ней десять фунтов. Корми и пои ее, чтобы через два года она имела десять фунтов». Сидит Иван и плачет: что делать? Не кормить — здохнет. Кормить, хоть водой — прибавит вес... Приходит цыган и спрашивает: что, Иван, плачешь. Однем словом, тут целый разговор идет. Но я скажу конец: цыган достал волка, привязал его к сараю, где овца живет, и овца на сколько покушает за день, на столько худеет от страха за волка, и через два года Иван отдал Вандерфлиту обратно овечку в десять фунтов. А смысл этой сказки вот какой. Это самое сделали с нами. Дали свободную торговлю всерьез и надолго, дали овце корму довольно, но поставили с одной стороны волка, а с другой — лёва. С одной стороны — кооперация с госторговлей, а с другой — финагент. Но овца не может иметь пользы от этого корма, ибо она кушает и оглядывается, авось изорвут ее. Скажите же, какая может быть польза, какой жир.

какая, спрашивается, мясо и какой вообще аппетит?

— А вот и я!

На пороге Хая с самоваром. Она мило улыбается и стреляет мне прямо в сердце.

Мы движемся процессией в столовую. Хая рядом со мной...

— Вы уважаете музыку?

— Очень.

— «Баядерку» знаете?

Шая Дынькин говорил в последнем слове так:

— Здесь на позорной скамейке подсудимых, вместе с нами, частными и честными гражданами, сидит вся авторитетная верхушка финотдела и торготдела, и нашему обществу грозит или пять, или даже все десять лет Соловков, ибо прокурор говорит: «выщиплите сорную траву всурьез и надолго». Значит, Шая Дынькин больше не частный капитал, а Еремин — больше не фининспектор. Хорошо. С этим туда-сюда еще можно согласиться: одни давали, другие брали. Но когда гражданин прокурор говорит: оппортунизем, скатывание, сращивание, правый уклон, тут я спрашиваю: какой у Еремина или Дынькина может быть уклон? У рыбного торговца возможно одно из двух: или прибыль, или, не дай бог, убыток.

Царь Давид сказал...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Признаюсь: прочитал я эту маленькую повесть о великом мудреце из Бобровиц, и опять накатила на меня тоска. Господи, вроде бы и повидал немало в жизни, и шкура задубела, и сердце уже не так дрожит, как дрожало прежде, а справиться с собой все равно не могу. Так пронзительно очевидна простота этого мира, так мало надо, чтобы и общество, и люди были в ладу друг с другом, чтобы жизнь развивалась не сквозь мучения и страдания, а по-человечески... А вот поди ты, это-то и оказывается всегда труднее всего!

Почему простые истины, понятные и самоочевидные для Шаи Дынькина или для моего деда-мельника, были напрочь отброшены еще тогда, шестьдесят лет назад, и не найдены нами вновь, вплоть до сегодняшнего дня? Не знаю почему. Знаю только, что многодумные кабинетные головы у нас всегда готовы пойти на любую сверхсложную и сверхмучительную операцию, на любую искусственную конструкцию, только чтобы не позволить жизни идти так, как ей от века и надлежало идти.

Ведь это же должно быть ясно и малому ребенку: не отбирай у пчелы весь мед, иначе пчелы разлетятся, не режь овцу, чтобы настричь с нее шерсти, завтра останешься и без шерсти, и без овцы. В этом смысл и жизни, и любого приемлемого для людей государственного устройства. И в этом залог успеха любой жизнеспособной экономической системы. Так нет же: коллективизация, лагеря, чудовищная бюрократическая машина, равенство всех в нищете. И, к сожалению, от всего этого мы не избавились и по сей день. Я бы, например, в приказном порядке обязал весь Минфин и весь Госкомцен прочесть эту горестную повесть о Шае Дынькине. А впрочем... А впрочем, боюсь, все равно не поймут. Так и будут душить тех же кооператоров запретительными налогами либо принудительными ценами, пока кто-нибудь с самого верха не стукнет, наконец, кулаком по столу.

Вывихнули мы людям мозги набекрень! Да ни много ни мало — трем поколениям. Вправим ли назад? Не знаю. Не уверен даже в том, что Шаю Дынькина мы не вытравили из жизни до конца, под корень, так что и наследников его простой житейской мудрости уже не осталось. Или осталось? И не все потеряно еще? Ах, как хочется думать, что это так.

Н. ШМЕЛЕВ

ИНТЕРПРЕССФОТО-89

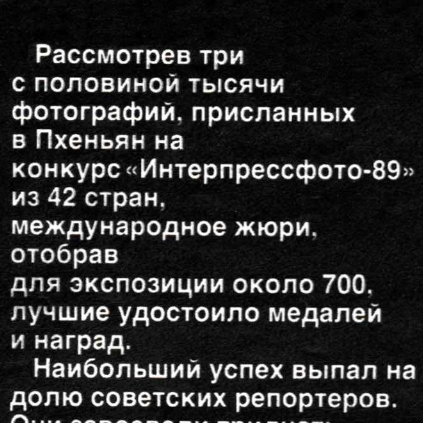
Александр МАКАРОВ (СССР) — ТРАГЕДИЯ АРМЕНИИ.

Вольфган ТИММЕ (ГДР) — НОСОРОГИ.

Хосе ГИРИБАС (Чили) — «У ДИКТАТОРА НАСМОРК».

Тран ТХОН (Вьетнам) — «РУКИ МАТЕРИ».

Рассмотрев три с половиной тысячи фотографий, присланных в Пхеньян на конкурс «Интерпрессфото-89» из 42 стран, международное жюри, отобрав для экспозиции около 700, лучшие удостоило медалей и наград.

Наибольший успех выпал на долю советских репортеров. Они завоевали тридцать четыре медали.

Среди победителей конкурса фотокорреспонденты «Огонька» Анатолий Бочинин, Игорь Гаврилов, Павел Кривцов, Сергей Петрухин, Лев Шерстенников.

«Гран-при» присужден известному фотомастеру АПН Александру Макарову за серию «Трагедия Армении».

Советская коллекция, по единодушному мнению членов жюри, выделялась наибольшей остротой и публицистичностью, человечностью в подходе к так называемым «жестким» темам, глубоким анализом новых социальных явлений в жизни советского общества.

КОНЦЕРТ ДЛЯ ТРУБЫ С ОРКЕСТРОМ

Анатолий ГЛАДИЛИН

Рисунок Виктора СКРЫЛЕВА

«Не повесть, не роман, не очерк, ...а просто соло на фаготе с оркестром — так и передайте».
В. КАТАЕВ, «Кубик»

Вся моя жизнь — концерт. То, что происходит со мной помимо концерта,— затянувшийся антракт. Сон, утренний туалет, завтрак, прогулка, репетиция, обед, какие-то разговоры, общение с семьей — все это я воспринимаю как досадную, но, увы, необходимую паузу между выступлениями. Нас, оркестрантов, вероятно, можно сравнить с древними жрецами, которые целый день готовились, настраивались, приводили себя в особое, божественное (или, с точки зрения современной медицины, сомнамбулическое) состояние, чтобы на один час стать ясновидцами.

День — это какофония борща и перегретой электробритвы, драма пережаренной яичницы, конфликт между отцами и детьми из-за мусорного ведра, это поиски тишины в сапожной мастерской, это диспут на моральные темы в очереди за селедкой, это бег рысаков-прохожих по чужим мозолям, это пилка дров ржавой пилой со второго такта, это рыбная ловля «на блесну» в кошельке жены, это галантерейный набор старых анекдотов в курилке,— но первый звонок врывается в вестибюль, как порыв

ветра на аллею бульвара, вороша опавшие пестрые листья,—

день — это нисходящие, восходящие, уходящие, заклейменные липким шрифтом пишущей машинки проходящие бумаги, которые люди (в строгих серых костюмах, люди с высокими лбами и волевыми подбородками) разрисовывают косыми абстрактными автографами и передают друг другу (в этом пригородном вокзале циркуляров есть тоже свои часы пик — бумаги несутся, пропуская остановки, и нетерпеливо гудят), это протезные руки кранов, лениво шьющие ширпотребовский костюм нового квартала; это румяные блестящие машины, спрыгивающие с конвейера, как пятаки из разменного автомата,—

но второй звонок устраивает легкую карусель у дверей партера,—

день — это стиральная пена океана, в которой плещутся помятые стальные посудины; это мечтательные глаза лунатика-часового, прислонившегося к заиндевевшему основанию вороной межконтинентальной ракеты; это мозаика сигнальных лампочек на пульте управления космического корабля (а сам пилот искоса наблюдает, как намазанный маслом бутерброд кувыркается в кабине, гоняясь за полированным кружком копченой колбасы); это формула, извивающаяся и шевелящаяся в тетрадке ученого, марсианская бактерия, способная отравить или исцелить нашу планету,—

но третий звонок насухо подметает лестницу и фойе,—

дирижер застывает в позе распятого бога, повернувшись лицом к освещенному алтарю;

костел с крендельками хоров, в котором верующие столетиями просили отпущения грехов;

церковь, где пели монотонные псалмы первые христиане;

пещера со сталактитовыми сосульками люстр, в которой далекие предки прятались от ужасов первобытного мира, благоговейно любуясь жаркими плясками языческого костра.

И вот раздается вздох, низкий грудной голос нашей матери Земли.

Человек наедине с природой, наедине с самим собой, что было, то и будет, что делается, то и будет делаться под солнцем, но мы мечтаем об ином и будем мечтать, пока не умрем, будем надеяться на лучшее, так почему оно, это лучшее, еще не наступило, а если оно есть, то надо задержать навечно минуты счастья, а если оно прошло, то когда вернется?

Глухие аккорды струнных звучат на низких октавах. Равномерные взмахи лопат. Пехота все глубже зарывается в землю. Эшелонированная оборона виолончелей. Прячьтесь от злых сил холодного мира! Слабо всхлипывают передовые укрепления скрипок. Вздрагивают короткими очередями альты. Самоходка рояля заползает на рваных гусеницах минорных пассажей в укрытие. Тупо и обреченно ухают гаубицы басов и баритонов.

И вдруг высоко в небо взмывает труба. Это поднят флаг наступления. Это идут наши самолеты. Пехота выскакивает из укрытий. Альты обгоняют скрипки. Виолончели выстраиваются в штурмовые колонны. Рояль несется на мажорной скорости. Тяжелый калибр духовых стреляет прямой наводкой. Задыхаясь, семенит арфа-санитарка. Замполит-ударник бьет в литавры. Победа близка.

И все потому, что вступила труба.

Высокий звук трубы, повисший над низкими октавами струнных, дает ощущение забытого, доисторического счастья.

Господи, как хорошо тем людям, которые могут понять эту гармонию. Как ярка их жизнь! Можно сказать, на ровном месте, без тревог и волнений, они вкушают райское блаженство — и всего-то за рубль — рубль пятьдесят, цену входного билета.

Впрочем, и в гармонии должен быть порядок. Для нас, профессионалов, это система расположения на нотной бумаге семи знаков — до, ре, ми, фа, соль, ля, си (до-ре-ми-фа-соль-ля-си, села кошка на такси, заплатила сто рублей и поехала в музей) — это минорный или мажорный ряд с кавалерийскими наскоками бемолей и диезов, это... Впрочем, смотрите сами нотную грамоту. Для себя я давно заметил, что эти знаки на определенной октаве прочно вошли в мою жизнь. Я просыпаюсь под звук «ля» (гамма си-диез минор). Засыпаю на «до» в нижнем регистре. Жена моя начинает меня пилить с «ре». Доклад на международную тему обязательно кончается на «фа мажоре». Когда на репетициях у нас, допустим, вместо финала пятой симфонии происходит сеча русских с кабардой, то концертмейстер стучит по пюпитру и на жалобном «ми» произносит: «и не стыдно, товарищи?» «Соль» и «си» — это голоса моих детей. Вероятно, я не одинок в своих причудах, ибо помню, как в гостях у Петухова, первой скрипки, валторна Шенгелая рассказывала разные забавные байки, и все смеялись, а альтист Садовкин сидел, зажмурившись, и покачивал головой. «Что вы заскучали?» — спросили Садовкина, и он, словно проснувшись, обволок нас своими вязкими синими глазами и сказал: «Какое чистое «ля» сейчас выдала девочка!»

Однажды все эти знаки приобрели четкий человеческий облик. Я вошел в вагон метро, достал газету и вдруг вздрогнул. Прямо передо мной сидела вся гамма. Причем самое страшное было то, что знаки не перемешались, а расположились в строгой последовательности слева направо:

«До» — молодой парень с черными прямыми волосами, спадающими на глаза, без улыбки, серьезный, подтянутый — словом, именно таким я представлял себе этот звук.

«Ре» — ощеренный худой работяга, колючий взгляд, распахнутая рубашка, длинные руки.

«Ми» — благообразный лысый интеллигент, в меру начитанный, чуть ироничный.

«Фа» — человек с лицом «фа», просто копия знака, висящие щеки и уши, маленькие испуганные глаза.

«Соль» — пожилая домохозяйка, расползшаяся, но благопристойная, опора семьи.

«Ля» — удачливый, веселый, в светлом костюме субъект, балагур-остряк, душа общества.

Гамму завершали поднятые брови, закатанные подведенные глаза, вздернутый нос, взбитая прическа,— в общем, типичное «си» — романтически настроенной крашеной блондинки лет сорока пяти с кружевным бабушкиным воротничком.

Не хватало только ключа и пяти линеек. Возможно, я бы определил тональность, но тут на остановке ворвалась толпа визжащих детей со своими ошалевшими родственниками: гамма моя была растерзана в клочья: на месте «соль» и «ля» взгромоздились трое близнецов с двумя огромными хозяйственными сумками, и вообще пошел такой диссонанс...

Диссонанс возникает, когда люди не понимают друг друга. Я стою перед моложавым озабоченным человеком, который одновременно говорит по двум телефонам, дает указания секретарше, а в перерывах слушает мои сбивчивые речи. У меня в голове репетиция, у него — заграница. Он комплектует составы на зарубежные поездки, а я (в старом, обсыпанном перхотью пиджаке) никак не гармонирую, не вписываюсь в ансамбль, не соответствую. Он с раздражением посматривает в мою сторону. Перед ним типичный неудачник. Господи, как они ему надоели! Ведь, слава Богу, не безработный, и с жильем в порядке. Куда же я лезу? Ведь любому ясно, что могу бормотать тут целый день, но это ровным счетом ничего не изменит. Лишь занимаю время у занятых людей. Царапаю вилкой по стеклу. Диссонанс.

Много таких, как я, к нему ходит.

Все, наверно, на одно лицо. С готовой отрепетированной улыбкой. Заискивающий взгляд. Некоторая наклонность к юмору (конечно, только над самим собой), наклонность, по которой скользишь и падаешь (конечно, только в его глазах). Очень предупредительны. Готовы сразу признать превосходство, глубину мысли этого власть имущего хмыря. И все ради чего? Расположить к себе, растрогать, разжалобить, окрутить? Нет, не выйдет. Ибо если хмырь хоть что-нибудь понимает, то он догадывается о твоем подспудном искреннем желании плюнуть в его заостренное последними указаниями рыло, в отшлифованную инструкциями рожу — всех их штампуют на одно лицо, под копирку, в тиши таинственных кабинетов, у врат которых сидят на привязи лохматые дворняги-секретарши: не лают, не кусают, но в дом не пускают. Но догадываясь о твоих желаниях, он уверен, что ты никогда не осмелишься: тебя будут отчитывать, а ты — станешь благодарить, над тобой будут вежливо издеваться (именно вежливо, в этом состоят правила игры), а ты — станешь извиняться.

Но ты же трубач!

«Когда трубач над Краковом возносится с трубою». Возносится!

День Страшного суда архангел возвестит сигналом трубы. Люди заткнут уши, чтобы не слышать, и уставятся в телевизоры, но там, на экране, вместо спортивной передачи появится Конь Блед. Так вот, может, за минуту перед тем, как взять в руки трубу, архангел позовет меня и попросит дать консультацию, дескать, с какой ноты начать и как вести (на «фа-диезе» или «ре миноре»), и надо ли доходить до верхнего «ля» — ведь архангелу не захочется схалтурить или сфальшивить, ведь архангел знает, что в нашем деле тоже техника нужна.

Я трубач, и тема трубы — призвание человека, его предназначение, единственный мотив, который прорывается сквозь шумовое оформление нашего лучшего из миров. Надо слышать эту тему, иначе мы потеряем самих себя.

Труба — это наша совесть. Но мы прячем трубу в футляр. Нам надо будить людей, а мы выдуваем мыльные пузыри танцевальных ритмов. Судьба играет человеком. Библейская истина. А человек играет на трубе. Анекдотец из мужской курительной комнаты.

Все верно. Верно потому, что нам не сыграть сигнал тревоги. Мы пасем стадо и своей мелодичной трелью зовем его к водопою. На пастушеских рожках. Да и сами мы стадо. И нас пасут. Дают пожевать травку на специально отведенных тощих пастбищах. И это состояние для нас привычно и естественно. Весь наш бунт сводится не к протесту против пастухов. Нет, мы недовольны только плохими пастухами! Нам бы сторожей-вегетарианцев — мы мигом успокоимся. Идиллия. Такого не бывает. Хорошо, говорим мы, но если вы закалываете на ужин кого-нибудь самоуверенно блеющего, то делайте это потише, где-нибудь в сторонке, по возможности объясняя остальным необходимость сего их же безопасностью. Желательно, конечно, в такие моменты показывать нам новые ворота. Здорово отвлекает. И мы всё воспримем как должное. Да еще благодарственный адрес подпишем. Волки и овцы едины! Приятного аппетита.

Короче, например, лично меня вполне устраивает Виктор Николаевич Самородов.

Повторение темы, басы:

и все они, эти люди, которые нас пасут, которых нам поставляют сверху, все они металлические, цельнометаллические. Не железные (это был бы комплимент, гвозди из них не сделаешь), скорее всего они жестяные, жесткие. И костюм у них тускло отсвечивает, и на лице отштамповано выражение превосходства (им известно, когда с каждого из нас спустят шкуру,— а мы строим иллюзии, беззаботно щиплем траву), и глаза-жестянки. И рот у них не улыбается, а открывается вполкруга (уголки рта презрительно опущены — отверстие достаточное, чтобы из банки вылилась очередная тонизирующая или охмуряющая жидкость). Но почему, почему он имеет право командовать? Он разбирается в музыке? Он умеет найти ключ к человеку? Из всех ключей он, естественно, орудует только консервным. Впрочем, мои слова его не пробьют. Он блестит на солнце жестяными доспехами, у него блестящее будущее, он и они далеко пойдут, но не очень, им далеко до Самородова, и это, пожалуй, единственное, что несколько успокаивает. Самородов — талант, умница, чиновник по призванию, ему не нужен кованый панцирь и металл в голосе. Он самородок, он родился, чтобы руководить.

Виктор Николаевич — полковник. В сорок восьмом году для укрепления политвоспитательной работы его перебросили в наш оркестр из бронетанковых войск.

Часть вторая. Аллегро модерато. Краткое содержание: тенистый парк шумит зелеными кронами. На ветру полощутся стяги дружественных армий. К пустынной скамейке около фонтана подходит героиня в бело-розовом платье. Она садится, поправляет подол, достает конспекты лекций и скромно закуривает. Тихо щебечут птицы и тонкие струйки фонтана. В центре фонтана стоит статуя Вождя. Голова запрокинута, правая рука вытянута вперед. Изо рта бьет мощный поток воды.

Часто мы выступаем под управлением гастролеров, наших и зарубежных. На концерте мы следим за каждым движением дирижера. Он рукой взмахнет, голову опустит, брови подымет — на все оркестр чутко реагирует. Ведь мы — послушный инструмент, мы — под управлением.

Гастролер собрал аплодисменты и укатил. Скатертью дорога. Нас, словно временно, сдавали напрокат. У нас же есть свой Главный.

Фамилия Главного печатается на всех афишах. Главный принимает поздравления и выступает "от имени" на юбилеях. Главный проводит большинство концертов, составляет репертуар, определяет так называемое лицо оркестра. Главный шпыняет нас на репетициях и дает персональные «домашние задания». Главный устраивает «конкурс», но уже тут он не совсем главный. Способности, профессионализм, конечно, имеют значение, но еще важна и анкета. А это в компетенции инспектора, Виктора Николаевича Самородова. Да и репертуар Самородов тоже контролирует. Дескать, не мне вам подсказывать, уважаемый Главный, но у нас намечается нехороший крен в сторону западной музыки, надо бы взять что-нибудь из русской классики или современное, советское, оптимистическое, в народных традициях.

Главные бывают разные. Некоторые ногой открывают дверь приемной министра культуры, и при них Самородов старается держаться в тени. Но Главные приходят и уходят. На моем веку их было восемь. А Самородов остается.

Самородов дает нам характеристику для загранки, включает в гастроли, выписывает премии, утверждает тарификацию.

К Главному обращаешься с какой-нибудь просьбой — он пообещает с три короба, а потом забудет. Что с него взять? Человек творческий...

Самородов если скажет «да», значит — «да». Если «нет» — бесполезно жаловаться. Потому что Главный — он Главный, а Самородов — хозяин.

Помню, как квартиру получал. Давно очередь подошла, справок собрал на полтора килограмма (от нервного диспансера и от пожарной охраны ходатайства имелись), а исполком все тянул. Я к Главному бегал, и Главный не поленился, при мне звонил. Ему, конечно,

пообещали протолкнуть, ускорить (все-таки он Народный и Заслуженный) — и опять ни с места.

Вот тогда я отправился прямым ходом к Самородову. Выложил все как есть.

— Виктор Николаевич,— говорю,— позвоните в исполком! Дети малые, в комнате не повернуться, соседка в суп мусор подкидывает.

Самородов посмеялся, а потом сказал:

— Звонить бесполезно. Я старый аппаратчик и знаю, как дела делаются. Я бумагу напишу. Придет бумага в исполком, а там тоже чиновник сидит. Он понимает, что у меня копия осталась. Бумага — вещь серьезная. От нее не отвертишься.

Составил он письмо, и через неделю мне ордер выписали.

Однажды я влип в неприятную историю и, как всегда, не вовремя. Проходил у нас очередной конкурс на замещение. И меня должны были перевести из *артистов* оркестра в *солисты* оркестра. Я подходил по всем статьям, вопрос казался решенным, но тут случилась аморалка между второй скрипкой Ватрушкиным и валторной Шенгелая. Вроде бы дело их личное, но в наши дни не такое уж простое: для морального разложения нужна свободная жилплощадь. Они оба — люди семейные, а я с Ватрушкиным еще в армии в одном подразделении служил. Вот и попросил меня Ватрушкин как старого друга помочь. Ключи я им от квартиры оставлял (моя жена с детьми на лето в деревню уезжала). Потом эта история всплыла, шум поднялся неимоверный. Муж Шенгелаи говорил с Ватрушкиным на улице и отправил его на бюллетень. Партбюро заседало, подробности выясняло. Где встречались? У Котеночкина. Ах так, значит, Котеночкин покрывал, потворствовал. И накрылась моя переаттестация. Даже к конкурсу не допустили.

Опять я побежал к Самородову плакать и рыдать. За звание солиста я бы надбавку к жалованью получил. Жена моя пальто рассчитывала купить, на холодильник записались. Что же теперь делать? Как жене объяснить? Заподозрит еще чего, и прощай здоровая советская семья!

Ладно, сказал Самородов, подготовьте бумаги, пробьем.

Прихожу я к Главному. Он сидит с Самородовым, мое дело листает. Самородов докладывает: так, мол, и так, Котеночкин просит перевести его в солисты, а я не могу, я наложу резолюцию, а вы, уважаемый Сан Саныч, спросите — «на каком основании?», по закону это компетенция конкурсной комиссии, а она соберется только через два года. Главный соглашается: дескать, он лично ничего против не имеет, но закон есть закон, у нас демократия.

Я стою, дурак дураком, понимаю, что они правы, а сам близок к истерике. Хорошо, закон есть закон, но зачем же вы, Виктор Николаевич, обещали? Зачем издеваться над человеком?

Самородов продолжает:

— Я очень хочу помочь Котеночкину, но не вижу путей.

Сан Саныч и тут соглашается — действительно,— что-то не видно.

Самородов повторяет:

— Я очень хочу помочь Котеночкину, но...

И они долго переливали из пустого в порожнее, а я уже в полуобморочном состоянии, дай, думаю, хлопну дверью и уйду, но тут Главный вдруг догадался.

— Хорошо,— говорит,— раз так хочет Виктор Николаевич, я это сделаю.

Самородов натурально удивляется: дескать, каким образом?

— В порядке исключения,— говорит Главный,— у нас был прецедент с Морозовым.

— Ну, если вы это дело санкционируете, то я подпишу,— сказал Самородов.

Только тогда я все понял. Не обманул меня инспектор. Просто он мужик ушлый и хитрый. Не хотел брать ответственность на себя. Самородов прекрасно изучил наш дружный творческий коллектив. Начинается склока, Самородова обвинят, что, дескать, у него любимчики. А теперь никто не подкопается.

Как-то Петухов, первая скрипка, выступил на собрании против Самородова. Дельно говорил, зло. И про администрирование, и про зажим критики, и про необоснованное вмешательство в репертуар. Присутствовали представители из Министерства, и мы решили, что запахло жареным. Все-таки Петухов — первая скрипка, да и человек осторожный — значит, учуял что-то. Петухов говорил, зал одобрительно хлопал, а Самородов сидел спокойно. Правда, заметил я, что шепнул он слово секретарше, и та на каблучках тук-тук, и потом обратно тук-тук, с тонкой папочкой, которую передала Виктору Николаевичу. Кончил Петухов, гордо спустился с трибуны. Самородов взял слово.

Критика, говорит, хорошо. Замечены, говорит, отдельные недостатки, мы их учтем. Но хотелось бы обратить внимание товарищей на личность самого Петухова. Петухов, конечно, музыкант одаренный, но... И стал Самородов листать папочку, зачитывать некоторые бумаги: Петухов три года не отдает двести рублей в кассу взаимопомощи. Прошлым летом у него был привод в милицию за пьяный дебош в ресторане. Во время гастролей во Франции, когда весь коллектив отправился на кладбище Пер-Лашез возложить цветы у стены расстрелянных коммунаров, Петухов остался в гостинице, сославшись на недомогание, а потом побежал в стриптиз на рю де Мольер. В юности у Петухова была судимость за спекуляцию консервами на Тишинском рынке, на этот факт своей биографии Петухов не указывал ни в одной анкете. В студенческие годы за незаконную связь с несовершеннолетней школьницей...

Тут собрание зашумело, раздались крики: гнать подлеца из оркестра! убрать вообще из системы Министерства! культуру в народ надо нести чистыми руками!

Мы думали — конец Петухову. И вышибли бы нашу первую скрипку к чертовой матери, и пиликать бы ему до конца своих дней рапсодии на темы Дунаевского в кинотеатре перед вечерними сеансами, но потом, когда вопрос решался в высших инстанциях, за Петухова заступился... Самородов.

Впоследствии я сообразил, что ни к чему было Виктору Николаевичу увольнять Петухова. Петухов теперь, можно сказать, человек со сломанным хребтом. Будет шелковым. А с новым скрипачом еще работать и работать!

Моя жизнь — концерт. Я надеваю черный фрак с длинными фалдами, похожими на хвостовое оперение пассажирского лайнера, и на три часа улетаю к высотам чистого искусства — черный ангел с модернизированными короткими крыльями для преодоления звукового барьера (еще я похож на королевского пингвина в белой манишке). То, что происходит со мной помимо концерта,— затянувшийся антракт. В старой полинявшей кофте я брожу по квартире, варю суп на газовой плите, кормлю детей, когда они возвращаются из школы, и играю на трубе. Гаммы и этюды. Доремифасольляси, села кошка на такси. Такой пушистый котеночек. Хвостиком помахала и уехала в жаркие страны. Теперь повторим в верхнем регистре. Ежедневно, часов по восемь. Отработка техники. Однообразно, но зато успокаивает. Гаммы и этюды — мои закадычные приятели. Нам все известно друг про друга, не надо вставать на носки, искать умные слова, выдавать себя за того, кем ты на самом деле не являешься. Привычная компания. В этом кругу проходит моя жизнь. «Одиночество бегуна на длинные дистанции»,— читал я когда-то и эту книгу. Я забыл сюжет, но помню одно: чтобы показывать приличное время, бегун должен пробегать километров двести за неделю. Хочешь не хочешь — а надо. Надо поддерживать форму. И поэтому стайер остается в одиночестве. Это понятно. Кто же по доброй воле будет пробегать с ним тридцать километров ежедневно, в дождь и снег, да еще с ускорениями? Выступление на стадионе — концерт. Праздник два раза в месяц. Но в остальные дни — это кросс по пересеченной местности, интенсивная тренировка. Моя дистанция — это моя жизнь. Целыми днями я играю на трубе одно и то же. Поддерживаю форму. Зато на концерте (переходя на спортивную терминологию) я могу вырваться вперед. И хмырь болотный, слушая мое соло, скажет: класс!

Сначала соседи по дому смотрели на меня белыми ненавидящими глазами. Некоторые меняли квартиру. Но те, которые оставались, привыкли. И семья привыкла. Для жены мои пассажи как однообразный рев машин на улице. Она просто этого не слышит. Дети относятся ко мне снисходительно. Конечно, у других отец приходит с работы и сообщает анекдоты, происшествия, включает телевизор, проверяет уроки. А я скучный человек. Играю на трубе. Упражнения, которые всем осточертели. Но я все-таки папа. Кормилец. Глава семьи. Меня надо уважать или хотя бы делать вид, что, дескать, уважаю, за хвост беру и провожаю. Провожать по вечерам на концерт. Я забыл, что значит слово «хочу». Я знаю слово «должен». Тридцать километров, кросс по пересеченной местности, в дождь и в жару. Обязан. Говорят, музыканты — тупые люди. А как тут не отупеешь? Мы словно в летаргическом сне — просыпаемся на три часа в день, когда начинается концерт. Легко и свободно мы взмываем в поднебесье и учим людей летать, и учим людей мечтать, и учим людей быть людьми. Но потом снова гаммы и этюды, повторение партитуры, одиночество бегуна на длинные дистанции. Боль в груди — это обычная вещь при моей профессии. И во рту постоянный медный привкус от мундштука.

По ночам я редко вижу сны. Сплошной черный занавес, свет отключен. Однако если сны приходят, то там я тоже играю на трубе.

Впрочем, мне — грех жаловаться. Ведь ничего другого я не умею.

Часть третья. Анданте кантабиле. Краткое содержание: однажды великий русский композитор лежал в постели и предавался приятным размышлениям. Вдруг в дверь спальни постучали. «Чего тебе, Архипка?» — спросил композитор очень недовольным голосом, ибо в доме все знали, что композитор по утрам не просто сибаритствует, а музыку пишет — да, да, нотная бумага на тумбочке, перо в чернильнице у зеркала, и весьма неплохо получается на свежую голову. «Барин! — сказал Архипка из-за двери.— К вам граф прибыли из Императорского театра». Композитор чертыхнулся, проворно облачился в халат и вышел в гостиную. Действительно, там удобно расположился в креслах зам. директора Императорского оперного театра граф Н. «Чему обязан, ваше сиятельство?» — осведомился композитор, и в тоне этого вопроса даже немузыкальное ухо могло различить нотки недовольства и смущения. Недоволен был композитор потому, что ему прекрасно были известны причины раннего визита титулованного служителя Музы. Срок договора на новую оперу истек, а у композитора еще не была готова и половина партитуры. Смущение же композитора объяснялось тем, что в его спальне сейчас находилась дама, связь с которой он вообще старался не афишировать, а перед графом особенно. Граф встал, небрежно поклонился и начал, блистая амуницией и позвякивая шпагой, фланировать по комнате. Граф в изящных выражениях намекал композитору, что, дескать, общественность ждет новую оперу, срок пролонгации истек, и через суд администрация может свободно аванс затребовать. Граф ораторствовал, а композитору казалось, что его сиятельство с любопытством поглядывает в сторону спальни, тем более, что оттуда послышался звон разбитого флакона. Надо было срочно выкручиваться из неприятной ситуации, и тогда композитору пришла в голову гениальная мысль. Композитор сказал, что он уважает административный талант графа, но подозревает, что граф не очень разбирается в творческих вопросах. Партитура не закончена, ибо композитору надо поехать в свою деревню, поприсутствовать на какой-нибудь крестьянской свадьбе с песнями и танцами, послушать музыку в трактире и т. п. «К чему такие сложности?» — натурально удивился граф. «К тому, уважаемый, что музыку сочиняет народ, а мы, композиторы, ее только аранжируем». Граф обалдел от такого откровения и поспешил откланяться, композитор облегченно вздохнул, а через сто с лишним лет в центральной прессе на всю полосу крупным шрифтом была набрана великая цитата: «музыку сочиняет народ, а мы, композиторы...» и далее по тексту. Впоследствии эта мысль явилась основополагающей для ста двадцати одной докторской диссертации, а число кандидатов перевалило за две тысячи. Цитата переходила из книги в книгу, из статьи в статью, и долго еще художники выписывали эти слова на плакатах в районных клубах, на фронтонах музыкальных школ, в фойе консерваторий и филармоний. Модные песенники в тиши огромных государственных квартир лихо перекладывали бразильские фокстроты (народная музыка негров) на оптимистические авиационные марши, а за окнами в морозной дымке клубилась эпоха базиса и надстройки.

Погорел я из-за происков американского империализма во время гастролей Кливлендского симфонического оркестра. Мы тогда выступали в Концертном зале Чайковского, и нас предупредили, мол, ждите, придут гости дорогие. Естественно, мы старались, в грязь лицом не ударили. Зал минут двадцать не отпускал, на «бис» Глюка исполнили. А потом, когда я уже трубу в футляр запаковал, вбегает в артистическую Садовкин. Леша, говорит, бери ноги в руки и дуй прямо в дирекцию. Я прихожу, ничего не понимаю, а там народу!! Шампанское разносят, на бутерброды намекают. И все товарищи из Министерства, из Управления. Присматриваюсь. Из наших только трое: Главный, Самородов и Петухов — первая скрипка. При чем тут я, думаю, наверно, подшутил Садовкин, тем более, что в центре внимания американец, пузатый и полосатый. За ним еще несколько лиц иностранного происхождения. Переводчики — соловьями заливаются. Я про себя решил, что Садовкин — сволочь, ведь прием для начальства! Начал я к выходу просачиваться, а Самородов по имени-отчеству окликает. Плохо дело. Не иначе как усмотрел, что я бокал шампанского на дармовщинку опрокинул. Ладно, думаю, я не виноват, все, как есть, расскажу, Садовкину не отвертеться. И вдруг Самородов меня, как лучшего друга, обнимает, сладко улыбается и к пузатому-полосатому подталкивает. Вот, говорит, Алексей Яковлевич Котеночкин, тот самый трубач, чье соло вам так понравилось! И переводчики сразу фридлибридлитру-ля-ля и замолкли, вроде бы подавились. Пауза возникла. Все на меня уставились. Гляжу — глаза у руководящих товарищей, как после сытного обеда, с нежной поволокой. И улыбки прямо в воздухе тают. А пузатый-полосатый руку протягивает, лопочет какие-то курли-мурли-плиз. Тут мне незнакомый, спортивного вида малый в ухо шепчет: дескать, господин Неразберешь фамилию, антрепренер Кливлендского оркестра, за мое здоровье выпить хочет. Мне шампанское суют, я глаз кладу на Самородова, а Виктор Николаевич го-

ловой кивает и ласково жмурится. Спасибо, говорю (и сам удивляюсь своему визгливому, срывающемуся голосу), но я предлагаю выпить за искусство, которое объединяет все миролюбивые народы! В комнате улыбки запорхали, зашелестели крыльями, а наш Главный откуда-то с потолка спикировал: разрешите, говорит, Котеночкин, с вами чокнуться. Выпили мы, лихо опрокинули. Чувствую, пора линять. Но пузатый-полосатый шурум-бурум — переводчикам, значит,— не успокоился, продолжает провокации.

Вопрос:

— Сколько вы получаете?

Отвечаю.

Вопрос:

— Видимо, переводчик ошибся. Эту сумму вам, наверно, платят за одно выступление, а мне послышалось, что один раз в месяц?

И улыбочки, птички перелетные, висят в воздухе, но не двигаются, застыли.

Ах ты гад пузатый-полосатый! Сидел бы сейчас в ресторане, жрал бы икру ложками, так не ценишь ты русского гостеприимства, все шныряешь, шпионишь. Но со мной этот номер не пройдет. Не на такого нарвался!

Отвечаю:

— Я не понимаю вопроса. Нас, советских музыкантов, деньги не интересуют. Мы высокому искусству служим.

И сразу птички перелетные защебетали, замахали крыльями — резвятся, как после грозы. Наш Главный на меня преданными собачьими глазами смотрит: давай, говорит, Котеночкин, выпьем за здоровье твоей драгоценной супруги. Я опять озираюсь на Самородова, а тот точно в хвойной ванне блаженствует. Опрокинули мы еще по бокалу, и только я за бутербродом полез, как пузатый-полосатый меня за пуговицу берет и без переводчика, с одесским акцентом прямо по-русски шпарит:

— Скажи, Леша, что ты тут делаешь? Ведь ты «соль» достаешь, а наш Смит Джонс на «рэ» захлебывается. Почему же тебя в Европе не видно?

Каюсь: сразил меня одесский акцент. Вместо того, чтобы дать достойный отпор, я забормотал: дескать, когда-то сам Дакшицер меня боялся, и в Европу я готов поехать, вот, может, Министерство организует гастроли, и вообще музыка интернациональна...

А потом я опомнился, да поздно. Птичек не слышно, одни переводчики верещат, перед моим носом торчит спина Главного, а Самородов в углу застыл с улыбкой, но глаза у него — стеклянные.

Утро было туманное. В окно бил дождь, а Самородов ходил по кабинету.

— Конечно,— говорил Самородов,— на Западе трубач получает зарплату в десять раз больше. Это факт. Но почему? Да потому, что десять других музыкантов сидят без работы и умирают с голоду. А вам безработица не угрожает. Правда, у нас скоро конкурс на замещение... Не знаю, как комиссия... Кстати, господин антрепренер — он вовсе не музыкант, а известный разведчик. Госдепартамент таких специально командирует в соцстраны для установления контактов с неустойчивыми элементами.

— Виктор Николаевич,— взмолился я,— так ведь он, этот шпион проклятый, нахрапом действовал! Закусывать не давал. Я же после концерта, голова не варит, а господин тот шампанского подливает и на психику давит.

— Да,— вздохнул Самородов,— методы вражеской агентуры разнообразны и коварны. Вы знаете, сколько ЦРУ ассигнует на разведку?

— Виктор Николаевич, я еще ни одного политзанятия не пропустил.

— Вот некоторые наши товарищи скоро отправляются в Канаду. Культурное соглашение. Выступления в разных городах. Конечно, концерты пройдут с успехом. Социалистическое искусство завоевывает все более широкое признание. Но иногда, опьяненные аплодисментами публики, мы забываем о бдительности. А между прочим, кто там имеет возможность посещать филармонии? У пролетариата нет денег на входной билет. Понимаете, к чему я клоню?

— Виктор Николаевич, если вы говорите о том семинаре, то, клянусь, болен я был. Бюллетень вам лично сдавал. С температурой валялся.

— Мы вам верим, Котеночкин. И вы тоже записаны на гастроли. В Узбекскую Советскую Социалистическую Республику. Ответственная поездка!

И очередное наглое вранье в газете под названием «Весь мир рукоплещет». Ну как, как может весь мир, пардон, рукоплескать? Понятие «весь мир» включает в себя один миллиард китайцев, индийцев и пакистанцев! Они ведь с голоду умирают! Некогда им рукоплескать. Да и не каждый рабочий на цивилизованном Западе имеет возможность приобрести входной билет...

Нью-Йорк, Оттава, Гамбург, Киото, Порт-оф-Спейн, Нант, Сарагоса, Рабат, Детройт, Гавана, Сингапур, Мельбурн, Гонолулу, Мар-дель-Плата, Веллингтон, Манила — какие города бывают на свете! Острова Феникс, острова Фиджи — такое и не приснится! Брюссель, Антверпен, Вена, Женева, Багдад, Карачи, Бостон, Буффало, Сакраменто, Монтевидео, Буэнос-Айрес — ведь это же все рядом, пять — десять часов на самолете! Пустите меня, ей-Богу, я там не останусь. Мне ведь только побродить по улицам, посмотреть. И денег не нужно — всю заработанную валюту я отдам государству. И без переводчиков обойдусь — музыку понимают даже дикие племена в верховьях Амазонки.

Факт присутствия биологической жизни пока не установлен ни на одной планете. Но меня скорее запустят куда-нибудь к созвездию Кассиопеи, чем разрешат пересечь государственную границу, которую так бдительно охраняет солдат в зеленой гимнастерке с начищенными до блеска маленькими желтыми пуговицами. Пуговицы лучше всего драить окисью хрома.

— Усатый Хозяин,— сказал Садовкин,— правильно делал, что никого не выпускал за границу. Ну, побывал я в Лондоне, а потом два года опомниться не мог. Каждую ночь гулял по Пикадилли. Нет, уж лучше сидеть дома.

— Конечно,— сказал я.— За границей одно расстройство. Вот мы с тобой раздавим пол-литра, поплачемся, а утром спокойненько побежим сдавать бутылки. И полный порядок. Ведь на Западе, говорят, сплошная некоммуникабельность. Выпить не с кем.

Недавно я пришел на прием к Самородову и прямо с порога кабинета заявил:

— Виктор Николаевич, скоро предстоят гастроли в Сьерра-Леоне. Опять начнут утверждать кандидатуры...

— Простите, Котеночкин,— ответил Самородов, сурово глянув на меня поверх очков,— разве мы вам когда-нибудь отказывали в характеристике?

— Никогда, Виктор Николаевич. Я получал самую положительную. Но в последний момент, когда список окончательно утрясался, моя фамилия почему-то обязательно вычеркивалась.

— Министерство обычно сокращает фонды. Мы тут бессильны... Нехватка валюты...

— Виктор Николаевич, поймите меня правильно. Я не в претензии ни к министерству, ни тем более к вам. Но я старый человек. Три месяца оформляешь бумаги, собираешь справки — лишняя нервотрепка, суета. А зачем? К чему ненужные хлопоты? Я лучше спокойно уеду в отпуск. Заранее приобрету путевочку. Ведь и на этот раз сократят список. Сами говорите, что плохо в стране с валютой.

— Присядьте, Алексей Яковлевич. Кýрите? Курите. Да, люди мы уже не молодые. Не заботимся о собственном здоровье. А пора. Как самочувствие? Что-то вы неважно выглядите последнее время. Нет, нет, какая пенсия? Мы с вами еще поработаем. Но беречь себя надо. Я вот давно думаю: почему бы вам не попросить путевочку куда-нибудь в санаторий? Например, в Кисловодск? Полезное дело.

— Так в Кисловодск не достанешь. Все нарасхват.

— А вы рискните. Мы вас поддержим. Напишите мне сразу заявление.

— Виктор Николаевич, путевка-то кусается. Я на курорт уеду, а семья без денег останется. Боюсь, ничего у нас не выйдет.

— В заявлении укажите, что просите бесплатную. За счет профсоюза.

— Неудобно. Товарищи скажут: почему Котеночкину вдруг такие льготы? Чем мне мотивировать?

— А это уж моя забота. Поняли? Пишите. Мы заинтересованы, чтобы лучшие наши оркестранты пребывали в добром здравии. Кстати, в Сьерра-Леоне очень тяжелый климат. Не рекомендую. Большой процент влажности.

— Повезло Котеночкину,— сказал потом Петухов, первая скрипка.— Нам опять лягушками и прочей нечистью питаться, а он к нарзану поближе устроился.

— А ты привези одной кофтой меньше,— сказал я.— Так ведь на консервах язву заработаешь.

Финал. Модерато э грациозо. Краткое содержание: то, что бомбежка кончилась, я заметил, когда почувствовал на щеке капли дождя. Да, шел мелкий грибной дождь. Лучи солнца сверкали на траве, на листьях, на мокрой зеленой кабине опрокинутого взрывом грузовика. И вдруг я услышал команду: «Оркестр, ко мне!» Посреди шоссе, около большой воронки, стоял полковник Щербаков, а за ним — двое со знаменем. Мы робко потянулись из кустов, опасливо поглядывая на небо, где совсем недавно «юнкерсы» резали верхушки деревьев. «Расчехлить инструмент! — приказал полковник.— Играть марш!» В воздухе, оглохшем от неправдоподобной тишины, раздались первые такты «Прощания славянки». Ту-ту, ту-ту, ту-ту, ту-ту — деловито вел на баритоне Вася Аксельраторов вторую партию. Та-таа, та-та-таа, та-таа, та-та-таа! — взмыла моя труба. Жив, жив, думал я, а ведь казалось, что совсем убили, нет, стою, живой, и вроде бы целый, не задели, сволочи,— так думал я, а труба пела независимо от меня, словно она тоже ожила. Из мертвого искореженного леса выползали наши ребята, отряхивались, матерились и становились в строй. Левее, в десяти километрах, полк уже обошла колонна немецких танков, но многие из нас этого так и не узнали.

Через витрину мастерской я вижу, как часовщик, прилипнув к своему черному карманному окуляру, пытается разгадать тайну времени.

Когда за мной закроется занавес (горизонтальный, плоский занавес в крематории) и я на бесшумном скоростном лифте (модерн, финского производства, где уже в первый день кто-то, анонимный, нацарапал на стенках «Миша — дурак» и еще несколько неприличных слов) поднимусь прямо к архангелу, так этот архангел (Михаил Израилевич?), естественно, спросит:

— Скажи, Котеночкин, остался ли ты доволен своей жизнью?

И в семитских печальных глазах архангела я прочту откровенное разочарование.

— Эх, Котеночкин,— вздохнет архангел,— ведь ты родился трубачом! Мы-то на тебя надеялись!

— На бога надейся,— отвечу я,— а сам не плошай. Мне зарплата с неба не капала. Кто платит, тот и музыку заказывает. Так на кого же мне было молиться?

На Самородова, на дорогого Виктора Николаевича!

Я трубач. Я отыграл концерт и выхожу на улицу. Я маленький человек и разбираюсь только в нотах. А на меня со всех сторон милиция и общественность, домоуправление и товарищеский суд, министерства и профсоюзы, исполкомы и горсовет, коммунальное обслуживание и школы, прачечная и химчистка, гражданский кодекс и политпросвещение, пресса и телевидение, детские сады и вражеская пропаганда, агрессивный блок НАТО и китайские догматики, экономическая реформа и морганизм-менделизм, модернизм, абстракционизм, ревизионизм, аполитизм, аморализм, бытовизм, продуктивизм (нет мяса в магазинах), спекулятизм, сексуализм, дефицитизм, социализм, алкоголизм и разные прочие соблазнизмы — их много, а я один! Кто же меня выручит, кто мне глаза раскроет, кто мне справку напишет, ребенка в спецшколу устроит, путевочку достанет, ходатайство в ЖЭК пошлет? Допустим, пьяный в троллейбусе драку затеет, меня вовлечет, так кто же от протокола спасет Котеночкина, в больнице койку забронирует, к распределителю прикрепит, телефон выхлопочет, уму-разуму научит, приголубит, приласкает? Только Самородов, Виктор Николаевич родимый. На него вся надежда.

Ну не пускали меня за границу. И правильно делали. Какой смысл меня туда посылать? Ойстрах и Ростропович ездили — и ничего, устоял проклятый Запад. А я сам человек неустойчивый, так Виктор Николаевич соблюл мою нравственность.

Я на спиртное падок, а вдруг после двух рюмок какая-нибудь блонда потащит меня домой унижать достоинство советского человека? Потом на собраниях позору не оберешься. Нет, на страже стоял Виктор Николаевич — честь ему и хвала!

Выйдет срок, и пенсию мне Самородов оформит. А умру, так семье беспокоиться нечего: Виктор Николаевич нишу у крематория выбьет, панихиду организует и о некрологе позаботится. И все, заметьте, за счет государства. Ценить надо такие удобства!

Не дай бог заберут от нас Самородова. Страшно подумать, что будет! Молодые аппаратчики — люди надменные, от них душевного подхода не дождешься. Они себе дачи еще не построили, а Виктор Николаевич давно наелся. И ведь не воровал он, а другие еще как воруют! Многие инспекторы звание народных артистов выхлопотали (хотя даже нот читать не научились), а Самородов умен, себя на посмешище не выставляет, у него свое, честно заработанное звание — полковник (говорят, он до сих пор в сейфе хранит погоны). Возможно, он мечтал дослужиться до генерала. Увы, у каждого свои трудности.

Новый инспектор, придя на место Самородова, карьеру захочет сделать, а инспекторская карьера — дело известное, основана на том, что нужно разоблачать, выискивать, распознавать и прорабатывать так называемых скрытых модернистов и низкопоклонников. И начнется в коллективе смута, склока, нервотрепка, и полетят к черту репетиции — одни персональные дела пойдут. А Самородов к месту прикипел, должностью доволен, поэтому он заинтересован в нормальной работе оркестра и лишнего шума подымать не будет.

Если инспектором назначат кого-нибудь из наших, так еще хуже. Скрипач все льготы струнным отдаст, духовик — личные счеты сводить станет, ударник одни марши в репертуар введет, дирижер вдоволь наиздевается. А Самородов, он вне партий, вне группировок, для него все мы равны.

Вот почему, когда я замечаю в конце коридора знакомую фигуру, я радостно бросаюсь навстречу и от всего сердца приветствую:

— Доброго вам здоровья, Виктор Николаевич!

1971

Мир всколыхнула тревожная весть: в атмосфере Земли, в озонном слое, защищающем жизнь на нашей планете от губительной части радиации Солнца, образовалась... дыра! Охраняющий Землю слой прорвался над Антарктидой. Почему это произошло? Кто виновник? Увеличится ли дыра со временем? Где гарантия, что слой не прорвется и в более людном месте, чем Антарктида? Что предпринимается для предотвращения развития опасного природного явления? Об этих проблемах беседуют заместитель директора Центральной аэрологической обсерватории В. У. ХАТТАТОВ и корреспондент «Огонька» ВАНДА БЕЛЕЦКАЯ.

СИГНАЛ ИЗ БУДУЩЕГО

Когда почти пятнадцать лет назад Вячеслав Хаттатов пришел работать после окончания аспирантуры МГУ в Центральную аэрологическую обсерваторию, озонной дыры над нашей планетой не было. Но уже в то время Хаттатов, физик по образованию, ученик знаменитого ректора МГУ академика Рэма Викторовича Хохлова, заинтересовался мало тогда исследованной отраслью науки — атмосферной химией. Усиливающееся загрязнение природной среды властно требовало от исследователей изучения так называемых «малых газовых составляющих», к которым относится и озон. Газы эти содержатся в атмосфере в ничтожных долях, но роль их огромна. Увеличение концентрации озона в нижних частях атмосферы, связанное с выбросами промышленности,— сильнейший яд. В Японии, например, повышение его количества в воздухе приводило к тяжелым отравлениям.

Однако уменьшение озона, но уже в верхних слоях атмосферы, еще более опасно: именно озонный слой не пропускает жесткие ультрафиолетовые лучи Солнца, способные сжечь все живое на Земле.

Вот почему так потрясло мир сообщение Британской метеорологической службы: измерения на станции Халибей показали, что над Антарктидой образовалась озонная дыра, содержание этого газа в атмосфере уменьшилось на 40 процентов!

Исследователи атмосферы всех стран ринулись в Антарктиду. Зондовые измерения, приборы на самолетах, ракетах, спутниках уверенно показывали — в весенние месяцы на высоте в 14—20 километров, где обычно озона много, содержание газа вдруг стремительно падает. Иногда даже на девяносто пять процентов! Как будто кто-то неведомый выедает озон, прогрызая защитный слой атмосферы.

Имя первооткрывателя этого явления англичанина Джозефа Фармана мгновенно стало известно во всем мире...

— Вячеслав Усеинович, вам приходилось встречаться с Джозефом Фарманом?

— Да, весной нынешнего года. Он участвовал в работе международного семинара по изучению озона и покорил всех своим обаянием. Знаете, Фарман из тех чудаков ученых, которые так хорошо известны по литературным произведениям. Скромный, удивительно естественный и, как все чудаки, преданный науке, чистый и мужественный человек. Он первый сказал о том, что озонная дыра стала предупреждением человечеству, бездумно загрязняющему окружающую среду.

— Но ведь уже в семидесятых годах, еще до открытия Фармана, исследователей тревожило, что озона в верхних слоях атмосферы становится меньше. Я слышала о семинаре, который вела в ленинградском Институте Арктики и Антарктики Галина Усмановна Каримова. Она приводила результаты анализов озонного зондирования. И, кажется, в 1984 году на симпозиуме в Греции об уменьшении озона докладывали японские ученые...

— Да, наблюдения такие были, но они оказались настолько неожиданными, что никто не решался сказать об этом со всей определенностью, сделать вывод. Для открытия требуется смелость. А Фарман — человек мужественный. Он не только сделал четкое заключение о новом неизвестном доселе природном явлении, но и указал его причину — загрязнение человечеством атмосферы, выбросы фреонов или, как их еще называют, хлорфторуглеродов. Эти химические вещества широко используются в холодильной промышленности, лакокрасочной, для наполнения различных аэрозольных упаковок, в том числе и всем известных дезодорантов.

— Еще недавно хлорфторуглероды считались вполне безобидными...

— Дело в том, что, как оказалось, длинные молекулярные цепочки этих веществ не разрушаются и почти вечно живут в атмосфере, изо дня в день накапливаясь там. Под влиянием движения воздушных масс фреоны, попав в озонный слой (озон — газ активный, нестойкий), подобно вирусу пожирают его.

— А существуют ли другие гипотезы?

— Существуют, и я бы не стал утверждать, что тайна разгадана. Но все-таки влияние фреонов на разрушение озонного слоя очевидно.

...Более 150 станций-обсерваторий постоянно наблюдают за состоянием атмосферного озона, почти треть расположена на территории нашей страны. Приборы, считающие озон, установлены на Земле, их поднимают на зондах и ракетах, они летают на спутниках. Опасность не останавливает ученых, и особенно много исследований ведется в «зоне риска» в Антарктиде. В них принимают участие ученые многих стран. Проблема буквально с первой минуты своего появления стала международной. При помощи спутников составлены глобальные карты, показывающие распределение озона над нашей планетой. Четыре таких снимка, сделанных с американского спутника «Нимбус-7», полученных от ученых США, Хаттатов передал «Огоньку» для публикации. Они напечатаны на цветной вкладке журнала.

— Вячеслав Усеинович, прокомментируйте, пожалуйста, эти портреты озонной дыры?

— На снимках видно, как зарождается и растет озонная дыра над Антарктидой. Так сказать, дан ее портрет в динамике. Снимки получены антарктической весной 1987 года, когда дыра достигла максимальных размеров. В центре — Южный полюс. Белые линии — контуры материков. Ясно видны очертания Антарктиды. Картинки сделаны в условных цветах. Цвет показывает содержание озона. Голубые цвета — мало озона, красные — много. Сиреневый цвет — дыра.

На первом снимке, полученном в конце августа, видно, как аномалия начинает проявляться. Двадцать седьмого сентября она видна уже ясно. Сиреневая область растет, и к пятому октября дыра захватывает огромную площадь над Антарктидой. Сиреневый цвет показывает — озона становится все меньше. Последний снимок получен пятнадцатого октября. Дыра закрывает уже две трети Антарктиды. В таком виде она просуществовала до начала ноября.

— А почему дыра образуется именно антарктической весной?

— Солнце над Антарктидой появляется ранней весной (в нашем полушарии тогда осень). Солнечный свет способствует высвобождению хлора и, накопившись в зимние месяцы в нижней стратосфере, каждый его атом может многократно работать в химической реакции как разрушитель озонного слоя.

— Вы сказали, что в 1987 году дыра была максимальной. А в 1988-м?

— Как показывают наблюдения на советских антарктических станциях и спутниковые снимки южного полушария, аномалия в это же время стала возникать внутри крупного атмосферного образования, но, не сформировавшись до конца, разрушилась. Ученые с удовлетворением констатировали — в прошлом году размеры озонной дыры уменьшились. Что будет в этом, 1989 году? Подождем до августа, осталось совсем недолго.

К исследованиям ученые тщательно подготовились. Наш спутник «Метеор-3» тоже наблюдает за состоянием атмосферы в южном полушарии. Кстати, на одном из этой серии советских спутников предполагается установить и американский прибор для измерения озона.

— Мы все время говорим об озонной дыре над Антарктидой. Но ведь беда не миновала и наше северное полушарие. И здесь наблюдается общая тенденция к уменьшению озона. Вы сказали, что вели наблюдения в Арктике. Как там обстоят дела сегодня?

— Увы, и здесь содержание озона за последние двадцать лет медленно снижается. В Арктике в феврале этого года проводились советско-американские эксперименты на нашем самолете-лаборатории. Мы сделали там этот уникальный снимок, который я передаю «Огоньку» для публикации (снимок дан на цветной вкладке журнала). Еще полярная ночь, но с высоты в восемь километров видно, как восходит Солнце. Обратите внимание на серовато-мглистую полоску в средней части кадра. Это так называемые полярные стратосферные облака. На частичках, составляющих эти облака, происходит наиболее быстрое разрушение озона. Во время эксперимента нам удалось измерить оптические характеристики таких облаков, получить информацию, как в них разрушается озон. Это один из ключевых вопросов. Если температура в стратосфере выше восьмидесяти градусов, облаков не бывает. Они появляются и существуют, когда происходит охлаждение ниже восьмидесяти градусов. Облака формируются как раз в тех областях, на тех высотах, где сосредоточена основная масса озона.

Вполне логично было предположить, что и над северным полушарием весной тоже образуется дыра в озонном слое. Однако здесь из-за большой активности движения воздушных масс обмен воздуха с умеренными широтами практически не прекращается, поэтому дыра выражена значительно слабее.

Падает содержание озона и в средней полосе... Ученые собирают данные, чтобы построить модель явления, разработать, так сказать, раннюю диагностику заболевания, которая так важна и для человека, и для природы...

— Заболевание слишком серьезно, чтобы просто наблюдать за ним, не принимая никаких мер к его ликвидации...

— Меры принимаются, тем более что основной виновник известен. Ученые подсчитали: если мир не перестанет выпускать хлорфторуглероды, то заметное изменение озонного слоя произойдет всего через полвека! Опасность грозит уже даже не нашим внукам, а детям!

...Обнаруженная Фарманом дыра в атмосфере стала ускорителем многих международных решений. Принята Венская конвенция об охране озонного слоя. В Монреале ряд государств подписал протокол, предусматривающий замораживание, а потом и сокращение выпуска веществ, разрушающих озон. До 1995 года их решено сократить ровно наполовину. Сегодня в мире производится около 1300 тысяч тонн озоноразрушающих веществ. На долю США приходится 35 процентов; 40 процентов выпускают страны Европейского экономического содружества; 10 процентов — Япония; около 10 процентов — Советский Союз.

Совсем недавно в Хельсинки собрались представители стран — участниц Венской конвенции. Глава нашей делегации профессор В. М. Захаров подтвердил предложения добиться полного прекращения выпу-

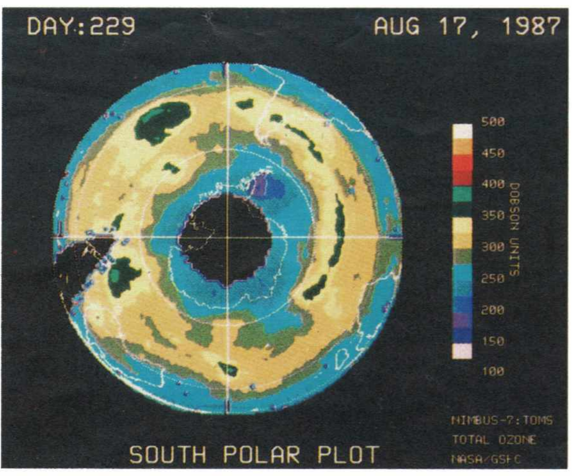
Эти облака ответственны за разрушение озона. Снимок сделан в Арктике с борта самолета-лаборатории во время эксперимента. Публикуется впервые.

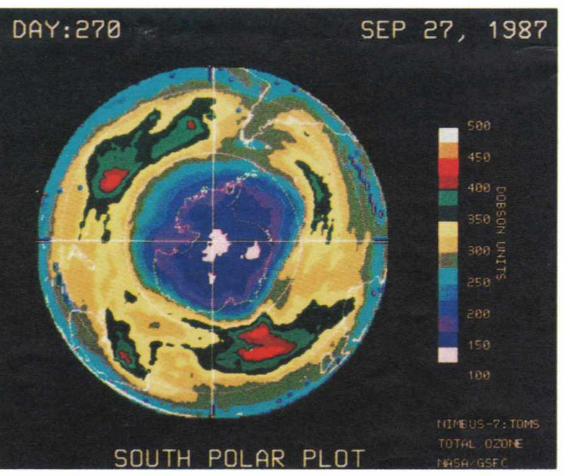
Фото В. ДОСОВА.

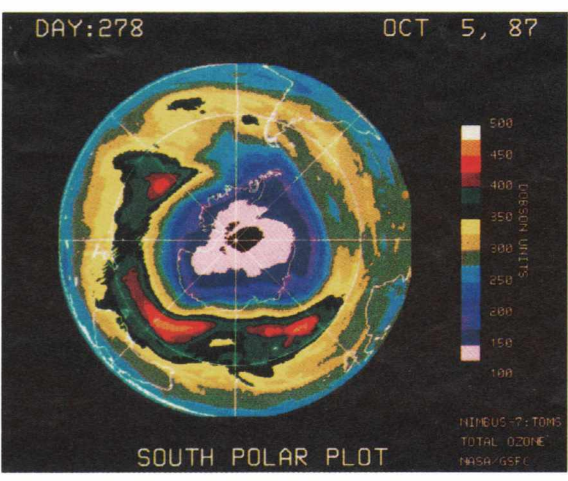
Портрет озонной дыры над Антарктидой в динамике. Фотографии получены с американского спутника «Нимбус-7».

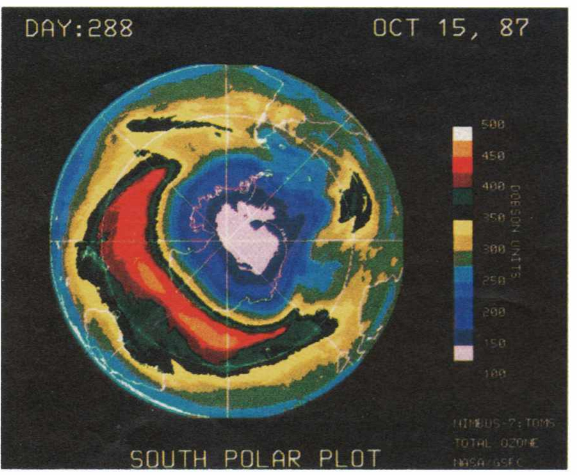
Заместитель директора ЦАО В. У. Хаттатов (в центре) с участниками международного эксперимента.

Фото Г. КОПОСОВА

DAY:229
AUG 17, 1987
500
450
400
350
300
250
200
150
100
DOBSON UNITS
NIMBUS-7:TOMS
TOTAL OZONE
NASA/GSFC
SOUTH POLAR PLOT

DAY:270
SEP 27, 1987
500
450
400
350
300
250
200
150
100
DOBSON UNITS
NIMBUS-7:TOMS
TOTAL OZONE
NASA/GSFC
SOUTH POLAR PLOT

DAY:278
OCT 5, 87
500
450
400
350
300
250
200
150
100
DOBSON UNITS
NIMBUS-7:TOMS
TOTAL OZONE
NASA/GSFC
SOUTH POLAR PLOT

DAY:288
OCT 15, 87
500
450
400
350
300
250
200
150
100
DOBSON UNITS
NIMBUS-7:TOMS
TOTAL OZONE
NASA/GSFC
SOUTH POLAR PLOT

ска фреонов к концу девяностых годов. От имени Советского Союза он внес также предложение включить в перечень веществ, запрещенных Монреальским протоколом, метилхлороформ — еще один разрушитель озонного слоя. Эта инициатива была поддержана рядом других стран. Вслед за хельсинкской встречей состоялась международная встреча специалистов по озону в Москве...

— Вячеслав Усеинович, а наша химическая промышленность готова к выпуску альтернативных хлорфторуглеродам веществ? Ведь всем известна наша неповоротливость...

— Предчувствуя сложности, нам удалось привлечь к работе многих крупных ученых-химиков, людей ярких, гражданcки мыслящих, обеспокоенных экологией планеты. Иными словами, образовался своеобразный «мозговой центр», с мнением и научными рекомендациями которого нельзя не считаться. Их доводы оказались действенными. Как не посчитаться Минхимпрому, допустим, с мнением члена-корреспондента АН СССР Бориса Вениаминовича Гидаспова? В фирму, которую он возглавляет, входит НИИ прикладной химии и несколько заводов. К решению озонной проблемы подключился и Институт энергетических проблем химической физики, в частности член-корреспондент АН СССР Борис Львович Тальрозе, и многие другие.

Скажу честно, помогло и то, что наши «озонные заботы» совпали по времени с перестройкой в стране.

Сейчас новые технологии интенсивно разрабатываются, выпуск хлорфторуглеродов сокращается. Хотя, к счастью для озонного слоя, наша страна различными дезодорантами, мягко говоря, не перенасыщена. На этот раз наше отставание обернулось плюсом. В СССР производится менее 0,5 килограмма фреонов на человека, в то время как в западных странах до полутора килограммов.

Вот почему готовность СССР пойти на сокращение их выпуска была встречена в Хельсинки с удовлетворением. Ведь некоторые государства (например, Китай и ряд развивающихся стран) справедливо и весьма недвусмысленно дали понять: «кто продырявил дыру, тот пусть ее и латает. Мы понимаем важность проблемы, но дайте нам средства, дайте новые технологии».

— Однако если одни государства сократят производство озоноразрушающих веществ, а другие будут его наращивать — положение по-прежнему останется тревожным. Тем более, что Китай, например,— страна далеко не малочисленная. И даже небольшое количество фреонов, помноженное на численность населения...

— ...даст огромный выброс. Это понимали и все в Хельсинки. Там происходило много бурных дебатов...

Советский Союз предложил сделать общедоступным новые озоносберегающие технологии. Но некоторые капиталистические страны с этим не согласились: частный бизнес. Были предложения создать добровольный денежный фонд, куда развитые государства будут жертвовать определенный процент со своего валового продукта. Финляндия уже передала для этих целей два миллиона...

...Вот какие идеи рождаются сейчас в связи с грядущей опасностью. Озонная проблема перестала быть только научной. Она выросла в экономическую, промышленную, политическую. Человечество приняло сигнал из будущего и обязано предотвратить катастрофу.

В Антарктиде в «зоне риска» продолжаются исследования.

Фото В. ЧИСТЯКОВА

БОРИС САВИНКОВ, ОН ЖЕ В. РОПШИН И ДРУГИЕ

Юрий ДАВЫДОВ

На севастопольской гауптвахте он ждал петли. В камере на Лубянке он ждал пули исполнителя. И виселица, и расстрел причитались в точном соответствии с законом. В молодости — по законам Российской империи. В зрелости — по законам Российской республики.

■

21 августа 1924 года он приступил к письменным показаниям. Почерк был твердым, текст сжатым, как возвратная пружина браунинга.

«Я, Борис Савинков, бывший член Боевой организации ПСР*, друг и товарищ Егора Созонова и Ивана Каляева, участник убийства Плеве, вел. кн. Сергея Александровича, участник многих других террористических актов, человек, всю жизнь работавший только для народа и во имя его, обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках».

27 августа 1924 года Военная коллегия Верховного суда СССР начала слушание дела Савинкова.

29 августа председатель объявил заседание закрытым.

Савинкова Бориса Викторовича, 45 лет, приговорили к высшей мере наказания с конфискацией имущества.

Имущества не было. Конфискации подлежала жизнь.

Опыты его жизни были напряженно-нервными, как колдовство в подпольной мастерской по снаряжению бомб. Опыты литературные напоминают переводные картинки.

Ахматова сказала о чеховском «Рассказе неизвестного человека»:

— Как это фальшиво, искусственно. Ведь Чехов совершенно не знает эсеров.

Беллетрист В. Ропшин эсеров знал, ибо был Савинковым. В его прозе много заемного? Пусть так. Зато фальши-то нет. Он изобразил Коня бледного, впоследствии — Коня вороного. Они вышли блеклыми, но не пряничными. Взмыленные погоней, они пахнут пóтом и сукровицей.

Из глубины сибирских руд отозвался читатель, каторжанин-террорист: искренностью и силой взволнован до глубины души; все писано слезами и кровью сердца; нет ни одного невыстраданного слова.

Имя этого читателя Савинков назвал в первых строках своих августовских показаний 1924 года.

За двадцать лет до того они с Егором Созоновым готовили покушение на министра внутренних дел, статс-секретаря и сенатора Плеве.

Идеалом Плеве была вечная мерзлота политического грунта. Ему говорили, что со дня на день возможна студенческая демонстрация, он отвечал: «Высеку». Ему говорили, что в демонстрации примут участие курсистки, он отвечал: «С них и начну». Надо бы уточнить. Начинал Вячеслав Константинович — и продолжал — не розгами, а кандалами и эшафотами. Символ всего сущего он видел в параграфах инструкций. Он был столь же фанатичным бюрократом, сколь и свирепым шовинистом. Именно Плеве разгромил украинских мужиков-повстанцев. Именно Плеве подверг военной экзекуции грузинских крестьян. Именно Плеве науськивал погромщиков на еврейскую голытьбу. Именно Плеве гнул долу финляндцев. А желая воздать должное коренным подданным, утопил русских матросов в пучинах Цусимы, русских солдат загубил на сопках Маньчжурии: именно Плеве подвизался в дворцовом круге рьяных застрельщиков русско-японской войны.

— Я сторонник крепкой власти во что бы то ни стало,— бесстрастно диктовал он корреспонденту «Матэн».— Меня ославят врагом народа, но пусть будет что будет. Охрана моя совершенна. Только по случайности может быть произведено удачное покушение на меня.

Интервью французскому журналисту

Полностью эта статья будет опубликована издательством «Художественная литература» в книге: Борис Савинков. «То, чего не было».

* Партия социалистов-революционеров (эсеров).

дал Плеве весной 1902 года, усаживаясь в министерское кресло. Озаботившись личной безопасностью, он, что называется, брал меры: уже возникла эсеровская Боевая организация. Отметим и еще одно обстоятельство: Плеве рассчитывал и на сверхсекретного агента-провокатора, фактического руководителя боевиков.

Эта надежда взорвалась вместе с метательным снарядом.

Июльским утром девятьсот четвертого года в Петербурге группа Савинкова настигла карету министра на Английском проспекте. Плеве был сражен бомбой Егора Созонова, тяжко израненного ее осколками.

Эхо разнеслось всероссийское. Не станем цитировать ни революционеров, ни левых интеллигентов.

Князь М. В. Голицын, отнюдь не левый и уж, само собой, не инородец, писал в своих неопубликованных мемуарах: «Признаться, никто его не пожалел. Он душил всякую самую невинную инициативу общества». В мемуарах Сухотиной-Толстой читаем: «Трудно этому не радоваться».

Если ей было трудно не радоваться, то как было не ликовать Борису Савинкову?

Нет, не ликовал.

Литератор, не раз встречавший Савинкова, резкими штрихами портретировал Бориса Викторовича: сухое каменное лицо, презрительный взгляд; небольшого роста, одет с иголочки; не улыбается, веет безжалостностью.

Подпольщица, отнюдь к сантиментам не склонная, увидев сокрушителя Плеве, навсегда запомнила мертвенное лицо потрясенного человека. Весь его облик она сравнила с местностью после потопа: и тот, прежний, и не тот, не прежний.

Но в седле он удержался. Устремляясь в атаку, не помышляют о келье для скорбящей души. И не озираются в поисках госпитального фургона.

Кровавое Воскресенье девятьсот пятого года насквозь прожгло Боевую организацию. Народное шествие, осененное ликом Спасителя, торжественно-умиленное хоровым призывом к царю царствующих хранить царя православного, мирное шествие просителей, стекавшееся к Зимнему, было расстреляно, искромсано, разметано, растоптано.

Еще и сороковины не справили по невинно убиенным 9 января, как группа Савинкова изготовилась к удару по династии. Кровь, пролитая на пути к Зимнему дворцу, отозвалась кровью, пролитой близ Николаевского дворца. В Кремле был убит генерал-губернатор Первопрестольной.

Бомбист, схваченный тотчас, объявил на первом же допросе:

— Я имею честь быть членом Боевой организации партии социалистов-революционеров, по приговору которой я убил великого князя Сергея Александровича. Я счастлив, что исполнил долг, который лежал на всей России.

Следователь по особо важным делам Головня, вероятно, поморщился от этого пылкого: «Я счастлив...» А может, и не поморщился. В архивном документе московской охранки зеркально отразилась Белокаменная: «Все ликуют».

Бомбист, однако, отказался назвать свое имя. То было правило боевиков: покамест установят твое имя, товарищи успеют скрыться. И верно, группа Савинкова не пострадала. Перелистывая архивную связку, некогда хранившуюся в Особом отделе департамента полиции, убеждаешься в энергии розыска. Но лишь в середине марта прилетела депеша из Варшавы: «Убийца великого князя, несомненно, упоминаемый циркулярами 1902 г. №№ 1907, 5000 и 5530 Иван Платонов Каляев, приятель Бориса Савинкова».

Иван Каляев испытывал к Савинкову не просто дружество, а «чувство глубочайшего восторга», утверждает боевик, вблизи наблюдавший и того, и другого. Восторг этот можно, конечно, отнести на счет натуры Каляева — впечатлительной, чувствующей свежо и сильно; недаром прозвали его «Поэтом». Но ведь и Савинкову надо же было обладать чертами, решительно не совместными ни с презрительным взглядом, ни с жестокосердием.

Каляева удушили на эшафоте. Виселицу сооружали ночью на мрачном каменистом острове, в Шлиссельбургской крепости. На дворе плотничали, в закуте покуривал палач, а в комендантском доме угощались присланные из столицы военные и статские. Барон Медем, генерал, рассказывал «о многих казнях, свидетелем коих он был». (Сценку застолья воссоздал очевидец, прокурор, рукопись которого не опубликована полностью.)

Ночь стояла белая, майская.

«Дорогая, незабвенная мать,— писал осужденный.— Итак, я умираю. Я счастлив за себя, что с полным самообладанием могу отнестись к моему концу».

И в последних строках: «Привет всем, кто меня знал и помнит».

Знали и помнили в городе Варшаве — улица Пенкная, 13, квартира 4. Там жили Савинковы.

Мать Каляева, овдовев, осталась с детьми почти без средств. Мать Савинкова пробавлялась на мужнину пенсию и на свои не бог весть какие литературные гонорары. Агентурная справка гласит: семья Каляевых сильно нуждается; ей помогает семья Савинковых.

К кому же, как не к ним, побрела с площади Витковского Софья Филипповна Каляева? С кем же, как не с Софьей Александровной, выплакивать горе?

В доме на Пенкной понятия «революция», «полицейщина», «деспотизм» не были отвлеченными. Старший сын погиб в якутской ссылке. Борис едва избежал участи Созонова, участи Каляева.

Его первый арест пришелся на вьюжное рождество девяносто седьмого года. Ох, как нетерпеливо поджидали Бореньку, студента Петербургского университета. Он приехал. Мать радовалась: сыновья выходят в люди, младшие дети здоровехоньки. Мужем она гордилась. Поляки называли его «честным судьей», а это было высокой похвалой — легион мундирных русификаторов царства Польского не блистал ни честью, ни честностью.

Судья Савинков недурно изучил право. Увы, ему привелось полной мерой познать и бесправие. Еще не притупилась боль от гибели первенца, как второй сын был увезен из Варшавы в Петербург, на Шпалерную, в тюрьму. Савинков-старший заболел, его отчислили из министерства юстиции. Им овладела мания преследования. Самая стойкая мания там, где неизбывна мания преследователей. Тенью скользил он по комнатам, губы дрожали: «Жандармы идут... Жандармы идут...»

Не будем задерживаться на тюремно-этапно-ссылочных перипетиях Савинкова. Не ахти как трудны они в сравнении с нашими недавними годинами. Примечательно вот что: Савинков начинал социал-демократом. В ссылке он написал статью «Петербургское рабочее движение и практические задачи социал-демократии». Статья, по слову Ленина, отличалась искренностью и живостью. А главное, совпадала с его размышлениями о том, что делать, ибо молодой автор прокламировал насущную необходимость «единой, сильной и дисциплинированной организации».

Однако, внеся свой пай в изначальный капитал «партии нового типа», Савинков вскоре изменил социал-демократии. Не завладели ли душой будущего Ропшина эмоции, созвучные замятинским? Евгений Замятин признавался: «Я был влюблен в революцию, пока она была юной, свободной, огнеглазой любовницей, и разлюбил, когда она стала законной супругой, ревниво блюдущей свою монополию на любовь». Что-то эдакое чуется и в Савинкове.

Расхожие представления угнетают одноцветностью. В таких представлениях большевик всегда как бы держатель контрольного пакета с акциями-истинами, он на дружеской ноге с токарями-слесарями. Меньшевик в пенсне на местечковом носу суетлив, труслив, трухляв, токаря-слесаря над ним потешаются. А эсер, этот взбесившийся мелкий буржуа, прикидываясь другом народа, носит косоворотку и такой уж нервный, будто за пазухой у него адская машинка. Эсер либо бомбист, злонамеренно мешающий развитию массового движения, либо горлопан, дергающий за бороду Карла Маркса.

Да, эсеры держали курс на «обычную» парламентарную республику. Да, чаяли демократического самоуправления. Крупное коллективное землепользование видели лишь за горизонтами всевозможных коопераций. И смели полагать, что российский «капитализм еще не исчерпал своих положительных возможностей», а государственный социализм, учрежденный поспешно и сдорожно, «провалится с треском».

«Нетеррористическая сторона революционной борьбы эсеров заслуживает и давно ждет специального исследования»,— отметил в своем недавно опубликованном реферате студент Дмитрий Троицкий, трагически погибший в 1982 году. И верно, на прокрустовом ложе очень уж кратких курсов программе эсеров отрубили не ноги, а голову. Читателю времен перестройки и плюрализма было бы небесполезно познакомиться с их социально-экономическими концепциями из первых рук.

Спору нет, они вели политический террор — и против тузов режима, и против мелких козырей с шевронами за беспорочную службу режиму. «Террорную работу» (тогдашнее выражение) считали они партизанскими действиями, прологом действия регулярных сил. Всю эту «работу» осуществляла одна из эсеровских организаций — Боевая. Вот она-то и была огнеглазой любовницей Бориса Савинкова...

Ровно год спустя после гибели Каляева, в мае девятьсот шестого, Савинкова изловили. Арест произвели так, словно «поручик Субботин», прибывший в Севастополь, вот-вот взорвет и город, и корабли на рейдах. Филеры заломили ему руки, полицейский офицер уткнул в грудь дуло револьвера, солдаты вкруговую ощетинились штыками.

Савинкова доставили на главную гауптвахту. Был наряжен военный суд. Это ничего иного не означало, как только близость виселицы. Но все дальнейшее произошло словно в тюремных снах: верные товарищи, побег из-под стражи, парусный бот, бравый лейтенант и два дюжих матроса.

Счастливо разминувшись с броненосцем и миноноской, суденышко направилось к берегам Румынии.

Об одном из боевиков Савинков писал: «Он не представлял себе своего участия в терроре иначе, как со смертельным концом, более того, он хотел такого конца: он видел в нем, до известной степени, искупление неизбежному и все-таки греховному убийству».

Такое же желание владело и Пьером Безуховым, решившимся заколоть Наполеона. «Пьер в своих мечтаниях не представлял себе живо ни самого процесса нанесения удара, ни смерти Наполеона, но с необыкновенной яркостью и с грустным наслаждением представлял себе свою погибель и свое геройское мужество».

Но Пьер и не помышлял о греховности убийства. На войне как на войне. А боевика, сколь бы он ни внушал себе — ты в тылу врага,— пригнетало то, что он выслеживает жертву и нападает словно бы из-за угла. Э, усмехнутся скептики, бесы они, и шабаш. Полноте. И бесы веруют, говорит апостол. Интеллигентная девушка объясняла Савинкову: «Почему я иду в террор? Вам не ясно? «Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою Мене ради, сей спасет ю».— И, помолчав, прибавила: — Вы понимаете, не жизнь погубит, а душу».

Признавай иль не признавай религиозную струну в душе русского террориста, но вот уж что решительно нельзя признать, так это русского почина и первенства в «террорной работе». И вовсе не потому, что апологеты родных осин клеймят русскую революционность тавром чужеродности. Кстати сказать, философ Н. Бердяев, ныне читаемый поспешно и жадно, числил национальной чертой и консерватизм, и революционность.

В конце 40-х годов текущего столетия дали нам команду бороться за русский приоритет во всех «регионах» бытия. И, боже мой, где только не носились мы выше всех, дальше всех, быстрее всех! Однако о первенстве в таком деле, как экстремизм, и не заикались. Хотя именно здесь-то и достигли в сравнении с 1913 годом неслыханного энтузиазма и невиданной деловитости. Нет, не заикались. Но годы спустя такой «приоритетец» подарил нам американский историк Ричард Пайпс.

Ужасаясь современному западному экстремизму, и это естественно, он, будто привстав на цыпочки и вытянув шею, расслышал дальний, глухой гром, прогремевший в прошлом веке над Петербургом,— народовольцы убили Александра II. Расслышал и указал: вот откуда все пошло. (Сейчас, когда плюрализм цветет, как вешняя черемуха, нашлись в наших палестинах его единомышленники. Без них-то, говорят, без этих-то народников и прочих масонов, мы бы ого-го где бы уж были.)

Так вот, если историк забывчив, то История памятлива. Спросите, и она назовет множество террористов, множество террористических актов, явившихся миру задолго до кроваво-динамитного морока над Екатерининским каналом.

И совсем уж поразительно, что Р. Пайпс слона не приметил. Ведь императора убили в марте 1881 года, а в июле 1881 года убили президента США. Впрочем, суть не в хронологии. Народовольцы открыто, публично заявили:

«Выражая американскому народу глубокое соболезнование по случаю смерти президента Джемса Авраама Гарфильда, Исполнительный комитет считает своим долгом заявить от имени русских революционеров свой протест против насильственных действий, подобных покушению Гито».

Что за притча? А простая, все определяющая по своим местам. Там, где существуют политические свободы, демократическая государственность, там «политическое убийство есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей».

Коль скоро дух деспотизма упорствовал, то бомба, убившая царя, оставила в живых идею цареубийства. Савинков, мягко выражаясь, был ей не чужд.

Литературные критики правы: на В. Ропшина оказал сильное влияние Л. Н. Толстой. Может быть, и мы не ошибемся, указав на некоторое влияние автора «Не убий» на Б. Савинкова?

Когда венценосцев, писал Толстой, убивают по суду или при дворцовых переворотах, то об этом обыкновенно молчат. Когда убивают без суда, то это вызывает в династических кругах величайшее негодование. (Как выяснилось, не только в династических. Но об этом чуть ниже.) «Самые добрые из убитых королей, как Александр II или Гумберт,— продолжал Толстой,— были виновниками, участниками и сообщниками,— не говоря уже о домашних казнях,— убийства десятков тысяч людей, погибших на полях сражений...». И далее: должно удивляться, что их, королей, так редко убивают «после того постоянного и всенародного примера убийства, который они подают людям». Толстой перечисляет: ужасные усмирения крестьянских бунтов, правительственные казни, замаривания в одиночных камерах и дисциплинарных батальонах. И вот эти убийства, утверждает Толстой, «без сравнения более жестоки, чем убийства, совершаемые анархистами».

«Не убий» написано в девятисотом. Без малого 90 лет спустя крестьянский сын, московский писатель, предложил собравшимся единомышленникам почтить вставанием память Николая II. Нас не шокирует ни это предложение, ни это вставание. Вот только один вопрос. Отчего вслед за тем крестьянский сын, московский писатель, не предложил почтить память усмиренных мужиков, солдат, замученных в дисциплинарных батальонах, питерских фабричных, убитых 9 января?

С Николаем II расправились, как известно, в Екатеринбурге летом восемнадцатого года. В наши дни общественная мысль столь резва, что нет-нет да и бежит по кругу, давно, так сказать, отбеганному. Имеем в виду пресловутую погоню за вездесущими «масонами». Иные ловцы, наделенные специфической проницательностью, усматривают в екатеринбургском изуверстве (ведь и детей изничтожили) ритуальное убийство, содеянное нехристями. Вот только опять же один вопрос. Не привлечь ли к ответу и Александра Сергеевича Пушкина? Алиби у него есть, но есть за ним и криминальная угроза. Вспомните: «Тебя, твой трон я ненавижу, // Твою погибель, смерть детей // С жестокой радостию вижу». Максимализм молодости? Пусть так. Но как же все-таки быть со слезинкой ребенка? «Смерть детей»!

Кстати сказать, переоценщикам ценностей не худо бы знать, что Каляев дважды выходил с бомбой на великого князя, но в первый раз, увидев в карете великокняжеских детей, отшатнулся.

Сторонники «ритуальной версии» тотчас укажут: над трупами царя и царских детей глумились; крещеному человеку такое неведомо. Да, глумились. Не только расстреляли, а и горючим облили, и... Ужасно. А невдолге после екатеринбургской трагедии труп Фанни Каплан, облитый бензином, жарко пылал в железной бочке, стоявшей в сумрачном углу Александровского сада. Кремацию организовал матрос, комендант Кремля П. Д. Мальков. Пособлял ему случившийся рядом пролетарский стихотворец Демьян Бедный. Оба не инородцы.

Нет уж, граждане, плуг истории, ржавый от крови, вспахивал тогда не «этнические», а совсем иные сущности.

Если Пушкин «видел», то Лермонтов предвидел: «Настанет год, России черный год, // Когда царей корона упадет; // Забудет чернь к ним прежнюю любовь, // И пищей многих будет смерть и кровь; // Когда детей, когда невинных жен // Низвергнутый не защитит закон».

Бакунин, дворянин, и Желябов, крестьянин, не разногласили: в груди народной лавина ненависти. Ой ли, всполохнутся ревнители корней и почвы, ведь когда эти-то, как бишь их, убили Александра Освободителя, опечалилась, пригорюнилась избяная Русь... Так точно, соотечественники, и опечалилась, и пригорюнилась, больше того, прокляла желябовых. Но вот почему: сочла желябовых за господ — царь нас от крепости избавил, царь бы и черный передел учинил, вот господа-то и порешили царя.

Не так уж и много лет минуло, «чернь» сбежалась к месту происшествия: убит сын царя-освободителя, великий князь Сергей Александрович. При виде его останков, еще как бы дымящихся, никто не обнажил голову. «Все стояли в шапках»,— сообщал в охранку уличный филер. Он же зафиксировал и похвалу злодеям: «Молодцы ребята, никого стороннего даже и не оцарапали, чего зря людей губить». Какая-то салопница подобрала не то косточку, не то палец убитого, мастеровой прикрикнул: «Чего берешь, чай, не мощи!» Кто-то пнул носком сапога студенистый комок: «Братцы, а говорили, у него мозгов нет!»

Известный в ту пору бунтарь, священник Григорий Петров предупреждал: «Николай Романов не полушки права народу не даст. И тогда уже кровь. Море крови. Ожесточение». Так вот, ожесточение, пока еще огражденное частоколом штыков, но уже предвещающее екатеринбургское остервенение восемнадцатого года.

По поводу последнего теперь, задним числом, все можно: и морализировать, и экранизировать, и тиражировать, и эпатировать. Но куда важнее владеть чутким сейсмографом, подмечающим работу закона исторического возмездия, пока она, эта работа, происходит в недрах вулкана. А футболисты, играющие в одни ворота после того, как игра сделана, мало чего стоят.

Если уж говорить о «ритуальности», то в розановском смысле: «Дай полизать крови». В. В. Розанов писал об этом А. А. Блоку. Блок отвечал: «Страшно глубоко то, что Вы пишете о древнем «дай полизать крови». Но вот: «Сам я не «террорист» уже по тому одному, что «литератор». Как человек, я содрогнусь при известии об убийстве любого из вреднейших государственных животных... И, однако, *так сильно озлобление* (коллективное) и так чудовищно неравенство положений — что я действительно не осужу террор *сейчас*».

Летом девятьсот шестого года в тумане моря голубом белел одинокий парус, уносивший Бориса Савинкова, сорвавшегося с виселицы. А далеко на севере, в Гельсингфорсе, раздался клич: «Виселицу Николаю!» — на трибуне громокипящего митинга был Леонид Андреев.

Боевая организация изначально ощущала себя душеприказчицей Исполнительного комитета «Народной воли». И потому если народовольцы «устранили» Александра II, то эсеровские боевики помышляли об «устранении» его внука. Повторено стократ: в истории все приключается дважды — один раз как трагедия, другой раз как фарс. Социалисты-революционеры не были ни фарсерами, ни фразерами. Иное дело: не иллюзорной ли была преемственность?

Можно не мешкая выложить «пакет» с цитатами из высказываний политических оппонентов, как большевиков, так и меньшевиков. А можно прислушаться к сторонним голосам. И притом не сколько неожиданным. Например, Николая Семеновича Лескова. К нему на сей счет никто, кажется, не обращался.

Многие боевики еще пешком под стол ходили, когда он, современник и отнюдь не друг народовольцев, горестно размышлял как раз о преемственности: «Сколько будет жертв, сколько самоотверженного мученичества!» Спрашивал: «Но верна ли сама тактика?» Отвечал: нет, ибо отзовется свирепой реакцией.

Позже именно о тактике высказался автор «Не убий». И не то чтобы менторски, а скорее деловито-практически. «Короли и императоры давно уже устроили для себя такой же порядок, как в магазинных ружьях: как только выскочит одна пуля, другая мгновенно становится на ее место». Но не на пулю как таковую возлагал Толстой ответственность, а на ружье, то есть на «устройство общества».

Продолжая народовольческую тактику, эсеры не замечали капитальное различие стратегической ситуации. Террор народовольцев — шаровая молния. Террор эсеров — спички, чиркающие во время грозы. Народовольцам досталась пора ледостава. Эсерам — пора ледохода. Не будем иллюстрировать картинами общеизвестными. Спросим о частности: куда бы девался Леонид Андреев, выкликни он свой призыв в годины минувшие, а равно и нечто подобное в годины грядущие?

Но нет, эсеры не отрекались от тактики предшественников; социал-демократы, ценя героизм народовольцев, писали и говорили: нам повторять их нельзя.

Этот решительный отказ от повторения поначалу весьма утешал охранку. Одним из первых спохватился жандармский генерал А. И. Спиридович. Читая по долгу службы «Искру», полную, по его собственному определению, «огня и задора», он, человек весьма неглупый, заключил, что «террор целого класса неизмеримо ужаснее группы бомбистов».

Тем временем, как уже говорилось, группа бомбистов ставила на повестку дня «центральный акт» — цареубийство. Он был сорван не столько потому, что в верхах партии нет-нет да и склонялись к пресечению террора, сколько потому, что был «центральный агент».

Заглавную роль сыграл случай, который не был случайностью. Маркс давным-давно предупреждал о том, что заговорщики находятся в постоянном соприкосновении с полицией; небольшой скачок от профессионального заговорщика к платному полицейскому агенту совершается часто; заговорщики нередко видят в своих лучших людях шпиков, а в шпиках — самых надежных людей.

Именно так и произошло в Боевой организации. Лучшие люди, не выдерживая подозрений, накладывали на себя руки. А шпик-провокатор ходил в супернадежных.

Но вот что действительно поражает: он был вдохновителем и организатором всех побед. Он был нетороплив в поступках, и это казалось мудрой осмотрительностью. Он скупо ронял слова, и они казались весомыми. Он никого не любил, а казалось, что он любит всех. Низколобый и вроде бы сальный, он казался величественным.

В подполье его называли Иваном Николаевичем. В департаменте полиции его подлинную фамилию — Азеф — держали под семью замками. Ни подполье, ни департамент не проникали до дна его «конспирации». Он плевал на теории правые и левые. Он обвел вокруг пальца охранку, спланировав убийство и своего шефа Плеве, и великого князя Сергея Александровича. Он околпачил Боевую организацию, отправив на эшафот многих боевиков. Кредит доверия и кредит денежный он черпал разом из двух корыт. Гибрид шакала и гиены? Зверь из бездны? Никакой бездны, никаких психологических сложностей. Циничный мерзавец, и только.

Разоблачение Азефа кончилось публичным партийным признанием кровавых мерзостей столпа партии. Культ Азефа лопнул, распространилось зловоние.

Но важнее самого по себе факта изобличения, важнее самой по себе анафемы было то, что нашлись люди, этим не удовлетворенные. Они сказали своей партии, кто она есть, их партия. Централизм породил верховников. Верховникам, не прекословя, внимали низы. Между первыми и вторыми возникла каста бюрократов. Искательство перед кастой называлось «любовью к партии», холопское подчинение касте — «партийной дисциплиной».

Это не было ни отступничеством, ни ликвидаторством, ни ренегатством. Мужественные критики, соединившие ее с самокритикой, не устранялись от борьбы за демократическую Россию. Но, справедливо говорили они, необходимо «помнить, что перед тем, как эмансипировать других, мы должны прежде всего эмансипировать себя — от своих заблуждений, от пережитков нравов, от пережитков мысли».

Все это происходило в девятом, десятом, одиннадцатом годах. Стало быть, принадлежит истории. Той самой, что повторяется дважды. Отчего же так плохо прослушиваются серьезные симфонии революции?..

Предательство Азефа словно бы расщепило и обуглило Савинкова. Как! Он, героический, неутомимый и несгибаемый, он, в сущности, был «сделан» Азефом, точно гомункулус. Кровавый маклер, хоронясь за ширмой, дергал ниточки, а он, Борис Савинков, буревестник, черной молнии подобный, трепыхался, словно чучело этой страшноватой птички.

Пытаясь разодрать нарывы самолюбия, он твердил о восстановлении престижа и чести партии. Сам же усомнившийся в методах «террорной работы» — устарели, несовершенны,— он тщился демонстрировать наличие пороха в пороховницах. Да вышел-то пшик. Без Азефа вышел пшик.

Это уж было совсем непереносимо. И кто знает, не служила ли беллетристика В. Ропшина спасительной соломинкой Б. Савинкову?

Годы спустя Сомерсет Моэм, знаменитый писатель и незнаменитый сотрудник британской разведки, в разговоре с Савинковым заметил, что террористический акт, должно быть, требует особого мужества. Савинков возразил: «Это такое же дело, как всякое другое. К нему тоже привыкаешь». Напускная бравада человека, носившего маску,— сухое каменное лицо, презрительный взгляд безжалостных глаз.

Шесть лет кряду он не жил в эмиграции, а существовал на руинах легендарной Боевой организации. Его воскресила весна Семнадцатого. Трон рухнул, Савинков ринулся в Россию.

Весна была бурной и краткой, как в тундре. С Учредительным собранием было покончено. Так полагал матрос и ушел на гражданскую. Не так полагал Савинков и тоже ушел на гражданскую.

Он блокировался с направлениями любого оттенка, лишь бы антибольшевистское. Даже и с монархистами, полагая, что наши бурбоны чему-то научились. Савинков готов был признать любую диктатуру (включая, разумеется, собственную), кроме большевистской. Он верил, что любой победитель, кроме большевиков, реанимирует Учредительное собрание. Его энергия была из того разряда, что называют дьявольской. Он бросался за помощью к англичанам, французам, белочехам и белополякам. Он командовал отрядами карателей, бандами подонков, наймитами-шпионами. Пути-дорожки савинковцев чадили пожарищами, дергались в судорогах казненных.

Уинстон Черчилль, лично знавший Бориса Савинкова, дал ему место в своей книге с выразительным заглавием: «Великие современники». Савинков, писал Черчилль, сочетал в себе «мудрость государственного деятеля, качества полководца, отвагу героя и стойкость мученика». Умный-то умный, да сильно ж хватил через край! Поневоле вспомнишь, что и на старуху бывает проруха...

Расшифрованная стенограмма савинковского судебного процесса взяла полтораста страниц убористого типографского текста. Едва ли не каждый пункт обвинительного заключения обеспечивал Савинкову «вышку».

Его не корежили душегубными пытками — еще до ареста он извелся в пытках душевных. Снисхождения Савинков не испрашивал. Нет, объяснял, как медленно, шаг за шагом приблизился к роковому вопросу: а что если я ошибся и русские рабочие и крестьяне действительно за них, действительно с н и м и? Он не мог скоротать остаток лет вчуже. Не думаем, что чекисты выманили его из-за рубежа, хотя чекисты так думали. Он, похоже, пошел на зов иного манка: России новой экономической политики. Но границу перешел нелегально, его взяли в Минске.

И вот он в судебном зале.

— После тяжкой и долгой кровавой борьбы с вами, борьбы, в которой я сделал, может быть, больше, чем многие и многие другие, я вам говорю: я прихожу сюда и заявляю без принуждения, свободно, не потому, что стоят с винтовками за спиной: я признаю безоговорочно Советскую власть и никакой другой.

А в заключительном слове добавил:

— Для этого нужно было мне, Борису Савинкову, пережить неизмеримо больше того, на что вы можете меня осудить.

Его осудили на расстрел с конфискацией имущества.

Это было 29 августа 1924 года. В час с четвертью пополудни.

Пять часов спустя ему вручили постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР. Высшая мера наказания заменялась десятью годами лишения свободы.

Сонмы приговоренных получали нечто другое — девять граммов свинца. Получали, ни на унцию не совершив совершенное Савинковым. В чем тут дело? Где зарыта собака?

Смеем полагать, все решено было загодя. Иначе о смягчении наказания не стал бы ходатайствовать председатель суда В. В. Ульрих, столь же неумолимый, сколь и послушный.

Савинков обладал весом и престижем в эмиграции, даже в том узком сановном кругу, который брезгливо называл его «убийцей» за деяния дореволюционные, не отказываясь, впрочем, от сотрудничества с ним в деяниях послереволюционных.

Гласная капитуляция Савинкова перед Советами, продолженная в письмах из внутренней тюрьмы, могла в известной степени воздействовать на эмиграцию. Какова бы ни была эта степень, игра стоила свеч.

Нисколько не витийствуя, он убеждал и призывал бывших друзей прекратить борьбу с русским народом и российской компартией, возрождающих страну на путях новой экономической политики. Он, в частности, писал: «Не знаю, читали ли вы отчеты о заседаниях съездов ВЦИК и проч. Но я, читая их, был изумлен тем мужеством, с которым в них говорилось о недостатках советской власти». И далее: «Но допустим, что коммунисты «врут». Я утверждаю, что, если это даже на ¾ так, то и тогда не подлежит никакому сомнению, во-первых, что советская власть делает все возможное для восстановления экономического положения России и, во-вторых, что ей это в значительной мере удается». И еще: «Запомните, коммунисты завоевали «середняка», т.е. огромное большинство крестьянского населения, — того «середняка», который испытал на себе прелести «белого» рая и «зеленой» борьбы и который спокойно пашет теперь свою землю».

Когда Савинков напечатал «Коня бледного», Егор Созонов был поражен выстраданностью каждого слова. Однако другие каторжане-читатели называли автора «отступником», «иудой». Теперь, когда письма Савинкова благополучно достигали зарубежных адресатов, одни говорили, что он попал в переплет и выкручивается, другие выжигали на его челе тавро второго Азефа, третьи, немногие, находили эти письма искренними.

Как бы ни было, один из тех, кто ни на понюх табаку не внял его голосу, признавал на страницах английской «Морнинг пост»: Савинков «сознательно и безоговорочно перешел на сторону своих бывших врагов», помог им «нанести тягчайший удар антибольшевистскому движению и добиться крупного политического успеха, который они сумеют использовать как вовне, так и внутри страны».

Мавр сделал свое дело. И теперь...

Он не «выкручивался», он и вправду верил в Россию нэповскую. Может, однако, показаться странным, если не чудовищным, одно обстоятельство: Савинков ни словом единым не порицал «террорную работу».

А ведь именно в этот, 1925 год, могикане революционного движения, не принадлежащие к правящей партии, доживая век на пенсионном покое, обратились в Президиум ЦИК СССР с пространным заявлением. Кричащий документ, давно обнаруженный нами в архиве, дождался своего часа и должен быть опубликован полностью. Здесь же ограничимся выдержкой:

«Если расстрелы без суда, всегда несправедливые и страшные, возможны в исключительные моменты государственной жизни, когда открытая война, внешняя или внутренняя, уничтожает границы между нормальным государственным строем и полем битвы, то разве такое время мы теперь переживаем?» И далее: «Дело в том, что смертная казнь и административная форма ее применения вошли в нравы управляющих. Дело в том, что этот упрощенный и легкий способ управления сделался своего рода нормой, пропитал сверху донизу наш новый бюрократический аппарат и обесценил человеческую жизнь, как в представлении управляющих, так и в сознании управляемых».

Ни звука об этом не проронил Савинков. Странно, чудовищно? Разумеется, если не брать на замету то, что Савинков по сути своей как был, так и оставался террористом. В упомянутых письмах он говорил, что встретил на Лубянке «не палачей и уголовных преступников», а «убежденных и честных революционеров, тех, к которым я привык с моих юных лет». И еще: «Они напоминают мне мою молодость — такого типа были мои товарищи по Боевой Организации».

Савинков забыл, что в дорожном мешке истории немало зловещих сарказмов.

Сын Савинкова, Виктор, носил фамилию матери. Его мать, жена Савинкова, была дочерью Глеба Ивановича Успенского, писателя, великого мученика совести.

Виктор Успенский приезжал из Ленинграда на свидания с отцом. Савинков однажды сказал: услышишь, что я наложил на себя руки,— не верь.

В мае 1925 года он ходатайствовал об освобождении вчистую. Савинкову дали понять, что надежда слабенькая. Мавр, сделавший свое дело, вероятно, осознал, сколько жестоко обманут. Нам неизвестно, получил ли Савинков ответ на свое ходатайство. Известно другое: в мае 1925 года газеты сообщили о его самоубийстве.

Варлам Шаламов, многолетний колымский каторжанин, поэт и прозаик, известный ныне всему читающему миру, рассказывал: Савинкова сбросили в пролет тюремной лестницы. Так, умирая, исповедуясь, шепнул Шаламову лагерный доходяга, бывший латышский стрелок.

И это савинковское «не верь», и этот рассказ В. Т. Шаламова передаем со слов здравствующей внучки Германа Лопатина, выдающегося демократа в стране, не имеющей демократических традиций.

А Виктор Успенский, добрый знакомый Е. Б. Лопатиной, погиб в кровавом потоке. В том потоке, что захлестнул многострадальный город после «террорной работы» в Смольном.

Зловещие сарказмы истории — не выдумка историков.

Эльдар РЯЗАНОВ

НЕ ОТТУДА

Сейчас я пытаюсь поставить кинокомедию по сатирическому роману Владимира Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Эта затея встречает бурное, восторженное одобрение одних читателей и негодование других. Негодование, как правило, облекается в форму писем в разные инстанции с требованиями запретить и не пущать. Время изменилось воистину. Если раньше цензорские, жандармские функции исполняли по долгу службы бюрократические инстанции, то теперь эти обязанности взвалили на себя любители-доброхоты. А ведь самодеятельные «идеологи» поопасней профессиональных, ибо они бескорыстны. За семьдесят лет мы наплодили волонтеров-наушников великое множество. Они зорко стоят на страже нашей «идейной чистоты», используя при этом наветы, доносительство, наклеивание политических ярлыков, пуская в ход демагогию под патриотическим флагом.

Поэтому мне не кажется устаревшей та история, которую я вознамерился поведать, история безнравственного журналиста, который жил в безнравственном обществе по безнравственным законам. Весной 1961 года я закончил эксцентрическую комедию «Человек ниоткуда» по сценарию Леонида Зорина. Картина рассказывала о приключениях снежного человека в Москве и была снята в довольно замысловатой манере с элементами юмора абсурда. Оригинальность формы понадобилась нам с Зориным для того, чтобы объемнее, резче подчеркнуть идею фильма, чтобы взглянуть на нашу жизнь свежими, непредвзятыми глазами. Однако необычность формы насторожила многих зрителей и, к сожалению, в первую очередь тех, от кого зависел выпуск ленты в кинопрокат. И было принято решение — как бы выпустить картину и в то же время практически не выпускать. Сделать это было просто. Картине определили мизерный тираж.

Стояло лето 1961 года. Картина еще нигде не демонстрировалась, выпуск был намечен на осень. Как вдруг 22 июня 1961 года в газете «Советская культура» под рубрикой «Письма зрителей» появился разнос «Человека ниоткуда». Письмо зрителя под названием «Странно...» начиналось словами: «Недавно я находился в командировке в городе Полтаве и там посмотрел новую комедию...» Далее там, в частности, писалось: «В фильме «Человек ниоткуда» есть некоторые интересные, занимательные сцены, смешные эпизоды. Есть и красивые виды Москвы. Но для большого фильма этого мало. Нужны мысли, нужна четкая и определенная идейная концепция, ясная философская позиция авторов, но именно этого не хватает в фильме. Ибо «философия», заключенная в сценарии Л. Зорина,— это либо брюзжание, слегка подкрашенное иронией, либо двусмысленные (в устах людоеда) и невысокого полета афоризмы, вроде того, что нет ничего приятнее, чем съесть своего ближнего. Попытки же уйти в область чистой эксцентрики и гротеска приводят лишь к бессмысленному трюкачеству и погрешностям против художественности...»

Были сказаны еще кое-какие нелестные слова в адрес картины. Подпись под статьей гласила — В. Данилян, научный работник. Я ужасно огорчился. Это была, по сути, первая рецензия, причем очень недоброжелательная. Картина еще не шла, ее никто не видел, а ее уже бранили. Авансом, так сказать. На следующий день после выхода номера газеты мне позвонил автор сценария Леонид Зорин.

— Тебе не кажется,— спросил он меня,— что этот «зритель» проявил недюжинную эрудицию в области кинематографа? Он козыряет в своем письме такими сведениями, о которых не всякий специалист знает. Да и стилистика статьи сугубо «киноведческая».

Я вспомнил текст «письма» и понял, что Зорин ухватил важный нюанс.

— Так надо пойти в газету, устроить скандал!

— Ишь какой шустрый,— сказал Леонид Зорин.— В твои годы я тоже был таким же горячим. (Он старше меня на 3 года.) Сначала надо раздобыть фамилию журналиста, накатавшего статью. Надо иметь неопровержимые доказательства. Тогда мы сможем схватить их за руку, чтобы они не успели спрятать концы в воду...

Дело было не в том, что рецензия оказалась ругательной. Хотя этот факт нам, естественно, не понравился. Но за всем этим крылось что-то нечистое. Вместо того, чтобы выступить с «открытым забралом», раскритиковать нашу ленту, автор почему-то запсевдонимился, предпочел странные, малопочтенные ходы.

Но человек любит приятное. И я понимал, что, если бы в письме зрителя о нашем фильме говорились добрые слова, мы бы не предприняли тех действий, которые мы предприняли. Нам было бы просто радостно, что рядовой зритель компетентен, так хорошо сведущ в истории кино.

Для начала я позвонил в Полтаву в кинопрокат. Выяснилось, что «Человек ниоткуда» там еще не демонстрировался. Первая ложь была налицо. Разведать же в газете, кто именно скрылся за псевдонимом В. Даниляна, оказалось сложнее. Сотрудники газеты не раскалывались, хранили редакционную тайну. И все-таки Л. Зорин нашел ход. Через бухгалтерию удалось узнать, кто получил гонорар за «письмо» В. Даниляна. Автором оказался заведующий

отделом кино газеты «Советская культура» Владимир Шалуновский.

Я был поражен. Полтора месяца назад я виделся с ним во Франции, в городе Канн. Мы прикатили туда на два дня в составе большой туристической группы, собранной из кинематографистов, а Шалуновский был откомандирован газетой на кинофестиваль. И там при встрече он пел дифирамбы нашей ленте, говорил, что именно «Человека ниоткуда» надо было послать на Каннский фестиваль, а не тот, набивший оскомину, «железобетон», который никто не хочет смотреть. За язык я его не тянул, а высокое мнение о фильме и слова его, разумеется, запомнил. Кто же равнодушно отмахнется от лестных слов!..

Но когда же он врал? Тогда, в Канне? Или сейчас, на газетной полосе? Чем была вызвана эта статья? Велением сердца или чьим-нибудь иным велением? Почему он спрятался за псевдонимом? Мы имели дело с подлогом, да еще небрежно сляпанным. И мы решили наказать сочинителя. Он ведь еще и 30 сребреников получил за фальсификацию... Мы выработали план действий. Главное — надо было набраться терпения, потому что марафон предстоял многомесячный...

Начали мы с того, что отправили письмо редактору газеты. Я не помню его дословно, приведу смысл:

«Уважаемый товарищ редактор! В Вашей газете от 22 июня сего года было помещено «Письмо зрителя», научного работника В. Даниляна, о нашем фильме «Человек ниоткуда», в котором содержалась критика в адрес картины. Нам кажется, редакция должна быть заинтересована в том, чтобы создатели фильмов встречались со зрителями. Нам очень хочется повидаться с т. В. Даниляном, поспорить с ним. Может, мы сможем его кое в чем переубедить, а может, и он заставит нас переменить наше мнение. Просим сообщить его адрес или телефон.

Заранее благодарны.

С уважением Леонид Зорин, Эльдар Рязанов».

Прошел месяц, но ответа почему-то не последовало. Тогда мы написали еще одно письмо, адресованное опять-таки редактору «Советской культуры». Содержание его сводилось к следующему:

«Уважаемый товарищ редактор!

Месяц назад мы обратились к Вам с просьбой помочь нам связаться с т. В. Даниляном, письмо которого было опубликовано в Вашей газете от 22 июня сего года. Мы недоумеваем, почему нам никто не ответил. Нам кажется, что редакция должна быть заинтересована...» (дальше шел тот же набор, что и в нашем первом письме). Окончание нашего послания на сей раз напоминало ноту недружественному государству:

«Мы настаиваем на том, чтобы нам немедленно сообщили адрес или телефон т. В. Даниляна. Нам непонятна такая позиция газеты. В случае Вашего молчания мы будем вынуждены принять меры...

С уважением Леонид Зорин, Эльдар Рязанов».

Честно говоря, уважения к редактору мы не испытывали, но мы тщательно соблюдали весь декорум. Игра, которую мы затеяли, требовала полного набора казуистики. До нас доходили сведения, что наше первое письмо вызвало легкую панику. В газете отлично поняли наши намерения, сообразили, что мы раскусили подноготную, и не понимали, как выкрутиться из создавшейся ситуации. Конечно, затея с нашей стороны была опасная. Пытаясь прижать к стене Шалуновского, мы, по сути, объявили войну газете. А у нас не принято, чтобы газета вслух извинялась перед обиженными ею людьми или публично признавала свои ошибки. Честь мундира нашей прессы превыше правды! Мы понимали, что борьба неравна, что газете «приложить» нас проще простого, но тем не менее решили пройти весь путь до конца.

На этот раз ответ пришел довольно быстро, буквально через неделю. В редакции нашли выход, во всяком случае, отсрочку. Ответ редактора газеты гласил:

«Уважаемые тов. Л. ЗОРИН и Э. РЯЗАНОВ!

Редакция задержала свой ответ потому, что товарищ В. Данилян находился в командировке. А без его согласия редакция не считала для себя возможным сообщить Вам его координаты. Сейчас В. Данилян вернулся. Он не возражает против встречи с Вами. Сообщаем его адрес: Москва, 2 почтовое отделение, до востребования. Даниляну В. И.

С уважением

редактор Д. Большов».

Хитрость газетчиков была шита белыми нитками. Неужели вымышленный Данилян так испугался нас, что не решился сообщить свой адрес?

Роман в письмах продолжался. Мы написали во второе почтовое отделение Москвы следующее послание, которое, как мы понимали, никто никогда не востребует:

«Уважаемый товарищ В. И. Данилян! 22 июня в газете «Советская культура» было помещено Ваше письмо с критикой в адрес комедии «Человек ниоткуда». Нам кажется, что Вы в некоторых своих оценках были не совсем правы. Нам очень хотелось бы повидаться с Вами и побеседовать, поспорить. Может, мы сможем кое в чем Вас переубедить, а может, Вы заставите переменить нас наше мнение. Сообщаем Вам свои адреса и телефоны. Не откажите в любезности дать нам знать о времени и месте встречи.

С уважением

Леонид Зорин, Эльдар Рязанов».

А чтобы в газете осознали, что мы не бросили своего предприятия, копию письма, отосланного В. И. Даниляну, мы любезно препроводили редактору газеты. На всякий случай. Чтобы был в курсе. Чтоб спал лучше. Чтоб не забыл. Чтобы еще раз вылил ушат своего раздражения на незадачливого Шалуновского, который и подделку-то не смог сделать, как следует.

Как мы и думали, т. Данилян не явился за письмом. Ведь при получении корреспонденции, адресованной «до востребования», необходимо предъявить документ. А сфабриковать его оказалось не по плечу хитроумному рецензенту. Поскольку на нашем письме был предусмотрительно обозначен обратный адрес одного из нас, наша невостребованная каверза вернулась домой...

А уже наступила осень, и фильм наконец-то выполз на экраны. Копий картины, а следовательно, и кинотеатров было мало. Появились рецензии в разных газетах. В основном рецензии поносили ленту. Вот названия некоторых статей:

«Московский комсомолец»: «Очень странный фильм».

«Литературная газета»: «Зачем он к нам приходил?»

Лишь некоторые провинциальные печатные органы, в силу своей удаленности, не разобрались в обстановке и поначалу опубликовали несколько хвалебных рецензий. Но потом, глядя на столичные маяки прессы, поняли, куда дует ветер, и либо замолчали, либо загавкали в унисон. Если называть вещи своими именами, шла организованная травля картины. Эти разносы нас с Л. Зориным, естественно, огорчали, но не вызывали никаких мстительных поползновений. Наша картина не обязана была всем нравиться, и у нас не возникало никаких претензий к авторам критических статей.

Мы понимали, что, вероятно, не все в картине получилось, не все удалось, как хотелось. Нам еще предстояло осмыслить, где ошибки, а где удачи, понять, в чем просчеты, еще предстояло сделать выводы. Единственное, чего мы не понимали, почему поиск новой формы, попытка отойти от общепринятых канонов вызвали такую ярость прессы. Ее усердие было явно неадекватно. Было впечатление, что всю эту стаю спустили с цепи и велели кусать побольнее...

А борьба с газетой «Советская культура» тем временем вступила в решающую фазу. Мы сочли, что хватит играть в прятки, надо выложить карты на стол. И мы написали возмущенное письмо, где все называли своими именами. Писали о недопустимости фальшивок в прессе, о странных нравах, принятых в печати, о недостойном вранье, которое содержалось в ответах редактора на наше имя. В конце письма мы требовали наказания виновных, а именно кинокритика Шалуновского. Мы советовали тем, кто будет проверять, заглянуть в бухгалтерскую ведомость. Мы пригрозили, что если наше письмо оставят без внимания, то мы подадим в суд на газету. На этот раз мы подписались без всяких слов об уважении. Этот меморандум мы направили в три адреса — в Отдел культуры ЦК КПСС, в Союз кинематографистов СССР и, естественно, редактору газеты. Это была традиция — не скрывать от Д. Большова наших поступков.

Из газеты мы, разумеется, не ждали никакого ответа. Не откликнулся на наше письмо, к сожалению, и Отдел культуры ЦК КПСС. А вот секция теории и критики Союза кинематографистов СССР провела обсуждение нашей жалобы. На заседание секции были приглашены не только мы, но и редактор газеты, а также кинокритик Шалуновский. Это было время, когда кинематографический союз еще не превратился в бессловесный придаток любой командующей искусством организации.

Итак, состоялось заседание секции теории и критики. На него, конечно, не явились ни редактор «Советской культуры», ни заведующий отделом кино этой газеты и одновременно автор пресловутой рецензии. Собравшиеся критики и киноведы, разобравшись, поддержали нас. Они были возмущены позицией газеты, поведением Шалуновского. В соответствующей резолюции осуждался нечистоплотный поступок члена секции. Здесь мы с Зориным вроде бы победили, но толку от этой победы не оказалось никакого — Шалуновский эту резолюцию, как говорится, «в гробу видел». И мы решились: подаем в суд на газету «Советская культура», обвиняя ее в использовании недостойных методов журналистики. Но тут случилось непредвиденное. Проезжая на работу мимо Арбатской площади, один из руководителей страны, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, увидел из окна большой, длинной, черной машины на фасаде кинотеатра «Художественный» афишу фильма «Человек ниоткуда». На афише был изображен лохматый дикарь в меховых шортах. Главный идеолог уже видел ленту, она ему очень не понравилась, и он распорядился снять фильм с экрана...

Кстати, когда в 1980 г. в Москве выпустили в прокат «Гараж», я долго не мог понять, в чем дело. Вроде кинотеатров было немало, и неплохие кинотеатры, но что-то тем не менее казалось необычным. А что именно, я никак не мог постичь! Директриса одного из кинотеатров объяснила мне ситуацию, вернее, принцип демонстрации нашей ленты в столице. Особенность состояла в том, что «Гараж» не шел ни в одном из кинотеатров, которые находились на трассах больших, длинных, черных машин. Прокатчики, наученные горьким опытом, не хотели рисковать судьбой фильма. Ведь достаточно было лишь одного звонка какой-нибудь влиятельнейшей персоны, чтобы фильм попал в заключение или, как мягко выражаются, лег бы на полку. И действительно, «Гараж» не демонстрировался ни в «Октябре», ни в «Художественном», ни в «Ударнике», ни в «России». Не буду называть остальные кинотеатры, чтобы ненароком не выдать какой-нибудь государственной тайны...

Но вернемся к «Человеку ниоткуда». Через несколько дней после снятия ленты с экрана на XXII съезде КПСС М. А. Суслов посвятил нашей картине несколько слов. Вот что он сказал в своей речи 21 октября 1961 года: «К сожалению, нередко еще появляются у нас бессодержательные и никчемные книжки, безыдейные и малохудожественные картины и фильмы, которые не отвечают высокому призванию советского искусства. А на их выпуск в свет расходуются большие государственные средства. Хотя некоторые из этих произведений появляются под таинственным названием, как «Человек ниоткуда» (оживление в зале), однако в идейном и художественном отношении этот фильм явно **не оттуда.** (Оживление в зале. Аплодисменты.) Известно также, **откуда** взяты, **сколько** (немало) и **куда** пошли средства, напрасно затраченные на производство фильма. Не пора ли прекратить субсидирование брака в области искусства? (Аплодисменты)».

Я оставляю в стороне блистательный, чрезвычайно доказательный анализ картины. Каламбур тоже был нехитрый. Главным, пожалуй, единственным аргументом, подтверждающим безошибочность мнения, обличающего фильм, была высокая «непогрешимая» должность оратора. Что бы он ни произнес, это все равно встретили бы аплодисментами. Бо́льшая часть присутствующих в зале просто еще не могла увидеть картины: она шла всего несколько дней и демонстрировалась ничтожным тиражом. Однако послушный зал ответил на непритязательную шутку оживлением и аплодисментами.

После этой всесоюзной рецензии с трибуны съезда фильм был окончательно похоронен. По сути, произошло нечто большее, чем снятие фильма с экрана. Было погребено направление «юмора абсурда» в нашем кино.

Через несколько дней на концерте, посвященном закрытию съезда, два эстрадника Рудаков и Нечаев уже пели «злободневную» частушку:

На «Мосфильме» вышло чудо
С «Человеком ниоткуда».
Посмотрел я это чудо —
Год ходить в кино не буду...
Ай-яй-яй, ай-яй-яй...

Делегаты смеялись. Видно, с остальными проблемами в стране все обстояло хорошо!

После этого громкого события мы с Зориным дрогнули. Мы не боялись идти против течения, но веры в объективность, беспристрастность нашего суда, да еще при таком могучем оппоненте у нас не было. И мы не подали в суд. Решили избежать бессмысленной трепки нервов. Хотя в суде должна была идти речь не об оспаривании оценки фильма, а о недостойных методах газеты. Но эти два разных вопроса в глазах суда при данной ситуации разделить было не так легко. Тем более, что оценка считалась окончательной, ведь ее произнесло невероятно значительное лицо, да еще с самой высокой трибуны. Не говорю уже о том, что иск частных лиц к государственному органу печати — факт сам по себе в те времена был неслыханным. И казус-то состоял не в материальных претензиях, что встречалось в судебной практике, а в претензиях моральных, нравственных, этических. Мы понимали шаткость нашей позиции,— ведь в глазах судей мы неминуемо выглядели бы в лучшем случае как два склочника, а в худшем могло запахнуть более неприятными для нас формулировками. И мы утихомирились! Плюнули на всю нашу интригу и продолжали жить!

Но теперь пробил час газеты! Она наконец-то могла расквитаться с нами. Шалуновский ощутил свою безнаказанность, и газета ответила сокрушительным ударом. В редакционном подвале без подписи (значит, это не мнение одного какого-то журналиста, а мнение всей редакции) газета обрушилась на наши (действительно глупые) головы.

Приведу некоторые цитаты из подвала от 11 ноября 1961 (через двадцать

дней после речи на съезде), озаглавленного: «О фильме «Человек ниоткуда»:

«...Пожалуй, ни об одном из фильмов последнего времени не писалось и не говорилось так много, как о «Человеке ниоткуда». Обстановка нездоровой сенсационности сопутствовала ему с самого начала...»

Сенсационность, видимо, заключалась в том, что о фильме спорили, что у него были не только враги, но и друзья.

«...Фильм «Человек ниоткуда» не может заслужить иной оценки, кроме отрицательной... Картина оказалась слабой, сумбурной, а заключенные в ней идеи... весьма сомнительны...»

Цитирую дальше: *«...Когда газета «Советская культура» выступила по поводу фильма с письмом в редакцию, озаглавленным «Странно...», авторы картины сценарист Л. Зорин и режиссер Э. Рязанов никак не реагировали на существо критики. Всю свою энергию они направили на то, чтобы разыскать автора этой статьи, узнать его адрес, его имя, отчество и т. д. Они принялись писать письма в редакцию и другие организации, отзываясь в неуважительном тоне о сотрудниках редакции и авторе статьи...»*

Согласитесь, что для читателя, который не знал всей подоплеки и который привык верить печатному слову, со страниц газеты предстали образы мерзких, мстительных интриганов, которые искали автора статьи, чтобы его скорее всего отколотить. Далее Шалуновский нанес удар по секции теории и критики Союза кинематографистов.

«...На обсуждении о существе критики фильма, о серьезных ошибках его авторов не было сказано ни слова. Предметом обсуждения явились второстепенные, непринципиальные вопросы...»

Конечно, вопросы чести и совести, порядочности и долга для Шалуновского являлись второстепенными и непринципиальными. Имея в руках такое могучее оружие, как прессу, он еще раз использовал ее в недобрых целях, не останавливаясь перед напраслиной, сводя счеты не только с нами, но и со своими коллегами, которые осмелились обвинить его в бесчестности. Критик и киновед Шалуновский расправился с нами, победил. Мы же проиграли. Но я не жалею о том, что мы проделали тогда. Единственное, в чем я раскаиваюсь, что мы не подали в суд. Хуже бы все равно не было. А один шанс из ста, что мы могли победить в суде, все-таки был. А мы его упустили, не использовали, ушли в кусты. И этого я себе и своему напарнику простить не могу...

Со времени злополучной истории минуло двадцать восемь лет. Те раны давно затянулись и не ноют ни в какую погоду. Кинокритик Шалуновский скончался несколько лет тому назад. Говорят, что о мертвых не принято говорить дурное. С моей точки зрения, это сомнительная поговорка, особенно в нашей стране.

Однако дело тут даже не в личности Шалуновского. Почти каждый «подручный партии», как тогда именовали журналистов, окажись он в положении Шалуновского, так же усердно выполнил бы свои обязанности. Но полученный урок не прошел для меня бесследно. Я понял, что хамство, несправедливость, нечистоплотность нельзя прощать или делать вид, что не замечаешь. Надо отвечать сокрушительным ударом, чтоб в следующий раз неповадно было! Это необходимо в первую очередь для самоуважения.

В этом году наша лента пошла в кинотеатрах, спустя 28 лет после создания. Кинозритель может увидеть актерские дебюты в кино Анатолия Папанова и Сергея Юрского, может познакомиться с первой комедийной кинорolью Юрия Яковлева. Господи! Между созданием картины и ее встречей с публикой прошла, по сути, вся жизнь...

СЕГОДНЯ С

Леонид ЛЕРНЕР

«Цыгане презирают народ, оказывающий им гостеприимство». Смысл этих слов, сказанных автором «Кармен», прожившим среди цыган, в частности испанских, не один год, многими нынче вряд ли будет правильно понят. Ибо те цыгане, которых знал Мериме, были совершенно другими людьми, нежели те, которых знаем (а лучше сказать — плохо знаем) мы с вами. Цыгане Мериме да и живущие в других странах и в восемнадцатом, и в девятнадцатом, и даже еще в первой половине двадцатого века — те, пожалуй, имели право презирать народы, которые оказывали им отнюдь не любезное гостеприимство. Чужие и бесприютные, кочующие и голодные (но при этом никогда не терявшие ни страстной своей веселости, ни желания жить так, как именно и живут,— свобода и воля!), они презирали людей, променявших волю на стремление приобретать, копить, окружать себя вещами.

Однако и времена меняются. Сегодня цыгане во всем мире отходят от вековых традиций: кочевье народа, которое длилось 15 веков, в одних странах просто остановилось, в других — стало походить на современный туризм. Цыгане начали обрастать вещами! Народ, который полтора тысячелетия являл собой неповторимую загадку — и своим происхождением, и образом жизни, и необычайной музыкальностью, народ, всегда рождавший у людей тайное чувство ностальгии по вольной жизни, растворяется в общей массе!

Да нет, еще не растворился. Но вот что удивительно: как и много лет назад, когда цыганские шатры и бивуачные костры были обычным явлением, а нынче являются экзотикой, цыгане, живущие уже в обычных домах, в постоянных и подчас весьма недурно обставленных квартирах, по-прежнему презирают чужих. Обычаи и традиции уходят, а черта характера, всегда резко отличавшая цыган, остается.

Справедливости ради отметим, однако, что теперь это не столько презрение, сколько желание отделить своего от чужого. Но куда денешь чувство высокомерия, когда звучит: «Я ром, а ты — гаджо». Это слово я услышал, когда впервые сидел за столом у цыган (на правах родственника!). И тем не менее, как позже выяснилось, относилось это слово именно ко мне. В нем не было ничего дурного по отношению к гостю, с которым чокались, желали ему здоровья, но между собой называли «гаджо». То есть хороший в общем-то парень, но... не ром!

За столом сидели только мужчины (женщины и дети были в другой комнате), и эти мужчины, хотя и не были сильно пьяны (цыгане пьют очень умеренно, а цыганки и вовсе первую в жизни рюмку могут позволить лишь после сорока), были необычайно шумны, что-то кричали друг другу на странном языке, яростно жестикулировали и страстно божились, ударяя себя кулаком в грудь.

Я бывал за столами армян, грузин, узбеков, туркмен... Но только здесь (несмотря на то, что в другой комнате сидела моя жена — цыганка) я вдруг отчетливо осознал: то не просто незнакомая мне компания, говорящая на своем языке, а совсем иной, незнакомый народ.

А что я вообще-то знал о цыганах до той встречи?

Помнил, как в детстве, в самом конце сороковых, в Москве рядом с Новодевичьим монастырем, где я жил неподалеку, помещался своеобразный цыганский городок, где жгли костры прямо во дворах, где возле хибарок и бараков копошились смуглые, одетые в яркое тряпье женщины и голые, как туземцы, дети.

В этом, быть может, последнем московском таборе цыган было, вероятно, не более пятисот — горстка среди живущих рядом тысяч москвичей, но...

ВАМИ Я, ЦЫГАНЕ

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Этой горсткой курчавых и необузданных людей было пронизано все вокруг!

Цыганские мальчишки беспощадно дрались с местными, отстаивая свою независимость; пяти-шестилетние малыши плясали на улицах, в приступе танца падая на землю и продолжая танец на животе; что касается женщин, то они крикливой цветастой толпой «обслуживали» Усачевский рынок — зазывали, гадали, что-то меняли... В то время мне представлялось, что цыгане — это черти, выставленные из ада и принявшие облик людей.

Но однажды ночью этот веселый цыганский городок вдруг исчез — как провалился. И наблюдать, как бульдозеры рушат гнилые хибары, а экскаваторы грузят на машины весь этот мусор, было страшно и тоскливо...

Вот, пожалуй, и все, что я знал о цыганах. Теперь-то понимаю, что не слишком много. Ибо лишь тогда, когда судьба кинула меня в самую их гущу, я впервые задумался об истинной сущности и характере такого явления миру, как цыгане. Однако рассказать решился только сейчас.

* * *

Смею заверить читателя: редкий человек смог бы взять да и написать о цыганах только потому, что ему так захотелось.

Живя в необычных условиях, среди чужих народов, цыгане, за редчайшим исключением, никому не давали вторгаться в свою интимную жизнь, отгораживаясь от любопытных всеми возможными способами. В то время как сами смело входили в жизнь окружавших их людей, если того требовали их своеобразные занятия или другая какая прихоть.

Вот так вошла в мою жизнь цыганка Ляля Калы («Калы» значит «черная» — прозвище, данное ей матерью, бывшей таборной цыганкой), судьба которой ясно говорит о том, как в современных условиях жестких режимов и торжества цивилизации этот народ постепенно теряет свою самобытность. Ее отец, отбыв 14 лет в Норильском лагере, вышел оттуда со специальностью слесаря, поселился под Калугой в рабочем поселке, поступил на завод... Цыганская семья встала на прикол.

Живи в таборе или просто в постоянном окружении цыган, Ляля наверняка стала бы профессиональной певицей и плясуньей, но тут, на отшибе, мирно окончила школу и поехала в Москву, в институт. В институт не попала, но обратно ехать не пожелала, осталась в Москве — в няньках.

Мать Ляли — таборная цыганка Маня-Разговорчик — сумела сохранить все характернейшие черты истинной дочери своего народа.

В одних вещах ужасно бестолковая, в других необычайно смышленая, даже мудрая; совершенно неграмотная, но мысли свои выражающая ясно и образно; то хохочущая, то плачущая; любящая «глоточек водочки» — именно глоточек, из которого затем вырывалось море огня, веселья, прибауток... Любящая покушать в ресторане с чрезвычайно важным видом — знай наших! Побаловаться чайком, который называет «напитком богов», а за чаем и потолковать про жизнь.

Когда я познакомился с Лялей, Марья Николаевна давно уже слыла одной из самых известных в Калуге и Москве цыганских гадалок. Она была в полном смысле этого слова профессионалом — гадала, выражаясь по-французски, только «тет-а-тет», глаза в глаза, не признавала никаких карт, работала исключительно методом импровизации. Тем больше удивляли ее искренность и то, с какой охотой рассказывала она мне свое прошлое и настоящее.

В ее рассказах бывали и совершенно удивительные сведения: оказывается, таборные цыгане не только кочевали, крали лошадей, гадали, но охотно работали и на государство, если удавался свободный и выгодный договор. Работали в леспромхозах — на своих лошадях вывозили лес, возили материалы для фабрик, по весне пахали крестьянам огороды, получая взамен молоко и сметану... Но, о чем бы ни шла речь, разговор все равно в конце концов возвращался к ее любимой теме.

— В Азарове, под Калугой,— продолжала она,— есть одна цыганка, тоже на зеркале гадает, человека определяет — как невропатолог. Ну, я-то зеркало давно забросила...

— А как вы учились гадать? Кто учил?

— Дар божий, от матери мне достался. Сестра Зина тоже ведь знает, что и как говорить, да не получается. Говорю тебе, дар божий, чтоб мне подавиться этой сигаретой! Другие ходят толпой, чтобы отвлекать и обманывать, а я всегда одна. И всегда по-моему выходит. Которой скажешь на ходу: «В любви не везет»,— а которой: «В любви небогата». Огрызнется: «Ты почем знаешь?» «Приостановись,— отвечаю,— я тебе все скажу». А ты же знаешь, что слышу я плохо. Значит, не столько ее слушаю, сколько по лицу и глазам примечаю. Если смазливая, наверняка какой-нибудь начальник обхаживает...

— Смазливая может и у станка работать...

— Понятное дело. Да все равно какое-никакое начальство есть. У нас же кругом директора! Она мне: «Да вы что, я с начальством не гуляю». Стесняется, врет. А я: «Я и не говорю, что гуляешь. Он тебя любит, как передовую работницу». Тут она сознается. И пятерочку на руку кладет. И просит сделать так, чтобы он ее не бросал. А я говорю: «Добавь, и все будет хорошо».

И смеется так, что слезы выступают на глазах, а отсмеявшись, прихлебывает чай — крутой, как чифирь, только такой и пьет.

Русские женщины вызывали у нее откровенное чувство жалости: и своей беззащитностью, и покорностью судьбе, и зависимостью от мужской любви. И хотя в цыганской среде всегда существовал и до сих пор существует культ мужчины, поклонение мужчине носит здесь совершенно другой характер. В этом поклонении нет ни капли рабства — оно освящено традицией и совершенно осознанно. С легкостью необычайной, сколько бы ни было на руках детей, любая цыганка может покинуть своего супруга, чтобы уйти к другому или пуститься в самостоятельное плавание. Такая независимость объясняется очень просто: у цыган семью, и детей, и мужчину, содержит именно женщина. Ляля рассказывала мне, как мать, не поделив что-либо с отцом, забирала ее и брата и уезжала в Москву, живя по полгода в углу у сестры вполне счастливо и совершенно безбедно. Назовите мне хотя бы одну русскую женщину, которая не побоялась бы бросить мужа, квартиру и уехать с двумя детьми практически в никуда!

Наш с Лялей сын, живя летом у деда под Калугой, часто ходил в соседнюю деревушку, где жили цыгане. Там и познакомился с цыганенком Власом, заботам которого были целиком поручены прекрасная гнедая кобыла и жеребенок Тимка. Рассказывая мне об этом знакомстве, сын без конца повторял, что Влас живет в очень бедной семье.

— Бедная семья? — удивился я.— Это со своей-то лошадью?

— Ну и что? — вмешалась Марья Николаевна.— Сами не поедят, а лошадь накормят. Я знаю эту семью: отец слепой, мать десять лет торбу не снимает...

— Просит христа ради?

— Это раньше так просили, когда в бога верили.

— Но ведь она могла бы работать?

— Это еще для чего? Пять человек детей вырастила с сумкой, очень просто.

— А почему она вышла замуж за

слепого? Из жалости? Или никто ее больше не брал?

— Зачем из жалости? Он мужик настоящий: и пил, и торговал, и менялся, и дрался. А работать мужику при цыганке необязательно. Знаешь ли ты, что такое баба цыганская? Тяжеловесный ломовик! Она и пашет, и коротит, и боронит. У цыган женщина кругом! Мужчины за столом, а бабы на стреме. Видит, что мужик что-то не так говорит, никогда не оконфузит — боже упаси! Но если что худое случилось, мужа под мышку — и бегом.

— В общем, цыганка любит, кормит, из беды выручает. И сейчас так же?

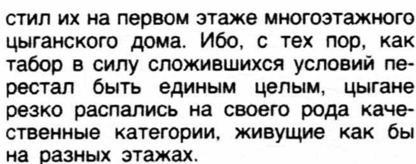
— Вот тебе пример. Тут одного цыгана на «химию» отправили. Так баба всю семью повезла к нему. Спрашиваю: «Зачем всех везешь мучиться?» Отвечает: «Он на нас хоть посмотрит, печку стопит, и дети его боятся».

И таковы практически все цыганки, каких я видел: и прекрасные, и уродливые,— все они живут, ни минуты не созерцая. Вероятно, оттого практически не ведают страха перед жизнью — ни перед кем и ни перед чем. Наблюдая их, я не раз вспоминал Кармен. Все ложноромантические представления об этой поразительной женщине смешны. Теперь я знаю, что она шла на смерть вовсе не потому, что отстаивала свою любовь и независимость. То был человек, не ведающий страха потому, что для него ничего не существовало, кроме сей минуты...

Думаю, что из всего цыганского, что нынче еще осталось в нашем мире, цыганские женщины являются самыми примечательными, самыми характерными и самыми устойчивыми. Я бы поме-

стил их на первом этаже многоэтажного цыганского дома. Ибо, с тех пор, как табор в силу сложившихся условий перестал быть единым целым, цыгане резко распались на своего рода качественные категории, живущие как бы на разных этажах.

Ближе других к «нормальному» образу жизни стоят цыганские артисты — танцоры, певцы и музыканты,— которых считают людьми, честно зарабатывающими свой хлеб (что, кстати, вполне соответствует истине).

Есть (правда, в небольшом количестве) цыгане «исправившиеся» — такие, как, скажем, отец Ляли и другие, сознательно ушедшие на государственное производство. Есть и самостоятельные производственники, так называемые «котляры» — замечательные слесари-самоучки, лудильщики котлов, кузнецы. Но их нынче осталось совсем мало, буквально единицы — этих умельцев у нас почему-то преследуют, не доверяют, отказывают в работе... По сравнению с ними в лучшем положении находятся даже «ловари» — те, что махинируют с деньгами, ловят на крючок простачков.

Особую категорию представляют «плащуны» — имитаторы нищих, не кочующие, но ведущие привокзальный образ жизни, снующие по электричкам, где угрюмо, без всяких фокусов требуют подаяния.

Больше всех сохранили свои традиции и обычаи «бóбры» — цыгане, живущие целыми родами в селах, где разводят лошадей, а в последнее время даже и крупный рогатый скот, который охотно продают государству.

И, наконец, представляю читателю так называемых «рабочих» цыган, заполнивших в последние 20 лет все этажи всесоюзного цыганского дома. Это те самые цыгане-спекулянты, с которыми мы каждый день сталкиваемся в магазинах и на улицах и которые давно уже заменили нам истинное представление о цыганах.

Как-то я зашел к одной «рабочей» цыганке Зине, по прозвищу «Рыжая».

— Помните таборную жизнь? — спросил я.

— Как же мне ее не помнить? — отвечала Зина.— Кочевали по кольцу от Малого Ярославца до Иванова. Нравится — встали, не нравится — поехали дальше.

— Вот уже лет тридцать, как вы прочно осели. Живете в полном достатке, в серванте фарфор и хрусталь, всюду дорогие ковры. Сравнивая прошлую, таборную жизнь с нынешней, чему бы отдали предпочтение? Хотели бы вернуться на дорогу?

Зина посмотрела на меня как на ненормального.

— Сказали бы: иди на все четыре стороны,— никуда б не пошла. А зачем? Живем в теплом доме, сыты, нос в табаке. Ушла я из той жизни навсегда.

— Но ведь, если так и дальше пойдет, через полвека от вашей нации и следов не останется,— заметил я.

— Верно,— согласилась она.— А что же делать? Куда возвращаться-то? Ведь у нас нет даже родительского очага: вся наша родословная в землю ушла. Потеряли мы свою старину. У нас даже среди своих веры настоящей не осталось друг к другу. Как же нам снова собраться в табор? Мы еще хотя бы воспоминаниями живем, а дети наши, так те даже посмеиваются над нами — как вообще-то можно было так жить. Стоило, мол, мучиться? Ради чего?

Я слушал ее и удивлялся. Ведь именно в этом доме я встретил живую легенду — цыгана, перед памятью о котором склоняются и старые, и молодые.

То был дядя Зины, Иван Васильевич по прозвищу «Короткий». Об этом легендарном человеке, прошедшем и тюрьмы, и лагеря, но оставшемся верным всем цыганским традициям, я и раньше слыхал немало. Рассказывали, что он помнил чуть ли не десяток колен своего древнего рода, был редчайшим знатоком лошадей, главным судьей в трудных цыганских спорах, любителем книг... И вообще некоронованным цыганским королем в округе верст на семьсот.

В последний год жизни Короткого глодала язва, но он все же приехал из Тулы в Москву на похороны Миши Шагаева, Зининого мужа, одного их тех редких цыган, которых коснулось сталинское чудо: в 1948 году, перед самым началом повсеместного гонения на таборы, Миша Шагаев и еще несколько цыган (в том числе будущий цыганский поэт Саткевич) окончили загадочно открывшийся, чтобы дать всего один выпуск, цыганский педагогический техникум.

Иван Васильевич подошел ко мне во время церковной панихиды. Я почувствовал, как кто-то тронул меня за локоть и тихо, но отчетливо сказал: «Пойдем выйдем». Ляля успела шепнуть: «Короткий» — и я пошел из церкви вслед за седым человеком в элегантном пальто.

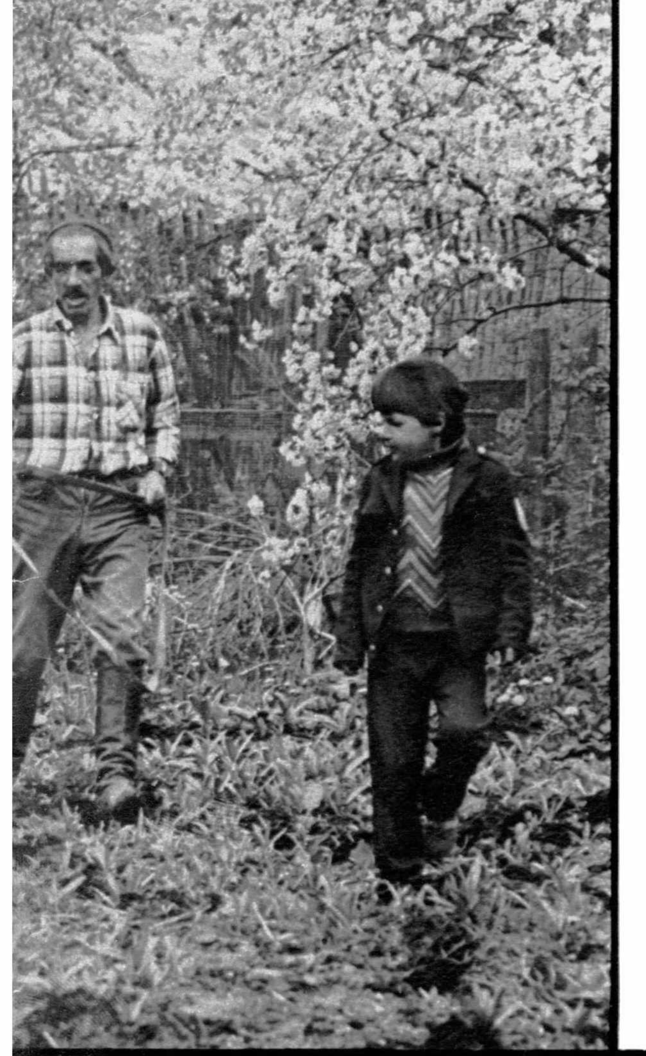
Он приходился Ляле двоюродным дедом, и я не удивился, что заинтересовал старого цыгана.

— Знаешь, почему она за тебя вышла? — сказал он, щурясь на холодное октябрьское солнце.— Цыгане разбегаются как тараканы. Гаснет цыганская душа. Вот умер Миша, скоро умру я, потом Саткевич, Зина-Рыжая, Маня-Разговорчик...

* * *

Можно как угодно относиться к цыганам, но не жалеть о том, как буквально на глазах уходит из жизни это удиви-

тельное племя людей, невозможно.

Один югославский врач, заточивший себя в Тибетский монастырь, где и прожил 30 лет в философских размышлениях, сделал вывод, что, создавая материальный мир, человечество идет к самоуничтожению. Чем больше в мире вещей, тем ближе его крах. Он считал, что когда наша планета окончательно материализуется, она взорвется. И кто знает, быть может, подсознательно чувствуя это, цыгане, храня свою свободу от вещей, веками сохраняли себя как народ, способный выжить в любых условиях.

Наблюдая цыган, я сделал вывод: как нельзя заставить эвенков жить на юге, так нельзя цыган сделать оседлыми — они со временем просто прекратят свое существование как нация, ибо именно в кочевье родилась и пошла по всему миру загадочная цыганская душа. Могут возразить: а нужна ли такая нация, которая всем своим образом жизни вносит в нашу жизнь явный дискомфорт?..

Сегодня уже многим ясно, что мир ожидает трагедия, так как человек уничтожает все, что мешает ему удобно жить. Без всяких раздумий, ради сиюминутной выгоды мы уничтожаем леса и реки. Без всякого стеснения, добывая нефть и газ, фактически разоряем земли малых народов... Что касается цыган, то мир сегодня так переродился, что не оставил им ничего, кроме права жить так, как живут все. И дело тут не столько в жестких режимах, не терпящих нарушений заведенных порядков, сколько в сплошной цивилизации, которая, как грозная, неизлечимая болезнь, захватила весь мир. Мне рассказывали, что в Швеции недавно встретили цыганский табор, передвигающийся на «вольво». 15 ультрасовременных машин с фургончиками, оборудованными по последнему слову бытовой техники...

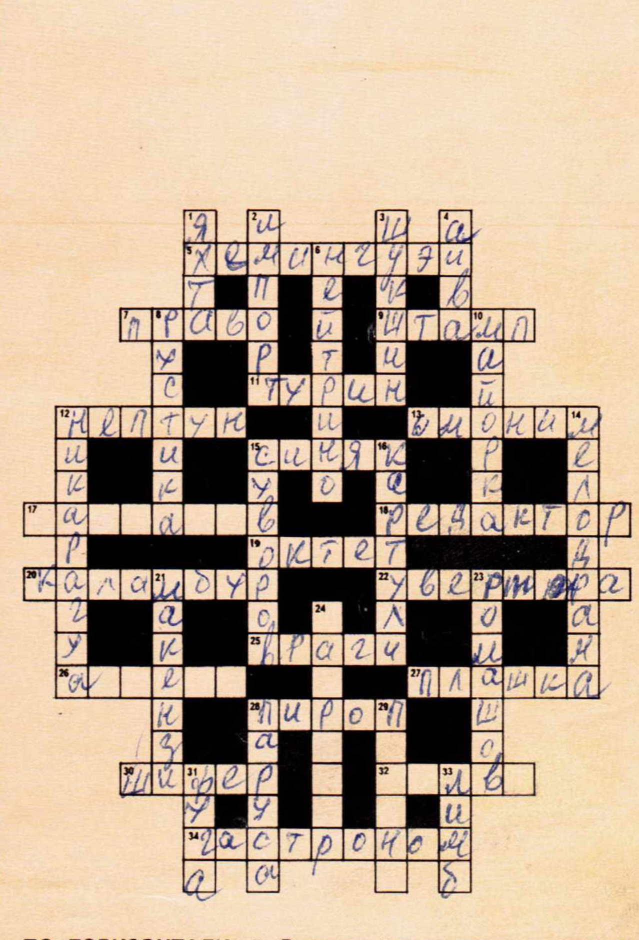

И я невольно подумал: хорошо, что наши цыгане еще не дошли до такой жизни. И не скоро дойдут. И поживет еще на свете цыганская душа, слетая к нам каждый вечер на крыльях театра «Ромэн».

А ведь под Калугой, Тулой, Ивановом, на Урале и за Уралом, в Сибири и даже в Средней Азии живут цыгане, сохранившие до поры традиции и обычаи своего народа. И кое-где живут еще настоящим цыганским домом, который как бы замер в раздумье: что делать? Куда идти? И, быть может, в этих еще не истребленных цыганских душах и черпает свое искусство театр «Ромэн»?

Соберутся ли цыганские таборы, чтобы снова двинуться в путь. Или... Время, безжалостное ко многим народам, жившим когда-то на земле, истребит и этот неповторимый дух?..

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Выдающийся американский писатель. 7. Совокупность общеобязательных норм поведения. 9. Инструмент для изготовления изделий давлением. 11. Город в Северной Италии. 12. Планета. 13. Слово, однозвучное с другим, но отличное от него по значению. 15. Съедобный гриб. 17. Русский композитор, певец, мастер романса. 18. Руководитель издания. 19. Ансамбль из восьми музыкантов. 20. Игра слов, шутка. 22. Оркестровое вступление к опере, балету. 25. Пьеса М. Горького. 26. Город в Грузии. 27. Инструмент для нарезания наружной резьбы. 28. Разновидность граната, драгоценный камень. 30. Кровельный материал. 32. Река на Среднем Урале. 34. Продовольственный магазин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Спортивное или прогулочное судно. 2. Ввоз товаров из-за границы. 3. Писатель, кинорежиссер, актер, лауреат Ленинской премии. 4. Южное плодовое дерево. 6. Элементарная частица. 8. Рельефная кладка или облицовка стен. 10. Испанский остров в Средиземном море. 12. Республика в Центральной Америке. 14. Пьеса с острой интригой. 15. Русский полководец, не проигравший ни одного сражения. 16. Грузинский народный танец. 21. Река в Канаде. 23. Персонаж повести А. И. Куприна «Поединок». 24. Минерал, поделочный камень. 28. Южное созвездие. 29. Озеро на севере Красноярского края. 31. Музыкальное произведение имитационного склада. 33. Диск, разделенный штрихами на градусы в угломерных инструментах.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Лебедянь». 8. Хлебороб. 10. Деление. 11. Пименов. 12. Клецк. 14. Шкив. 16. Альт. 17. Теннисистка. 18. «Предписание». 20. Уран. 21. Ядро. 23. Трасс. 26. Вестник. 27. Верстак. 28. Линкруст. 29. Мотовило.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Черемош. 2. Метеорит. 3. Тятин. 4. Девиз. 5. Молекула. 6. Колорит. 9. Интенсификация. 12. Кандидат. 13. Косеканс. 15. Венерн. 16. Акация. 18. Патетика. 19. Единство. 20. Упоение. 22. Османлы. 24. Тимур. 25. Жесть.

ПРОСТАЯ ДУША

ОГОНЁК

В этом году 63-летний живописец-самоучка Артюша Бдеян впервые увидел свою персональную выставку в Музее народного искусства Армении. Не грустные мотивы человеческой осени, а чистые пасхальные краски, как народная песня, веселят и радуют сердце на этом вернисаже.

Мотивы старого Тбилиси, вернее Тифлиса, где Артюша прожил до высылки в сибирские леса, нежно звучат в его творчестве. Романтические воспоминания о колоритном городе с веселыми пирушками, свадьбами, щедрыми столами позволяют забыть на минуту свербящие проблемы сегодняшнего дня, зарядиться жизненной энергией от этой простой и волшебной души.

Примитивный художник отличается тем, что нигде не учится, не знает законов живописи, ее исторического опыта. Просто однажды он случайно берет в руки кисть... С Артюшей это произошло 10 лет назад в мастерской его брата Амаяка, известного керамиста. Здесь он впервые обратил обрывок старого картона в художественное произведение. С тех пор его картины начали появляться на союзных и зарубежных выставках. Имя его вошло во «Всемирную энциклопедию наивного искусства».

Сейчас Артюша Бдеян живет и работает в Ереване. В его творчестве преобладает армянская тема: обычаи, история, национальные герои и традиции... Изменилась палитра художника, стала более сдержанной, но душа его искусства, по-детски чистая и наивная душа художника, осталась неизменной.

Александр ГРАЩЕНКОВ
Фото автора

40 коп.
Индекс 70663

